

АГАТА КРИСТИ

ОТЕЛЬ
«БЕРТРАМ»

КОРНЕЕВА АЛЕКСАНДРА

Annotation

Исчезновение престарелого священнослужителя из отеля «Бертрам» заставляет полицию Скотленд-Ярда обратить пристальное внимание на респектабельную гостиницу, ее служащих и постояльцев. Среди последних оказывается вездесущая мисс Марпл, с помощью которой распутывается чрезвычайно серьезное преступление, с первого взгляда казавшееся простым недоразумением.

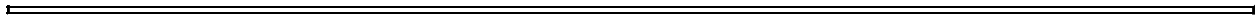
- [Агата Кристи](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

Агата Кристи

ОТЕЛЬ “БЕРТРАМ”

*Посвящается Херри Смиту с благодарностью за
его научный подход к моим книгам*

Глава 1

Есть в центре Вест-Энда множество забытых Богом уголков, и, пожалуй, только одни таксисты без труда ориентируются в этом лабиринте и успешно выбирают к Парк-лейн, Беркли-сквер и к Одли-стрит.

Если неподалеку от Гайд-парка^[1] вы свернете в малоприметный переулок и повернете налево, а затем раза два направо, то окажетесь на тихой улице и на правой ее стороне увидите отель «Бертрам». Отель стоит здесь уже давно. Война^[2] разрушила дома справа от него, а потом и дома, что слева, но сам «Бертрам» уцелел. Разумеется, он не избежал кое-каких повреждений, но с помощью известных затрат отелю удалось вернуть первоначальный вид. Так что и в 1955 году он производил точно такое же впечатление, как в 1939-м, — дорогого и изысканного без показной роскоши.

Таков был отель «Бертрам», излюбленное пристанище высшего духовенства, вдовствующих аристократок из провинции, а также юных девиц, возвращающихся в родные места после окончания дорогого пансиона и по дороге домой завернувших на денек-другой в Лондон. «Но где в Лондоне остановиться молодой одинокой девушке? — Конечно, в отеле „Бертрам“ — это вполне, вполне допустимо! Мы уж который год там останавливаемся!»

Разумеется, таких гостиниц существовало немало. Некоторые стояли еще с незапамятных времен, но почти каждой из них коснулся ветер перемен: их пришлось модернизировать, дабы угодить разношерстной клиентуре. Поневоле изменился и «Бертрам», однако перемены эти были произведены столь тонко, что с первого взгляда заметить их было трудно.

Снаружи на лестнице, ведущей к большой вращающейся двери, возвышалась фигура, на первый взгляд рангом не ниже фельдмаршала. Золотые галуны и планки медалей украшали широкую мужественную грудь. Манеры у него были отменные. Едва только вы, преодолевая ревматизм, выбрались из такси, как он бережно принимал вас, заботливо вел по ступенькам, благополучно препровождал сквозь бесшумно вращающиеся двери.

Впервые переступив порог отеля «Бертрам», вы ощущали, почти с испугом, что шагнули в уже исчезнувший мир. Само время словно пошло вспять. Вы оказались в Англии начала века.

Центральное отопление, конечно, здесь наличествовало, но в глаза не бросалось. Как и встарь, в огромном холле топились два великолепных камина, а стоявшие рядом медные ведерки были полны угля и сияли так же ослепительно, как и во времена короля Эдуарда^[3], когда горничные не покладая рук начищали эту каминную утварь. Была соблюдена общая атмосфера — богатый темно-красный бархат, уютный плюш. Однако кресла принадлежали иной эпохе. Сиденья их крепились значительно выше общепринятого уровня, чтобы старые дамы могли без роняющих их достоинство усилий выбраться из кресла и встать на ноги без посторонней помощи... А кроме того, кресла здесь были неодинаковых размеров — и поуже, и пошире, со спинками прямыми и слегка отклоненными назад, — иными словами, и тучные, и худощавые могли найти себе в отеле «Бертрам» удобное местечко.

Подшло время чаепития, и холл был полон. Впрочем, чай подавался не только в холле. Была еще ситцевая гостиная, курительная комната (из неких тайных соображений, предназначенная только для мужчин), с широкими креслами прекрасной кожи, и две читальни, куда постоялец отеля мог привести своего приятеля и уютно поболтать в уголке, а если надо, то и написать письмо. Но кроме этих приятностей эдвардианской поры имелись и вынужденные уступки современности, особо не рекламируемые, однако известные тем, кто в них нуждался. Так, тут было два бара и двое барменов: один — американец, облегчавший жизнь соотечественникам с помощью виски «Бурбон» и разнообразных коктейлей; другой — англичанин, знающий толк в хересе и в аперитиве «Пиммз № 1», умевший тонко побеседовать о рысаках в Аскоте и Ньюберри с пожилым джентльменом, прибывшим в Лондон исключительно ради скачек. И, наконец, незаметный коридорчик вел в телевизионную комнату всех, кто интересуется телепередачами.

Однако огромный холл бесспорно был наилучшим местом для послеполуденной чашки чаю. Пожилые дамы с удовольствием взирали на входящих и выходящих, узнавая былых знакомых и не без злорадства делясь друг с другом наблюдениями, сколь те постарели. Были тут и американцы, зачарованные зрелищем титулованных особ, вкушающих традиционный послеобеденный чай. Ибо чаепитие в отеле «Бертрам» воистину зрелище!

И зрелище великолепное! За соблюдением ритуала следил Генри, пятидесятилетний, грузный и величественный мужчина, сохранивший давно ушедшие в предание манеры идеального дворецкого. Под его строгим присмотром разносили чай худощавые юноши-официанты.

Имелись тут чеканные серебряные подносы и георгианские серебряные чайники. Фарфор, если и не был подлинным «рокингом» или «даванпортом», то выглядел именно как «настоящий». Подавались здесь лучшие сорта чая — индийский, цейлонский, «Дарджилинг Лансанг» и тому подобные. Что же касается печенья — вы могли потребовать все, что вам заблагорассудится, и главное — получить желаемое!

В день, о котором идет речь, а именно семнадцатого ноября, леди Седина Хейзи, шестидесяти пяти лет, из Лейстершира, с аппетитом, свойственным пожилым дамам, вкушала восхитительные, щедро пропитанные маслом, горячие плюшки.

Это занятие, однако, не поглощало ее полностью и не мешало при всяком повороте двери бросать зоркий взгляд на каждого входящего.

Поэтому она успела улыбнуться и кивнуть, приветствуя вошедшего полковника Ласкома — человека с военной выправкой и висящим на груди полевым биноклем. Будучи дамой, не привыкшей к возражениям, она подозвала полковника властным жестом, и тот через минуту-другую подошел.

— Добрый день, Седина. Какими судьбами в городе?

— Зубной врач, — ответила леди Селина, не совсем, впрочем, отчетливо по причине плюшки во рту. — Вот я и подумала: раз уж я все равно в Лондоне, не грех посоветоваться с тем человеком, на Харли-стрит, по поводу моего артрита. Вы понимаете, о ком я?

Хотя на Харли-стрит проживало несколько сотен известных врачей, лечивших от самых разных болезней, Ласком догадался, о ком речь.

— Помог он вам?

— По-моему, да, — проворчала леди Седина. — Удивительное существо. Схватил меня за шею, когда я этого никак не ожидала, и крутанул словно цыпленка! — Она осторожно повернула голову.

— И было больно?

— Когда так крутят — еще бы! Но я даже, в общем, не успела ничего почувствовать. — Она вновь осторожно повертела головой. — Совсем неплохо! Впервые за последние годы я могу поглядеть через правое плечо!

Она немедленно осуществила эту возможность и воскликнула:

— Бог мой, да ведь это старая Джейн Марпл! А я-то думала, она давным-давно умерла! На вид ей лет сто!

Полковник Ласком бросил взгляд в сторону воскресшей Джейн Марпл, но без особого интереса; в «Бертраме» всегда было полно этих «старых ведьмочек», как он их окрестил.

А леди Седина продолжала:

— Это — единственное место в Лондоне, где еще можно получить настоящие плюшки. В прошлом году, когда я была в Америке, в меню на завтрак значилось нечто, именуемое «горячими плюшками». Ничего общего! Кекс с изюмом! Ну чего ради называть его «плюшкой»?

Проглотив последний кусок, она устремила в пространство рассеянный взгляд. Тут же возник Генри. Возник без всякой спешки и торопливости. Казалось, он просто случайно оказался поблизости.

— Что я еще могу предложить? У нас прекрасный тминный кекс, миледи...

— Что, что? Да я не пробовала тминного кекса тысячу лет! Он и в самом деле с тмином?

— Конечно, миледи. У повара сохранился рецепт еще с незапамятных времен. Уж поверьте на слово, вам понравится.

Генри глянул на одного из своих подчиненных, и тот устремился за тминным кексом.

— Полагаю, вы были в Ньюберри, Дерек?

— О да. Страшный холод! Я даже не стал дожидаться последних забав. День неудачный выдался. Эта кобыла Хэрри — ничего хорошего.

— Неужели вы на нее рассчитывали? А Сванхильда?

— Пришла четвертой.

Ласком поднялся:

— Пойду взгляну на свою комнату.

Он пересек холл и направился к стойке администратора, по пути невольно обратив внимание на сидящих за столиками людей. Совсем как в старое время!.. После войны традиционное послеобеденное чаепитие вышло из моды. Но только не в этом отеле! Кто же все эти люди? Два каноника и настоятель Чизлхэмптонского собора. Да-да, и еще пара ног в гетрах вон там в углу — это не меньше чем епископ! Простые священники попадаются тут редко. «Надо быть, по крайней мере, каноником, чтобы осилить цены в „Бертраме“! — подумал он. — Рядовому священнослужителю это не по карману!» И он подумал: а каким образом ухитряется останавливаться в «Бертраме» Седина Хейзи? Говорят, в год она имеет какие-то гроши! А между прочим, тут восседали и старая леди Бэрри, и миссис Посселтуэйт из Сомерсета, и Сибил Кэрр — эта уж наверняка бедна как церковная мышь!

Все еще обдумывая эту проблему, он подошел к стойке, где его тепло приветствовала мисс Гориндж. Мисс Гориндж тоже была давней знакомой. Она знала всех завсегдатаев отеля в лицо. Выглядела она старомодно, но респектабельно. Желтоватые, туго завитые (явно щипцами!) локоны,

черное шелковое платье и высокая грудь, украшенная крупным золотым медальоном и брошью с камеей.

— Номер четырнадцать, — объявила мисс Гориндж, — мне кажется, полковник Ласком, в прошлый свой приезд вы жили у нас в четырнадцатом, и этот номер вам понравился. Там тихо.

— Не понимаю, как вы ухитряетесь все помнить, мисс Гориндж!

— Стараемся, чтобы старым друзьям было у нас удобно.

— Попадая к вам, невольно вспоминаешь прошлое. Кажется, что ровно ничего не изменилось...

Тут из внутренних покоев появился мистер Хамфрис, пожелавший приветствовать полковника.

Мистера Хамфриса частенько принимали за самого мистера Бертрама. Кто такой мистер Бертрам на самом деле и существовал ли он когда-нибудь вообще, было тайной, покрытой мраком. Отель «Бертрам» вел свое летосчисление примерно с 1840 года, но никто не пытался углубиться в его историю. Отель просто стоял здесь как стоит — и все. Когда мистера Хамфриса величали мистером Бертрамом, Хамфрис не протестовал. Если клиентам угодно, чтобы он был Бертрамом, он будет им. Полковник Ласком правда знал его фамилию, но не знал, кто он — владелец отеля или управляющий.

Мистер Хамфрис был мужчина лет пятидесяти с прекрасными манерами и внешностью министра. Он мог вести беседы на любые темы. Говорить о скачках, о крикете, об иностранной политике, рассказать анекдот о членах королевской семьи, сообщить подробности о последней выставке автомобилей, знал, в каких театрах идут самые интересные пьесы и что следует посмотреть в Англии американцам, прибывшим сюда на короткий срок. Любому постояльцу, учитывая содержимое его кошелька и личные вкусы, он мог посоветовать, где лучше всего пообедать. При всем том мистер Хамфрис своего достоинства отнюдь не терял и к первому встречному не бросался. Всеми вышеперечисленными сведениями обладала и мисс Гориндж и предоставляла их по первому требованию. А мистер Хамфрис лишь появлялся на горизонте, как солнце, и согревал избранных лучами своего обаяния.

Этой чести удостоился сейчас полковник Ласком. Для начала они с мистером Хамфрисом обменялись несколькими фразами по поводу скачек, но полковника все еще занимали собственные мысли, а рядом как раз оказался человек, который мог ответить на его вопросы.

— Скажите, Хамфрис, неужели всем этим милым старушкам по средствам жить в вашем отеле?

— Ах вот что вас интересует! — Вопрос явно позабавил мистера Хамфриса — Ну что ж, ответ прост: отнюдь не по средствам. Если только...

Он умолк.

— Если только не делать скидки? Я прав?

— Более или менее. Но они если и догадываются о скидках, то думают, что это им привилегия как постоянным клиентам.

— А разве не так?

— Видите ли, полковник, у меня отель. Терять впустую деньги я не могу.

— Но каким же образом?..

— Это вопрос атмосферы... Иностранцы, приезжающие к нам... Скажем, американцы; деньги-то главным образом у них... Так вот, у иностранцев свое представление об Англии. Я не говорю, сами понимаете, о крупных шишках, о бизнесменах, чуть ли не раз в неделю пересекающих Атлантику, — эти обычно останавливаются в «Савойе» или «Дорчестере». Им подавай современный интерьер, американскую кухню и все такое прочее, чтобы они чувствовали себя как дома. Но есть другие американцы, те наезжают изредка, и в их воображении наша страна... Они читали Диккенса^[4], Генри Джеймса^[5], им совсем не хочется обнаружить, что Англия становится похожа на их отечество! И вот, вернувшись домой, они восклицают: «В Лондоне есть потрясающее место-отель „Бертрам“! Такое чувство, будто вы оказались в прошлом веке! Настоящая старая Англия! Вы там увидите людей, каких нигде и никогда не увидишь! Умопомрачительные древние герцогини! А какие блюда старой английской кухни, всякие там пудинги, седло барашка, не говоря уж о традиционном английском чаепитии и потрясающем английском завтраке! И вполне комфортабельно! Тепло! Огромные каминь!» — Мистер Хамфрис позволил себе легкую усмешку.

— Вот оно как! — задумчиво протянул полковник Ласком. — Выходит, все эти разорившиеся аристократы и обедневшие потомки старых помещичьих родов — просто мизансцена^[6]?

Мистер Хамфрис кивнул:

— Странно, что никто об этом не догадывается. Ну, я-то застал этот отель уже, как говорится, в сложившемся виде. Он нуждался лишь в некотором, впрочем довольно дорогом, ремонте. А тем, кто сюда приезжает, кажется, что они первооткрыватели и никто другой о «Бертраме» ничего не знает!

— Полагаю, — заметил полковник Ласком, — что реставрация и вправду обошлась в круглую сумму?

— О да! Самое главное — сочетать старинный облик отеля с современными удобствами. Пусть наши милые старушки — надеюсь, вы разрешите мне их так называть, — пусть они воображают, что никаких особых перемен не произошло, ну а путешествующим клиентам нравится стиль ретро, не причиняющий никаких неудобств: налицо привычный комфорт.

— Но это, вероятно, трудновато? — предположил Ласком.

— Не особенно. Возьмем, к примеру, центральное отопление. Американцы требуют — скажу больше, нуждаются! — чтобы температура была на десять градусов по Фаренгейту^[7] выше той, к которой привыкли англичане. И наши номера отапливаются по-разному. В одни мы помещаем англичан, в другие — американцев. Выглядят они совершенно одинаково, но на самом деле там множество мелочей, отличающих их друг от друга, — например, в одних ваннных комнатах душ, в других только ванна, и, если вы пожелаете американский завтрак, пожалуйста, — вот вам корнфлекс^[8] и ледяной апельсиновый сок, а если вам по душе английский...

— Яичница с ветчиной?

— Именно, и кроме того, многое другое... Копченая рыбка, почки, бекон, холодная куропатка, йоркширская ветчина и оксфордский джем...

— Вспомнить бы все это завтра утром. Давненько я ничего подобного не пробовал.

Хамфрис улыбнулся.

— Большинство джентльменов заказывают только яичницу с ветчиной. Они... В общем, они уже забыли о существовании прежних блюд...

— Верно, верно... Помнится, когда я был ребенком... Буфет у стены, заставленный горячими закусками... Роскошная была жизнь!

— Стараемся угодить клиентам, что бы они ни попросили!

Полковник Ласком взял у мисс Гориндж ключ. Мальчик-лифтер вскочил со стула и повел полковника к лифту. Проходя, Ласком увидел, что леди Селина Хейзи сидит со своей приятельницей Джейн... Джейн... Как же ее фамилия?

Глава 2

— А вы, надеюсь, все еще живете в этом милом местечке, Сент-Мэри-Мид? — говорила леди Селина. — До чего же прелестная деревушка, сохранила все свое прежнее очарование!

— Ну, не совсем. — И мисс Марпл сообщила, какие изменения произошли в их городке: выросли новые дома, переделали здание Ратуши, на Хай-стрит витрины магазинов перестроены на современный лад... — Приходится с этим мириться, ничего не поделаешь.

— Прогресс, — вздохнула леди Селина. — Впрочем, мне порой кажется, что никакой это не прогресс! Все эти водопроводные штуки — на вид, правда, красивые — на что они людям? Тянуть? Толкать? Всякий раз, гостя у друзей, вы видите в туалете надпись: «Резко нажать и отпустить», «Повернуть налево», «Повернуть направо». А ведь в прежние времена вы просто дергали за ручку и вода лилась себе, лилась... А, вот он, наш милый епископ Медменхэмский... — перебила сама себя леди Селина, когда пожилой благообразный священник проходил мимо. — По-моему, он совсем ослеп! Но все равно в нем чувствуется что-то воинственное!

И леди Селина стала делиться с мисс Марпл наблюдениями по поводу присутствующих в холле своих друзей и знакомых, причем большинство из них оказывались вовсе не теми, за кого она их принимала. Они с мисс Марпл потолковали немного о «добром старом времени», хотя мисс Марпл, разумеется, росла и воспитывалась совсем в иных условиях, чем леди Селина, а потому их воспоминания касались главным образом лишь нескольких лет, когда леди Селина, оставшаяся вдовой с весьма ограниченными средствами, сняла в Сент-Мэри-Мид маленький домик и жила там до тех пор, пока не кончился срок пребывания ее второго сына на расположенном по соседству аэродроме.

— Вы всегда останавливаетесь в этом отеле, Джейн? Странно, я вас тут никогда прежде не видела.

— Вы правы! Мне это не по средствам, да я и редко выезжаю из дому в последнее время. Нет, это моя милая племянница решила, что мне будет приятно побывать в Лондоне. Джоан — удивительно добрая девочка, впрочем, вряд ли ее назовешь девочкой. — Мисс Марпл припомнила, что Джоан почти пятьдесят лет. — Она, знаете ли, художница. Довольно известная. Джоан Уэст. Не так давно у нее была выставка.

Леди Селина не питала особого пристрастия к художникам и прочим

людям искусства. Писатели, актеры, музыканты казались ей такими трюкачами, на манер дрессированных пуделей, и относилась она к ним снисходительно, только удивляясь, зачем они этим занимаются...

— Эта современная живопись... — пробормотала леди Селина, блуждая взглядом по холлу. — А вон Сесили Лонгхэрст, смотрите, она снова выкрасила волосы!

— Боюсь, Джоан и правда пишет в современном стиле.

Увы, мисс Марпл ошиблась! Джоан Уэст могла считаться ультрасовременной лет двадцать назад, но сейчас юные преуспевающие художники находили ее весьма старомодной.

Бросив взгляд на крашенные волосы Сесили Лонгхэрст, мисс Марпл вновь погрузилась в приятные воспоминания о доброте Джоан. Вот ведь что сказала Джоан своему мужу:

«Как бы мне хотелось сделать что-нибудь приятное для бедной старой тетушки Джейн! Она совсем не выезжает из своей деревушки. Как ты думаешь, доставит ей удовольствие поездка в Борнмут недельки на две?»

«Прекрасная мысль!» — подхватил Реймонд Уэст. Его последняя книга имела успех, и настроен он был весьма великодушно, «Кажется, ей понравилось в Вест-Индии, хотя ужасно обидно, что там ей пришлось разбираться с делом об убийстве. В ее годы это совсем ни к чему!»

«Но с ней подобные истории почему-то вечно случаются!»

Реймонд любил старую тетушку, старался развлечь ее, посылал ей книги, которые, по его мнению, могли ее заинтересовать. К его изумлению, она частенько отказывалась от разного рода развлечений, а про книги всегда говорила, что они «такие интересные». Реймонд, правда, подозревал, что она в них даже не заглядывает, тем более что у нее слабое зрение.

Тут он ошибался. Зрение у мисс Марпл для ее лет было прекрасное, и сейчас она с интересом и удовольствием отмечала все, что происходило вокруг.

На предложение Джоан провести неделю-другую в одном из лучших отелей Борнмута мисс Марпл, колебавшись, пробормотала:

«Как мило с твоей стороны, моя дорогая, но, право же, я не...»

«Это будет полезно для тебя, тетя Джейн! Надо же хоть изредка выезжать из дому! Приходят новые мысли...»

«Да-да, ты совершенно права, и я бы с радостью куда-нибудь поехала... Только — не Борнмут...»

Джоан несколько удивилась. Она-то полагала, что для тети Джейн будет счастьем именно посещение Борнмута.

«Тогда Истборн? Или Торки?»

«Знаешь, чего бы мне в самом деле хотелось...» — Мисс Марпл застенчиво замолчала.

«Ну-у?»

«Может быть, я глупости говорю...»

«Да нет, почему же?» (Интересно, куда старушка собралась?) «Мне бы хотелось пожить в отеле „Бертрам“ в Лондоне».

«"Бертрам"?» (Кажется, знакомое название.) Мисс Марпл поспешила объяснить:

«Знаешь, я там жила, когда мне было четырнадцать лет. С тетей и дядей, дядя тогда был каноником в Или. Мне никогда этого не забыть! Если бы я могла сейчас.., недельку-другую.., хотя, боюсь, это слишком накладно».

«Да ничего подобного! Разумеется, ты там поживешь! Мы это устроим, если, конечно, отель „Бертрам“ еще существует. После войны немало отелей исчезло».

«Да нет, я случайно узнала, что „Бертрам“ цел и невредим. Я получила письмо от моей американской приятельницы Эми Мак-Алистер из Бостона. Они с мужем сейчас в „Бертраме“».

«Прекрасно, значит, я все устрою... — И Джоан мягко добавила:

— Боюсь только, что «Бертрам» уже не тот, что во времена, когда ты там останавливалась. Так что ты уж не очень расстраивайся».

«Но „Бертрам“ не изменился. Он остался совершенно таким же. Непонятно почему, — думала мисс Марпл, — и хотелось бы понять...

Право, даже не верится в такую удачу! Мисс Марпл с ее здравым смыслом отлично понимала: ей просто хочется освежить свои воспоминания, оказавшись в той, прежней обстановке, теперешняя жизнь заполнена памятью о прошлых радостях. Если удастся найти кого-то, с кем можно повспоминать вместе, — это уже счастье. Но такое случалось все реже: она пережила большинство своих сверстников. И сейчас в холле «Бертрама» ей странным образом удалось вызвать к жизни другую Джейн Марпл, бело-розовую юную девушку... Такую, в общем, глупенькую... А кто тот, не подходящий ей во всех отношениях молодой человек, которого звали... О Господи, как его звали?.. До чего же мудро поступила ее мать, прервав их дружбу в самом зародыше. Годы спустя она вновь с ним встретилась, и он показался ей просто ужасным. А ведь тогда она чуть ли не целую неделю проплакала, уткнувшись лицом в подушку!

А теперь.., теперь все не то. Бедные девочки! У многих из них есть матери, но какой от них толк, если нынешние матери не способны удержать своих дочерей от глупых романов, от незаконных детей, от ранних и

неудачных браков. Как это грустно!..»

Голос приятельницы нарушил ход мыслей мисс Марпл:

— Боже ты мой.., ведь это... Ну да, это же Бесс Седжвик! Вот уж не думала, что она может здесь появиться!

Мисс Марпл слушала разглагольствования леди Селины вполуха. Дамы вращались в совершенно разных кругах, и мисс Марпл вряд ли могла поддержать беседу, да, откровенно говоря, и не вникала в скандальные подробности, которые сообщала леди Седина о друзьях и знакомых, узнавая их среди присутствующих, — вернее, думая, что узнает.

Но Бесс Седжвик — другое дело. Имя Бесс Седжвик было известно чуть ли не всей Англии, — благодаря тому, что пресса на протяжении трех десятилетий смаковала ее экстравагантные приключения. Так, сообщалось, что она участвовала во Французском Сопротивлении^[9] и лично застрелила шестерых немцев, что в полном одиночестве пересекла на самолете Атлантический океан; проскакала верхом через всю Европу; управляла гоночными автомобилями, спасла двух детей из горящего дома, а также слишком часто меняла мужей (одни делали ей честь, другие — нет) и была, как утверждали, второй по элегантности дамой в Европе. Рассказывали, что ей даже удалось тайком проникнуть на атомную подводную лодку перед самыми испытаниями. Поэтому-то мисс Марпл, выпрямившись в кресле, с жадным интересом устремила взгляд на Бесс Седжвик.

Многого могла ожидать мисс Марпл от отеля «Бертрам», но уж, конечно, не появления здесь Бесс Седжвик.

Шикарный ночной клуб либо забегаловка для водителей грузовиков — вот диапазон интересов Бесс. Но в этом старинном респектабельном отеле она смотрится странно.

Но вот она здесь, собственной персоной, никаких сомнений быть не может. Не на фотографии в журнале мод или в популярной газете, где она появлялась чуть ли не каждый месяц, а, так сказать, во плоти. Торопливо, нервно затянулась сигаретой, глядя на стоящий перед ней большой поднос с нескрываемым удивлением, будто видела такую штуковину впервые. Заказала она — мисс Марпл даже прищурилась, напрягая глаза, — да-да, пончики. Весьма любопытно!

Бесс Седжвик погасила сигарету о блюдце, поднесла к губам пончик и откусила здоровенный кусок. Темно-красное клубничное варенье брызнуло ей на подбородок. Бесс откинула голову и захохотала: такого громкого и веселого смеха в холле отеля «Бертрам» давненько не слыхивали.

Немедленно возник Генри, протягивая маленькую салфетку. Бесс взяла ее и, вытерев подбородок размашистым, мальчишеским жестом,

воскликнула:

— Вот что я называю настоящим пончиком! Шикарно! Бросив салфетку на поднос, она встала. Как всегда и везде, взоры обратились к ней. Она уже привыкла к всеобщему вниманию. Быть может, ей это льстило, а быть может, она просто не замечала устремленных на нее любопытных глаз. Поглядеть на нее стоило: привлекала не столько ее красота, сколько какая-то природная бесшабашность. Платиновые волосы, блестящие и прямые, падали на плечи. Прекрасной формы голова, четко вылепленное лицо. Нос с небольшой горбинкой, серые, глубоко посаженные глаза. Подвижный рот прирожденной актрисы. Мужчин обескураживала простота ее наряда. Казалось, она вырядилась в грубую мешковину — ни украшений, ни даже застёжек и швов. Но женский глаз сразу оценил эту простоту. Даже провинциальные старушки, живущие сейчас в «Бертраме», и те знали, что такое платье стоит состояния.

Проходя через холл к лифту, она задержалась возле леди Седины и мисс Марпл и поздоровалась с Сединой:

— Привет, леди Седина. По-моему, мы не встречались с тех пор, как виделись у Крафтов. Борзые здоровы?

— Что вы тут делаете, Бесс?

— Просто остановилась. Я примчалась с Лоудс-Энда. Четыре часа сорок пять минут. Неплохо!

— Когда-нибудь вы убьетесь. Или кого-нибудь собьете. Но почему все-таки вы остановились именно здесь?

Бесс Седжвик окинула взглядом апартаменты. Она явно поняла подтекст вопроса и иронически усмехнулась.

— Друзья посоветовали попробовать. И они правы. Мне только что подали изумительные пончики!

— А какие у них здесь плюшки!

— Плюшки, — задумчиво протянула Бесс Седжвик. — Да... Плюшки. Она кивнула и пошла к лифту.

— Потрясающая девочка, — сказала леди Седина. (У них с мисс Марпл каждая женщина моложе шестидесяти считалась девочкой.) — Я помню ее еще совсем маленькой. Никто не мог с ней совладать. В шестнадцать лет сбежала с грумом ^[10]-ирландцем. Родителям удалось вовремя ее вернуть, а может, и не вовремя. Так или иначе, от грума откупились и благополучно выдали ее замуж за старого Конистона. Этот известный распутник, на тридцать лет ее старше, был от нее совершенно без ума. Впрочем, его счастье длилось недолго. Она ушла к Джонни Седжвику. Если б он не сломал себе шею на скачках, они прожили бы

долго. После него она вышла замуж за Риджуэя Беккера, американца, владельца яхты. Они развелись три года назад, и я слышала, что при ней сейчас какой-то автогонщик — не то поляк, не то еще кто-то. Не знаю, замужем она за ним или нет. Но после развода с американцем она снова стала Седжвик. Встречается с самыми удивительными людьми. Поговаривают, будто пристрастилась к наркотикам... Но это вряд ли.

— Хотела бы я знать: счастлива ли она? — сказала мисс Марпл.

Леди Селина, которая никогда не задавала себе подобного рода вопросов, несколько удивилась:

— У нее же полно денег... Алименты и прочее. Конечно, деньги — это еще не все...

— Разумеется.

— И, кроме того, у нее всегда есть поклонник или даже несколько... Женщинам, достигшим такого возраста, ничего другого и не надо. А впрочем...

Она помолчала.

— Вот именно, — сказала мисс Марпл.

Иные, вероятно, не удержались бы от улыбки, услышав подобное заключение из уст пожилой леди, вряд ли большому специалисту по части нимфомании^[11], да мисс Марпл таких слов и не употребляла, обходясь выражением «чрезмерный интерес к мужчинам». Но леди Селина поняла реплику собеседницы как выражение согласия.

— В ее жизни вообще было много мужчин, — заметила леди Селина.

— Да, не кажется ли вам, что мужчины были для нее скорее забавой, а не истинной потребностью?

«Неужели найдется женщина, — думала мисс Марпл, — которая явится в отель „Бертрам“ для тайного свидания с мужчиной? Нет, наш отель — место для этого неподходящее. Но, быть может, тот, кто сейчас приглянулся Бесс Седжвик, выбрал „Бертрам“ именно по этой причине?»

Она вздохнула, взглянула на красивые старинные часы, тикающие в углу, осторожно, как все застарелые ревматики, поднялась с кресла и медленно направилась к лифту. Леди Селина огляделась, и взор ее остановился на пожилом джентльмене с военной выправкой, читавшем «Спектейтор»^[12].

— Приятно вас вновь здесь встретить! Э-э.., вы ведь генерал Арлингтон?

Однако пожилой джентльмен с чарующей любезностью сообщил, что он не генерал Арлингтон. Леди Селина извинилась, ничуть не

огорчившись. Близорукость удачно сочеталась у нее с жизнерадостностью, а так как леди Селина обожала узнавать в отеле старых друзей и знакомых, то подобные ошибки случались сплошь и рядом. Впрочем, этим грешили многие постояльцы — освещение в холле было мягким, приглушенным, лампы затенены абажурами. Обознаться было легко, но никто не обижался, если его принимали за другого, это даже казалось лестным.

Ожидая лифта, мисс Марпл усмехалась про себя. До чего это похоже на Селину! Вечно ей кажется, будто она всех знает. Где уж мисс Марпл состязаться с Сединой! Ее единственным достижением в этой области был красивый епископ из Уэстчестера, которого она нежно называла «милый Робби», и тот отвечал ей с такой же теплотой, так как до сих пор помнил то время, когда маленьким мальчиком жил в доме приходского священника в Гешире и кричал мисс Марпл: «Тетя Джейн, ты теперь крокодил! Ты крокодил, съешь меня!»

Лифт спустился, одетый в форму мужчина средних лет открыл дверь. Не без удивления мисс Марпл увидела в кабине Бесс Седжвик, только что поднимающуюся вверх. Но тут Бесс, шагнув было наружу, остановилась так внезапно, что сделавшая встречный шаг мисс Марпл споткнулась от неожиданности. Взгляд Бесс Седжвик был устремлен на что-то поверх плеча мисс Марпл, и старая дама обернулась.

Швейцар толкнул вращающиеся входные двери и пропустил двух женщин. Одной из них была заполошного вида особа средних лет, в лиловой шляпке с цветами, а другой — высокая девушка лет семнадцати — восемнадцати, одетая просто и элегантно, с длинными прямыми светлыми волосами.

Но Бесс Седжвик уже овладела собой, резко повернулась и вновь вошла в лифт. Затем извинилась перед следовавшей за ней мисс Марпл:

— Простите меня! Чуть с ног вас не сбила! — Голос у нее был теплый, приветливый. — Я вспомнила, что кое-что забыла внизу...

— Второй этаж? — спросил лифтер.

Мисс Марпл кивнула, улыбнулась Бесс, давая понять, что простила ее неловкость, вышла из лифта и побрела в свой номер, мысленно перебирая в уме все те мелочи, с которыми ей пришлось только что столкнуться: такова уж была привычка мисс Марпл.

Ну, например, то, что сейчас сказала Бесс Седжвик, — не правда. Войдя в свою комнату, она должна была сразу обнаружить, что «кое-что забыла» (если только вообще это правда!), и отправиться вниз за этой вещью. А может, она спустилась, чтобы кого-то встретить? А если так, то что именно потрясло и взволновало ее до такой степени, что она отступила

в лифт, лишь бы не быть узнанной теми, кто вошел в холл?

А вошли две женщины. Дама средних лет и юная девушка. Мать и дочь? Нет, решила про себя мисс Марпл, вовсе не мать и дочь.

Даже в отеле «Бертрам», не без удовольствия подумала мисс Марпл, случаются интересные вещи.

Глава 3

— Могу ли я попросить.., полковника Ласкома? Дама в лиловой шляпке подошла к стойке администратора. Мисс Гориндж приветливо улыбнулась, мальчик-лифтер был немедленно послан за полковником, но надобность в этом отпала — полковник Ласком собственной персоной уже входил в холл и быстро приблизился к администратору.

— Здравствуйте, миссис Карпентер! — Он вежливо пожал руку даме в лиловой шляпке, затем повернулся к девушке:

— Эльвира, дорогая моя! — Он нежно взял обе ее руки в свои. — Так-так, очень хорошо. Превосходно, просто превосходно. Давайте-ка сядем. — Он повел их к креслам, усадил. — Да-да, — повторял он, — очень хорошо.

Полковник был явно смущен. Не мог же он бесконечно твердить, что все очень хорошо? Дамы не спешили ему помочь. Эльвира мило улыбнулась. Миссис Карпентер с легким, ничего не значащим смешком, расправляла свои перчатки.

— Как прошло путешествие?

— Спасибо, хорошо, — сказала Эльвира.

— Туман не помешал?

— Нет-нет!

— Мы прилетели даже на пять минут раньше, чем по расписанию, — подтвердила миссис Карпентер.

— Да-да. Очень хорошо, очень... — Тут полковник взял себя в руки. — Надеюсь, этот отель вам подойдет?

— Уверена, что здесь прекрасно, — с чувством произнесла миссис Карпентер, оглядывая помещение. — Вполне комфортабельно.

— Боюсь, чуть-чуть старомодно, — продолжал полковник извиняющимся тоном. — Многовато стариков. Танцев не бывает, ну и.., ничего такого...

— Похоже, — согласилась Эльвира.

Она обвела холл спокойным, невыразительным взглядом. В самом деле, невозможно представить себе танцы в «Бертраме».

— Боюсь, что здесь многовато стариков, — повторил полковник. — Вот я и подумал, не пойти ли нам в театр сегодня вечером? Мюзикл... — Это слово полковник произнес не слишком уверенно, будто сомневаясь, правильно ли его употребил. — Называется «Девушки, распустите волосы!».

— Чудесно! — воскликнула миссис Карпентер. — Нам это наверняка понравится, правда, Эльвира?

— Несомненно, — отозвалась Эльвира все так же бесстрастно.

— Ну а потом поужинаем. В «Савойе». Новые восклицания со стороны миссис Карпентер. Полковник Ласком, встретившись глазами с Эльвирой, немного повеселел. Ему показалось, что Эльвира довольна, однако в присутствии миссис Карпентер твердо решила никаких чувств не выказывать. «И я понимаю девочку», — подумал полковник.

Он обратился к миссис Карпентер:

— Не хотите ли взглянуть на ваши комнаты? Если что-нибудь окажется не по вкусу, можно их сменить. Меня тут хорошо знают! (Мисс Гориндж гостеприимно улыбнулась.) Номера двадцать восемь и двадцать девять на втором этаже, ванная комната между ними.

— Пойду наверх и распакую чемоданы, — сказала миссис Карпентер. — А ты, Эльвира, и вы, полковник, посидите тут и поболтайте.

«Демонстрирует свой такт, — подумал полковник Ласком. — Пожалуй, чересчур подчеркнуто, но так приятно от нее избавиться, хоть и ненадолго». Впрочем, о чем болтать с Эльвирой, он не имел даже представления. Прекрасно воспитанная девочка, но полковник не знал, как следует вести себя с прекрасно воспитанной девочкой. Его жена умерла родами, ребенок, мальчик, вырос у родственников жены, а старая сестра полковника переселилась к нему и вела хозяйство. Сын женился, живет сейчас в Кении. Внуки (одиннадцать лет, пять и два с половиной года), бывая у бабушки, говорили исключительно о футболе, об электропоездах, а младшего дед качал на колене. Тут все просто! Но юные девушки!

Он осведомился у Эльвиры, не хочет ли та чего-нибудь выпить.

Он собирался предложить тоник, оранжад^[13] или имбирный эль^[14], но Эльвира опередила его:

— Благодарю вас. Джин с вермутом, пожалуйста. Полковник взглянул на нее с недоумением. Он полагал, что молодые девицы... Сколько ей? Шестнадцать? Семнадцать? В таком возрасте не пьют джин с вермутом. Но он успокоил себя тем, что Эльвира, конечно, знает, как следует вести себя современным девицам. Он заказал джин, вермут и херес для себя.

Затем, кашлянув, спросил:

— Как было в Италии?

— Очень хорошо, спасибо.

— А хозяйка пансиона.., графиня.., эх, забыл ее фамилию.., не слишком она сурова?

— Она довольно строга. Но не ко мне.

Он взглянул на Эльвиру, в ее ответе ему послышалась некая двусмысленность. И заговорил, все еще запинаясь, однако уже более свободно и естественно, чем в начале беседы:

— Хотя я ваш крестный отец и опекун, но, боюсь, мы с вами мало знаем друг друга. Трудно мне, поймите, трудно такому старику, как я, знать, чего хочет молодая девушка, я имею в виду — что следует делать молодой девушке. Ну школа, еще одна школа, которую в наше время называли школой благородных девиц. Но сейчас все другое. Карьера? Работа? И все такое прочее? Нам надо будет все это обсудить. Чем вообще вы собираетесь заняться?

— Я бы хотела поступить на курсы секретарей, — сказала Эльвира без малейшего энтузиазма.

— А! Вы хотите стать секретаршей?

— В общем-то нет.

— Тогда зачем же?

— Надо же с чего-то начинать.

У полковника Ласкома возникло странное ощущение, будто его поставили на место.

— Мои кузины Мелфорд... Вы хотели бы у них пожить? Если нет, то...

— Да, разумеется. Нэнси мне очень нравится. А кузина Милдред тоже довольно симпатичная...

— Значит, все в порядке?

— Да, пока что.

Ласком замялся, не зная, что еще добавить. Пока он думал что сказать, заговорила сама Эльвира. И спросила без обиняков:

— Деньги у меня есть?

Он ответил не сразу, пристально вглядываясь в ее лицо, словно изучая:

— Да. И много. То есть будет много, когда вам исполнится двадцать один год.

— У кого они сейчас?

Он улыбнулся:

— Лежат в банке. Каждый год из начисляемых процентов выплачивается определенная сумма в счет вашего образования и содержания.

— А вы — опекун?

— Один из опекунов. Всего нас трое.

— Что случится с деньгами, если я умру?

— Ну-ну, Эльвира, перестаньте! С чего это вам умирать? Вздор!

— Надеюсь, но ведь человеку ничего не известно! Вот, на той неделе разбился авиалайнер, все пассажиры погибли.

— С вами этого не случится, — твердо сказал полковник.

— Откуда вам знать! — возразила Эльвира. — Мне просто любопытно, что будет с деньгами, если я умру.

— Понятия не имею! — уже раздраженно ответил полковник. — Почему вас это волнует?

— Мне просто хочется знать, нет ли кого-нибудь, кто был бы заинтересован в моей смерти.

— Ну знаете, Эльвира! Что за нелепица! Не понимаю, почему у вас в голове такие мысли!

— Да так... Хочется знать все как есть.

— Может, вы думаете, будто мафия.., или что-нибудь подобное? Нет, это глупо.

— А если я выйду замуж, кому достанутся деньги?

— Надо полагать, вашему мужу... Но послушайте...

— Вы уверены?

— Нет, не уверен. Это зависит от того, как именно составлен документ, какие в нем имеются пункты. Но вы ведь не замужем, чего же беспокоиться?

Эльвира не ответила. Казалось, она погрузилась в раздумье. Потом, словно очнувшись, спросила:

— Вы встречаетесь с моей матерью?

— Иногда. Не часто...

— Где она сейчас?

— Ну.., за границей...

— Где именно?

— Франция, Португалия. Право, не знаю!

— Она когда-нибудь хотела меня видеть?

Ее ясный взгляд встретился с глазами полковника. Он не знал, как быть. Настало ли время сказать правду? Или ответить уклончиво? Солгать? Ответить девочке на столь простой вопрос было чрезвычайно сложно. Он мрачно сказал:

— Не знаю.

Ее глаза серьезно глядели на него. Ласком чувствовал себя неловко. Он еще больше запутался. Девочка хочет знать — это естественно. Всякая на ее месте... Он сказал:

— Вы не должны так думать... Правда, это трудно объяснить. Ваша мать не такая, как другие, она... Эльвира энергично закивала:

— Знаю. Я часто читаю о ней в газетах. Она совсем особенная, — правда? Это удивительная женщина!

— Да, — согласился полковник. — Точное слово. Она удивительная женщина. Но... — Он замолчал, затем добавил:

— Когда удивительная женщина твоя мать — это не такое уж счастье. Можете мне поверить, ибо это правда.

— Вы не слишком-то любите говорить правду, да? Однако сейчас вы, по-моему, ее сказали.

Они замолчали, устремив взгляд на отделанную медью вращающуюся входную дверь.

Вдруг дверь толкнули снаружи с доселе не виданной в отеле «Бертрам» силой. Вошедший молодой человек шагнул прямо к администратору. По контрасту с бурной энергией, исходящей от пришельца, отель «Бертрам» словно окаменел, притих, затаился, стал похож на музей, а его обитатели — на запыленные экспонаты минувших времен. Пришедший наклонился к мисс Гориндж и спросил:

— Леди Седжвик у вас остановилась? Гостеприимная улыбка не тронула уст мисс Гориндж. Глаза ее посуровели:

— Да. — И она с явной неохотой потянулась к телефону. — Вы бы хотели...

— Нет, — отрезал молодой человек. — Я просто оставляю ей записку.

Он вытащил записку из кармана черной куртки и протянул через стойку красного дерева.

— Я просто хотел убедиться, что это тот самый отель, — произнес он с ноткой сомнения в голосе, оглядываясь по сторонам, а затем направился к выходу. Взгляд его равнодушно скользнул по сидевшим в холле и с тем же бесстрашием остановился на Эльвире и Ласкоме. Полковник вскипел. «Какого черта! — ругнулся он про себя. — Ведь Эльвира хорошенькая. В молодости я замечал хорошеньких девушек, особенно если они были в окружении подобных ископаемых!» Но молодого человека, по-видимому, хорошенькие девушки не интересовали. Он вновь вернулся к администратору и спросил, слегка повысив голос, словно желая привлечь внимание мисс Гориндж:

— Ваш телефон одиннадцать — двадцать девять, верно?

— Нет, — сказала мисс Гориндж, — тридцать девять — двадцать пять.

— Риджент?

— Нет. Мэйфэр.

Он кивнул. Затем снова повернулся к входной двери и вышел, столь же яростно оттолкнув дверь назад.

Казалось, все присутствующие наконец перевели дух. Трудно было возобновить прерванные разговоры.

— Да уж, — только и сказал полковник Ласком, не будучи в состоянии найти подходящее слово. — В самом деле! Эта современная молодежь...

Эльвира улыбнулась.

— Вы узнали его, да? Знаете, кто это? — Голос ее даже дрогнул от благоговейного трепета. — Это же Ладислав Малиновский!

— Ах, этот... — Имя кое-что говорило полковнику.

— Да-да. Два года подряд он был чемпионом мира. А в прошлом году попал в жуткую аварию. Разбился вдребезги. Но, говорят, теперь снова за рулем. — Она прислушалась. — Слышите, это его гоночный автомобиль!

Рев мотора проникал с улицы в холл отеля «Бертрам». Полковник Ласком решил, что Малиновский — один из героев Эльвиры. «Что ж, — подумал он, — все же лучше, чем эти эстрадники, эти длинноволосые „битлы“ или как они там себя величают...» Ласком был старомоден в своих воззрениях на молодых людей.

Дверь распахнулась вновь. Эльвира и полковник выжидательно взглянули в том направлении, но на сей раз ничто не возмутило покой отеля: вошедший оказался седовласым священником. Он остановился, огляделся вокруг с видом человека, который не очень-то понимает, где он и каким образом сюда попал. Таково было обычное состояние каноника Пеннифазера. Так бывало с ним в поездах, когда он никак не мог вспомнить, откуда едет, куда и зачем! Так бывало с ним, когда он шел по улице или заседал в очередном комитете. Так случалось с ним и в церкви, когда он не мог вспомнить, произнес он уже проповедь или только собирается к ней приступить.

— По-моему, я знаю этого старика, — задумчиво произнес полковник Ласком, присматриваясь к вошедшему. — Но кто же он, собственно? Эберкромби? Архидьякон Эберкромби? Нет, пожалуй, нет, хотя похож на Эберкромби!

Эльвира равнодушно взглянула на каноника Пеннифазера. Разве сравнишь его с автогонщиком? Да и вообще, Эльвира не слишком интересовалась священниками, правда, в Италии она восхищалась кардиналами, те, по крайней мере, хоть выглядели живописно.

Лицо каноника Пеннифазера прояснилось, и он удовлетворенно кивнул. Слава Богу, он вспомнил, где находится. Ну конечно же, это отель «Бертрам», где он собирается провести ночь по пути., по пути куда? В Чедминстер? Нет, он только что приехал из Чедминстера. Он едет, ну ясно же, едет на конгресс в Люцерн. Тут каноник окончательно просиял,

направился к администратору, и мисс Гориндж тепло встретила гостя:

— Очень рада вас видеть, каноник Пеннифазер. Вы прекрасно выглядите!

— Спасибо, спасибо, на прошлой неделе я был сильно простужен, теперь уже выздоровел. У вас найдется для меня номер? Я ведь писал вам.

— Да, мы получили ваше письмо, — заверила его мисс Гориндж. — Мы оставили вам девятнадцатый номер, вы там останавливались в прошлый приезд.

— Спасибо, спасибо. Мне нужен номер — дайте-ка подумать — на четыре дня. Я еду в Люцерн, но проведу там всего одну ночь, так что хочу оставить номер за собой. Все вещи я оставлю здесь, а в Швейцарию возьму только маленький саквояж. Это вас не затруднит?

— Все будет в порядке, — вновь подтвердила мисс Гориндж. — В своем письме вы нас уже предупредили.

Освобожденный от всех своих забот, каноник вздохнул с облегчением и был препровожден вместе со своим багажом в девятнадцатый номер.

А в номере двадцать восьмом миссис Карпентер, сняв с головы шляпу, похожую на корону из фиалок, аккуратно раскладывала свою ночную сорочку на подушке кровати. Вошла Эльвира.

— А, вот и ты, моя дорогая! Помочь распаковать багаж?

— Нет, благодарю вас, — вежливо отозвалась Эльвира. — Я не собираюсь его распаковывать.

— Какую из этих комнат ты предпочтешь? Ванная — между ними. Я велела им отнести твой багаж в дальнюю комнату. По-моему, эта шумновата.

— Очень любезно с вашей стороны, — произнесла Эльвира своим обычным, лишенным выражения тоном. — Я бы, пожалуй, приняла ванну.

— Ну что ж, прекрасная мысль!

Эльвира отправилась в ванную, затворила за собой дверь и заперла на задвижку. Очутившись в своем номере, достала из чемодана несколько вещей и бросила их на кровать. Потом разделась, накинула халат, пошла в ванную и открыла краны. Вернувшись обратно, села на постель и придвинула телефон. Секунду-другую она прислушивалась и, убедившись, что все тихо, сняла трубку:

— Говорят из комнаты двадцать девять. Будьте добры, соедините меня — Риджент, одиннадцать — двадцать девять.

Глава 4

В Скотленд-Ярде шло закрытое совещание. Носило оно неофициальный характер. Вокруг стола в непринужденных позах сидели шесть или семь человек, каждый из которых был в своей области фигурой весьма значительной. Внимание всех этих стражей порядка занимала проблема чрезвычайной важности, масштаб которой в последнее время приобрел угрожающий характер. Речь шла о цепи остающихся безнаказанными преступлений, что, естественно, вызывало сильнейшее беспокойство. Ограбления банков, нападения на инкассаторов, кражи ценных почтовых отправок, хищения в поездах. Чья-то беспощадная и невидимая рука наносила эти удары едва ли не каждый месяц.

Председательствовал сэр Рональд Грейвс, заместитель начальника Скотленд-Ярда; по привычке он больше слушал, чем говорил сам. Официальных докладов на сей раз не было. А были просто консультации на высшем уровне: обмен мнениями и информацией, обсуждение накопившихся вопросов. Сэр Рональд Грейвс медленно обвел глазами всех присутствующих и кивнул человеку, сидевшему на другом конце стола.

— Ну-ка, Дед, — сказал он, — поделитесь с нами вашими простенькими, но мудрыми соображениями!

Дедом звали старшего инспектора Фреда Дэви. В ближайшее время он собирался выйти на пенсию, да и выглядел много старше своих лет, потому и прозван был Дедом. Физиономия его внушала симпатию, и вообще он производил впечатление человека мягкого и добросердечного, что и вводило в заблуждение многих преступников, так как на деле Дэви был вовсе не столь прост и добродушен.

— Да уж, Дед, расскажите! — добавил другой старший инспектор.

— Много, — вздохнул Дэви, — очень, очень много. И кажется, становится все больше!

— Вы имеете в виду количество преступников?

— Именно.

Один из присутствующих, Комсток, с узким, лисьим лицом и живыми глазами, вмешался в разговор:

— Значит, по-вашему, их преимущество именно в этом?

— И да и нет, — ответил Дед. — Это может обернуться для них катастрофой. Но до сих пор, черт бы их побрал, они здорово заматали следы.

Инспектор Эндрюс, худощавый блондин с мечтательным лицом, задумчиво произнес:

— Я уже пришел к выводу, что от количественного фактора зависит куда больше, чем принято думать. Возьмем, к примеру, какое-нибудь коммерческое предприятие с одним владельцем. Если руководство осуществляется умело и масштаб выбран верно, все будет в порядке. Расширьте его, увеличьте число служащих, и может случиться так, что вы просчитались и все рухнет. То же самое касается системы магазинов одной фирмы. Так сказать, промышленной империи. Если система достигает оптимального размера, она процветает. Иначе — терпит крах. У всякой системы есть оптимальные характеристики. Правильный масштаб и умелое руководство — вот в чем основа основ.

— А как велика, по-вашему, эта группа? — рывкнул сэр Рональд.

— Больше, чем мы думали поначалу, — отозвался Комсток.

— И она все время увеличивается, — добавил инспектор Макнил, крепко сбитый мужчина. — Дед прав. Все время увеличивается.

— Это, возможно, и к лучшему, — сказал Дэви. — Если число участников растёт слишком быстро, они могут утратить над ними контроль.

— По-моему, сэр Рональд, весь вопрос в том, — сказал Макнил, — кого брать и когда.

— Взять-то мы можем не меньше дюжины, — отозвался Комсток, — тут замешана группа Хэрриса, и они у нас все на заметке. Еще одна шайка работает на Лутонском шоссе. Есть еще гараж в Эпсومه, есть ресторанчик около Мэйденхэда, ну и еще ферма на Грейт-Норт.

— А брать-то их есть смысл?

— Не думаю. Это все мелкая сошка. Вернее, звенья. Всего лишь звенья цепи. Гараж, где молниеносно перекрашивают автомобили, ресторанчик, вполне приличный на вид, для связи, затем магазин подержанной одежды, где преступники переодеваются, и на них же работает театральный костюмер в Ист-Энде. Всем этим типам хорошо платят, но, в сущности, они ничего не знают!

Задумчивый Эндрюс вновь взял слово:

— Во главе стоят весьма незаурядные личности. А к ним мы пока еще не подобрались. Нам известны некоторые их связи, и это все. Как уже сказано, тут работает группа Хэрриса, а на другом конце, финансовом, — Мерке. Что касается их зарубежных контактов, там действует Уэбер, но он всего лишь простой агент. Никаких серьезных обвинений этим людям мы предъявить не можем. Нам известно, что они каким-то образом поддерживают контакты друг с другом, а также с различными

ответвлениями их предприятия, но как? Тут мы бродим в потемках! Мы за ними наблюдаем, и они это знают, но где их мозговой центр? Как добраться до организаторов?

— Это гигантская паутина, — добавил Комсток. — Совершенно согласен, что существует штаб. Штаб разрабатывает каждую операцию во всех деталях, а затем передает инструкции исполнителям. Вот на тех кто все это разрабатывает нам пора бы выйти!

— Быть может, они вовсе и не в Англии, — спокойно произнес Дед.

— Наверняка! Сидят где-нибудь в иглу^[15] у эскимосов, или в бедуинском шатре, а то и в швейцарском шале^[16]...

— Не верю я в их великие умы, — замотал головой Макнил, — это из области романов. Конечно, у них есть главарь, но, опять-таки, я не верю в его гениальность. Полагаю, что существует что-то вроде совета директоров с председателем во главе. Уровень у них и вправду высокий и с каждым днем растет. Но вместе с тем...

— Ну-ка? — подбодрил его сэр Рональд.

— И все же в каждой сплоченной команде наступает момент, когда приходится от кого-то избавиться. Время от времени, когда они чувствуют, что мы к ним подобралась чересчур близко, они сбрасывают за борт своего пиратского брига какого-нибудь неудачника. Того, без кого, по их мнению, им ничего не стоит обойтись.

— Но это же рискованно!

— Полагаю, делается это таким образом, что сброшенный за борт даже не догадывается, что его выбросили, а уверен, что сиганул сам. И будет молчать, понимая, что молчать ему выгодно. Так оно, конечно, и есть. Средств у них вполне достаточно, так что они могут в подобных ситуациях позволить себе не скупиться... А неудачник знает, что, попади он в тюрьму, о семье его, если таковая есть, позаботятся. Возможно, и побег ему организуют.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Комсток.

— Не кажется ли вам, — сказал сэр Рональд, — что нет смысла продолжать эти разглагольствования? Мы без конца повторяемся!

— А чего же вы от нас хотите, сэр? — рассмеялся Макнил.

— Ну, видите ли, — сэр Рональд на минуту задумался, — в главном-то мы все сходимся, — в стратегическом отношении, — как нам следует действовать и чего мы хотим достичь. По-моему, тактически разумнее заняться мелочами, сами по себе они вроде бы ничего не значат, но подчас наводят на нужные размышления... Не знаю, как бы попонятнее объяснить,

что я имею в виду, но вспомните-ка дело Калвера. Чернильное пятно! Помните? Чернильное пятно вокруг мышинной норы. Ну зачем человеку понадобилось выливать чернила в мышиную нору? Казалось, суший пустяк. Дать ответ на этот вопрос было нелегко. Но когда ответ был найден, он привел нас куда следовало. Вот, грубо говоря, что я имею в виду... Именно мелочи. Иногда странные и до того непонятные, что над ними часами можно ломать голову. Я вижу. Дед кивает...

— Совершенно с вами согласен, — подтвердил старший инспектор Дэви. — Давайте, ребята, припомним что-нибудь в том же роде. Пусть это будет какой-нибудь тип в странной шляпе...

Ответа не последовало. Присутствующие недоуменно переглядывались.

— Давайте, давайте! — продолжал Дед. — Ладно, начну сам. Вроде бы просто забавный случай, но, может, в этом что-то и есть. Нападение на банк «Лондон энд Метрополитен». Филиал на Кармоли-стрит. Помните? Мы составили список мелькавших там автомобилей, их марок, окраски и номерных знаков. Обратились к свидетелям, к прохожим, и те откликнулись, да еще как! В результате мы отобрали из этой массы семь автомашин, которые были замечены рядом с банком, и каждая из них могла иметь отношение к ограблению.

— Так, — сказал сэр Рональд, — продолжайте.

— Из них две или три машины отследить не удалось. Похоже, на них сменили номера. Обычное дело. Случается сплошь и рядом. В конце концов мы их все-таки нашли. Но я хочу напомнить об одной детали. Автомобиль марки «Моррис-Оксфорд», цвет черный, номер SMJ—256, о чем сообщил дежурный полицейский. И добавил, что за рулем сидел судья Высокого суда Ладгроув.

Он огляделся. Его слушали, но без видимого интереса.

— Разумеется, — продолжал он, — все оказалось не так. Судья Ладгроув — тип достаточно заметный хотя бы потому, что он безобразен как смертный грех. Так вот, именно в это время Ладгроув находился в суде. Его машина тоже «Моррис-Оксфорд», но номер ее не SMJ—256... — Он вновь оглядел собравшихся. — «Ладно, ладно, ну и что?» — скажете вы. Но известно ли вам, какой номер машины у судьи? SMJ—265. Похоже, а? Именно такую ошибку совершают те, кто старается запомнить номер автомобиля.

— Простите, — сказал сэр Рональд, — я что-то не понимаю...

— Вот именно, — отозвался Дэви, — тут пока и понимать нечего. Просто вот что: похожие номерные знаки, буквы те же, а цифры — 256 и

265. Интересное совпадение, не правда ли? Автомобиль «Моррис-Оксфорд», тоже черный, разница в порядке цифр, а за рулем человек, чрезвычайно похожий на владельца автомобиля...

— Вы хотите сказать?..

— Всего-навсего одна цифра — ошибиться нетрудно!..

— Простите, Дэви, и все же я не понимаю.

— Так вот, автомобиль «Моррис-Оксфорд» с номером SMJ—256 проехал по улице через две с половиной минуты после ограбления банка. За рулем свидетель узнал судью Ладгроува.

— Вы имеете в виду, что это и был судья? Да бросьте, Дэви!

— Нет, я вовсе не хочу сказать, что это был судья Ладгроув и что он участвовал в ограблении банка. Судья жил в отеле «Бертрам» на Понд-стрит и во время ограбления находился в суде. Все это проверено и доказано. Я имею в виду другое: номерной знак автомобиля, а также показание свидетеля, знавшего в лицо старого Ладгроува и утверждавшего, что именно он был за рулем, — это совпадение не случайно. Оно должно что-то означать. Очень жаль, если это не так.

Комсток беспокожно заерзал в кресле.

— Нечто похожее произошло в Брайтоне^[17]: дело о драгоценностях. Какой-то старый адмирал... Забыл его фамилию. Одна женщина утверждала, что видела его на месте происшествия.

— А его там не было?

— В том-то и дело, что не было. В ту ночь он находился в Лондоне. Присутствовал на каком-то собрании. По-моему, речь шла о торжественном ужине моряков.

— Он ночевал в своем клубе?

— Нет, он остановился в отеле. Кажется, тот самый, который вы только что упомянули, Дед. Отель «Бертрам», если не ошибаюсь. Тихий, приличный отель. Там вечно топчутся стариканы, чаще всего военные в отставке.

— Отель «Бертрам»... — задумчиво повторил старший инспектор Дэви.

Глава 5

Мисс Марпл проснулась рано, ибо она всегда просыпалась рано. Постель пришлась ей по вкусу, спать было удобно.

Она подошла к окну и подняла занавеску, впустив в комнату белесый свет лондонского утра. Включать электричество она не собиралась. Отменный ей дали номер и совершенно в стиле отеля «Бертрам». Обои с розанами, большой, хорошо отполированный комод красного дерева, и под стать ему — туалетный столик. Два стула и кресло, сиденье которого оказалось не слишком низким. Одна из дверей вела в ванную комнату вполне современного типа, но оклеена она была обоями под кафель в розочку, что лишало это помещение его обычного мертвенно-стерильного вида.

Мисс Марпл решила еще немножко полежать в постели. Она взбила подушки, прислонила их к спинке кровати и взглянула на часы: половина седьмого. Она взяла Библию, с которой не расставалась даже в поездах, и полулежа прочитала полторы страницы — свою обычную норму. Затем мисс Марпл взялась за вязанье. Поначалу работа не спорилась, так как скованные ревматизмом пальцы плохо слушались по утрам, но затем дело пошло на лад и ощущение скованности пропало.

«Вот и новый день пришел, — сказала себе мисс Марпл, радостно встречавшая каждое утро. — Новый день. А кто знает, что этот день принесет?»

Она отложила вязанье, устроилась поудобнее и стала лениво перебирать обрывки мыслей, проносящихся в голове. Селина Хейзи... Какой прелестный домик был у нее в Сент-Мэри-Мид, а теперь новый владелец испортил дом, покрыв его безобразной зеленой крышей. Горячие плюшки... Пожалуй, слишком много в них масла, но зато как вкусно... Подумать только, здесь подают тминный кекс!.. Но могла ли она надеяться, что отель «Бертрам» остался точно таким, каким был когда-то... Ведь как хотите, а время на месте не стоит. Остановить его можно, лишь истратив уйму денег... Ни единого кусочка синтетики или пластмассы! Надо полагать, им удастся покрывать свои расходы. Ностальгия по прошлому привлекает сюда многих и многих. Забавно, до чего нынче всем по душе старомодные розы и настоящий, без примесей и подделок, чай... Есть в отеле нечто театральное... Что, впрочем, естественно...» Ведь минуло пятьдесят., нет, почти шестьдесят, с тех пор как она, мисс Марпл, не была

здесь. А потому отель кажется ей театральным — она уже привыкла жить в ином времени... Нет-нет, тут явно возникают весьма забавные вещи... Атмосфера, люди...

Руки мисс Марпл сами отодвинули вязанье.

— Двойная вязка, — прошептала она вслух. — Да, двойная... И ведь не найти...

Не отсюда ли то странное чувство беспокойства вчера вечером? Ощущение, что тут что-то не так...

Все эти пожилые люди — они похожи на тех, каких она здесь видела полвека назад. Но тогда они выглядели естественно, а сейчас — нет. Современные пожилые люди не похожи на прежних, у них, у современных, вид какой-то загнанный, озабоченный домашними неладями, с которыми уже нет сил справиться, и они заседают в различных комитетах, чтобы показать себя и умелыми, и энергичными. А старые дамы подсинивают седины либо носят парики, и пальцы их рук совсем не похожи на нежные, тонкие пальчики, какие остались в памяти мисс Марпл. Руки современных женщин в возрасте успели загрубеть от вечной возни с новомодными моющими средствами.

Итак., да-да, в этих людях что-то ненатуральное. Но ведь они же всамделишные! Селина Хейзи, к примеру, настоящая. И тот довольно красивый старик военный, сидевший в углу, — тоже настоящий. Мисс Марпл была с ним когда-то знакома, но не помнила его имени...

Мисс Марпл взглянула на часы. Половина восьмого. Время ее завтрака. Она прочитала инструкции — прекрасный крупный шрифт. Можно обойтись без очков. Завтрак либо заказывают по телефону, либо нажимают кнопку звонка с надписью: «Горничная». Что и сделала мисс Марпл.

Результат был поразительный. Почти сразу же в дверь тихонько постучали, и явилась горничная, очень миленькая. Настоящая горничная, казавшаяся ненастоящей, одетая в полосатое ситцевое платье.., а на голове у нее свежевыстиранный чепец, именно чепец! Розовое, улыбающееся, деревенское личико. (Откуда только они берут таких?) Мисс Марпл заказала завтрак. Чай, яйцо-пашот^[18], свежие роголики. Видно, горничная на редкость вышколена, даже не заикнулась об апельсиновом соке и овсяных хлопьях.

Через пять минут появился завтрак. Солидных размеров поднос с большим пузатым заварным чайником, молоко, жирное, как сливки, и серебряный кувшин с кипятком. Два идеально сваренных яйца на поджаренном кусочке хлеба и изрядных размеров кругляшок масла с

оттиском в виде чертополоха. Мармелад, мед, клубничное варенье. Чудные рогастики, пахнущие настоящим хлебом, — нет лучшего запаха во всем мире! И кроме того, яблоко, груша и банан.

Завтрак прекрасный. Она и сама могла бы его приготовить, но тут с ним можно не возиться. Ей принесли его в комнату, не как королеве, а просто как пожилой даме, живущей в хорошем, пусть не слишком дорогом отеле. Ну совсем как в 1909 году! Мисс Марпл поделилась своими восторгами с горничной, и та улыбнулась в ответ:

— Да, мэм, шеф-повар очень старается, чтобы завтрак пришелся по вкусу нашим клиентам.

Глаза мисс Марпл с доброжелательным интересом остановились на горничной. Отель «Бертрам» и впрямь способен творить чудеса! Настоящая горничная!

— Давно вы тут работаете?

— Около трех лет, мэм.

— А до этого?

— В одном отеле в Истбурне. Ужасно современный, но мне больше нравятся старые, такие, как этот.

Мисс Марпл отхлебнула чай. И тут вдруг заметила, что напевает слова давно забытой песенки: «О, где была ты всю жизнь мою...»

Горничная взглянула на мисс Марпл с легким изумлением.

— Я просто вспомнила одну старую песенку, — пробормотала та, как бы желая оправдаться. — От нее все были без ума в свое время. — И вновь она тихонько пропела:

— «Ах, где была ты всю жизнь мою...» — Может, вы слышали? — спросила мисс Марпл.

— Я ведь... — Вид у горничной был явно смущенный.

— Ах да, вы слишком молоды! Когда попадаешь в ваш отель, невольно переносишься в прошлое!

— Да, мэм, многие дамы, которые здесь останавливаются, испытывают, по-моему, то же самое.

— Может, они потому здесь и останавливаются, — сказала мисс Марпл.

Горничная вышла. Очевидно, она уже свыклась со старыми дамами, погруженными в свои воспоминания.

Мисс Марпл закончила завтрак и встала, радостно улыбнувшись при мысли о том, что торопиться некуда. План на сегодня составлен заранее: утро будет посвящено покупкам. Но не слишком переутомляться. Сегодня, возможно, Оксфорд-стрит. А завтра Найтсбридж, с удовольствием думала

она.

Было около десяти утра, когда она вышла из своего номера в полном обмундировании — шляпка, перчатки, зонтик (на всякий случай, хотя погода стояла прекрасная) и сумочка, самая парадная сумочка мисс Марпл...

Соседняя дверь распахнулась, и кто-то выглянул в коридор. Бесс Седжвик. И тут же отступила назад, захлопнув дверь.

«В чем дело?» — подумала мисс Марпл, спускаясь по лестнице. Она предпочитала ходить вниз пешком, а не пользоваться лифтом. Это бодрит. Шаги ее становились все медленнее и медленнее... Она остановилась.

Когда полковник Ласком вышел из своего номера и зашагал по коридору, дверь на верхней площадке резко распахнулась и голос леди Седжвик произнес:

— Ну, наконец-то! Я уже давно вас поджидаю. Куда бы нам пойти потолковать? Я имею в виду, чтобы не наткаться каждую минуту на какую-нибудь старушечку!

— Право, Бесс, не знаю... Кажется, тут есть нечто вроде читальни...

— Поднимись-ка лучше ко мне. Да побыстрей, не стоит давать горничной пищу для пересудов...

Полковник Ласком не слишком охотно переступил порог, и дверь тут же захлопнулась.

— Вот уж никак не думал, что вы остановитесь здесь Бесс, даже представления не имел!

— Не сомневаюсь.

— Я имею в виду... Я бы никогда не привез сюда Эльвиру. А ведь знаете, Эльвира здесь!

— Да, я ее видела вместе с вами вчера вечером.

— Но мне в голову не могло прийти, что вы тут! Уж чересчур неподходящее для вас место!

— Почему это? — холодно отозвалась Бесс Седжвик. — Самый комфортабельный отель в Лондоне. И почему бы мне здесь не остановиться?

— Но поймите же, я представления не имел. Я, я...

Она взглянула на него и засмеялась. На ней был прекрасно сшитый темный костюм и ярко-изумрудная блузка. Какая же она веселая, жизнерадостная! Рядом с ней полковник Ласком казался потрепанным стариком.

— Дерек, милый, не огорчайтесь! Я ведь не обвиняю вас в том, что вы пытались подстроить сентиментальную встречу матери с дочерью. Такие встречи иногда случаются: люди натыкаются друг на друга в самых неожиданных местах. Но вы должны увезти отсюда Эльвиру, Дерек. И сделать это немедленно, сегодня же.

— Хорошо, хорошо, она уедет! Я привез ее сюда всего на три дня. Просто хотел повести в театр... Завтра она отправится к Мелфордам.

— Бедная девочка, как же ей будет там скучно!

Ласком озабоченно взглянул на Бесс:

— Думаете, ей будет скучно?

Бесс сжалась над полковником:

— Ну, возможно, после скучнейшего пребывания в пансионе в Италии ей, чего доброго, покажется там чертовски весело.

Ласком собрался с духом:

— Послушайте, Бесс, я был ужасно удивлен, увидев вас здесь, только не думайте, что я... Короче, я хочу сказать: а вдруг так распорядилась судьба? Представился случай, вы же, вероятно, догадываетесь, как девочка должна себя чувствовать...

— Что вы имеете в виду, Дерек?

— Ведь вы ее мать!

— Да, конечно, я ее мать. А она моя дочь. Никакой радости от этого ни ей, ни мне не было, да вряд ли и будет...

— Ну этого вы не знаете! Я считаю... Считаю, она чувствует...

— С чего это вы взяли? — нахмурилась Бесс Седжвик.

— С ее собственных слов. Вчера она мне сама сказала об этом. Спросила, где вы, что делаете...

Бесс Седжвик подошла к окну. Некоторое время она молча барабанила по стеклу.

— Вы очень добры, Дерек, — проговорила она наконец. — И мысли у вас добрые. Но все это ни к чему, мой бедный ангел! Внушите это себе! Все ваши речи ни к чему и даже могут быть опасны.

— Да бросьте, Бесс! Опасны?

— Да, да, да. Именно опасны. Я опасна. Я всегда была опасна.

— Когда я вспоминаю некоторые ваши поступки... — начал полковник.

— Это уж дело мое, — сказала Бесс Седжвик, — игра с опасностью давно вошла у меня в привычку. Нет, не то. Скорее это пагубная склонность. Вроде наркотика. Только в виду опасности жизнь в моих глазах приобретает краски, иначе я теряю к ней всякий интерес. Вот оно как. Быть

может, в этом моя погибель, а может, и нет, это уж как получится. Я никогда не грешила наркотиками, вообще не нуждалась в них. Опасность — вот мой наркотик. Но люди, ведущие такую жизнь, могут причинить вред другим. Не будьте упрямым старым ослом, Дерек. Держите девочку подальше от меня. Она не должна знать, что я в этом отеле. Позвоните Мелфордам и отвезите ее к ним сегодня же. Придумайте что-нибудь, чтобы объяснить такую спешку...

Полковник Ласком в нерешительности теребил усы.

— Это ошибка с вашей стороны, Бесс! — Он вздохнул. — Она спрашивала, где вы. Я сказал: за границей.

— А я там и буду через полдня. Так что все складывается как нельзя удачнее.

Она подошла к полковнику, поцеловала его в подбородок, затем, ловко повернув его за плечи, открыла дверь и слегка подтолкнула. Выходя, полковник Ласком заметил, что с той стороны, куда вела лестница, появилась старая дама. Дама шарила в своей сумочке, бормоча под нос:

«Боже мой. Боже мой! Нет, конечно же, я забыла это в номере. Ах, Боже мой!»

Она прошла мимо полковника, словно и не обратив на него внимания, но, как только он начал спускаться по лестнице, мисс Марпл остановилась у двери своего номера и бросила на уходящего Ласкома зоркий взгляд. Затем посмотрела на дверь Бесс Седжвик. «Вот, значит, кого она поджидала, — прошептала про себя мисс Марпл, — интересно зачем?»

После сытного завтрака каноник Пеннифазер, проходя через холл, не забыл оставить свой ключ у администратора, затем благополучно миновал вращающиеся двери и тут же был усажен в такси швейцаром-ирландцем, в чью обязанность это и входило.

— Куда поедет, сэр?

— О Господи! — пролепетал каноник Пеннифазер, и в голосе его прозвучал неподдельный испуг. — И верно: куда это я собирался ехать?

За то время, пока каноник Пеннифазер и швейцар пытались решить этот щекотливый вопрос, на Понд-стрит успела возникнуть пробка. Но в конце концов каноника осенило, и таксисту было ведено ехать в Британский музей^[19].

Швейцар, оставшись один, ухмыльнулся и, так как никто из дверей пока не выходил, стал прогуливаться вдоль фасада отеля, потихоньку насвистывая мотив старой песенки.

Из внезапно распахнувшегося окна нижнего этажа его окликнул чей-то голос:

— Так вот где, оказывается, ты приземлился, Микки! С чего это тебе вздумалось устроиться здесь?

Он, вздрогнув, обернулся — и обмер.

Леди Седжвик высунулась в открытое окно.

— Ты что ж, не узнаешь меня?

Лицо швейцара внезапно просияло:

— Да неужто это маленькая Бесси? Подумать только! После стольких лет! Маленькая Бесси!

— Никто, кроме тебя, не звал меня Бесси. Отвратительное имя! Что ты делал все эти годы?

— Так, то да се, — уклончиво отозвался Микки. — Газеты обо мне не писали. Это о тебе они пишут. Приходилось время от времени читать о твоих приключениях.

Бесс Седжвик засмеялась:

— Во всяком случае, я сохранилась лучше, чем ты. Пьешь много. Ты всегда много пил.

— Сохранилась ты хорошо, потому что у тебя деньги.

— Тебе и деньги не помогли бы. Стал бы пить еще больше и давно отправился бы к чертовой бабушке. Да, да, поверь мне! Как тебя угораздило попасть сюда — вот что я хочу знать! Как тебя вообще взяли на это место?

— Мне нужна была работа. А у меня есть это... — Он показал на медали, украшавшие его грудь.

— Понимаю, — задумчиво протянула она, — и все настоящие?

— Ясно, настоящие! Почему бы им не быть настоящими?

— Ладно, я тебе верю. Ты всегда был храбрым. Всегда умел драться. По-моему, армия — самое подходящее для тебя место.

— Подходящее во время войны, ну а куда прикажешь деваться в мирное время?

— Стало быть, ты поступил сюда. Понятия не имела...

— О чем ты не имела понятия, Бесси?

— Не важно. Странно снова увидеть тебя через столько лет!

— Я-то не забыл, — сказал мужчина. — Я никогда не забывал тебя, маленькая Бесси. Какой же прелестной девочкой ты была! Какой стройненькой девочкой!

— Глупой девчонкой, дурой — вот кем я была! — отрезала леди Седжвик.

— Это верно. Ума у тебя было маловато. Будь ты поумнее — разве бы связалась со мной? А как ты умела обращаться с лошадьми! Помнишь эту кобылку.., как ее звали? Ах да! Молли О'Флин. Ну и злобная была чертовка!

— Только ты и мог на ней усидеть! — улыбнулась леди Седжвик.

— Она и меня бы сбросила, если б смогла. Но как поняла, что со мной не выйдет, — сдалась. Не лошадь, а красота, загляденье! Если уж мы заговорили о верховой езде, ни у одной женщины в тех местах не было такой посадки, как у тебя. И бесстрашная к тому же! Это, впрочем, при тебе осталось. Самолеты, гоночные автомобили...

Микки приблизился к окну.

— А я ведь не забыл Баллигауан, — сказал он со значением. — Иногда даже думал тебе написать...

— Что ты имеешь в виду, Мик Горман? — Голос Бесс Седжвик прозвучал жестко.

— Просто говорю, что ничего не забыл. Просто тебе напоминаю.

Бесс Седжвик заговорила все так же жестко:

— Если я правильно поняла то, что ты имеешь в виду, то выслушай мой совет. Посмей только мне в чем-нибудь помешать, и я застрелю тебя, как крысу. Мне ведь приходилось убивать.

— Небось за границей?

— За границей или здесь — для меня разницы нет.

— Ах, Господи Боже мой, верю, что ты на все способна! — восхищенно воскликнул Микки. — В Баллигауане...

— В Баллигауане, — перебила она, — тебе заплатили, чтобы ты молчал, и хорошо заплатили. И ты взял деньги. От меня ты ничего больше не получишь, не надейся.

— Недурная могла бы получиться интрижка для воскресных газет...

— Ты меня слышал?

— Да ну, — засмеялся он, — я же шучу. В жизни не причиню вреда моей маленькой Бесси. Буду молчать.

— И молчи!

Она захлопнула окно. Затем взглянула на письменный стол, где на бюваре^[20] лежало ее неоконченное письмо. Она схватила его, скомкала и бросила в корзину для бумаг. Потом порывисто встала с кресла и вышла из комнаты. Выходя, она даже не оглянулась.

Маленькие читальни в отеле «Бертрам» казались пустыми, даже когда пустыми они не были. По два письменных стола стояли у окон, справа стол, на котором лежали журналы, слева кресла с высокими спинками, повернутые к камину. Тут в послеполуденные часы любили посидеть

старые джентльмены-отставники и, укрывшись от посторонних глаз, уютно подремать вплоть до чая. Тот, кто приходил сюда писать письма, обычно дремлющих не замечал. В утренние часы кресла спросом не пользовались.

Но случилось так, что именно этим утром оба кресла были заняты. В одном сидела старая дама, в другом — юная девушка. Вдруг девушка вскочила на ноги. Секунду она стояла на месте, неуверенно глядя на дверь, через которую только что вышла леди Седжвик, затем двинулась к выходу. Лицо Эльвиры Блейк было смертельно бледно.

Прошло еще минут пять, и с другого кресла поднялась старая дама. Мисс Марпл решила, что отдых, который она себе обычно позволяла после утреннего туалета и прогулки вниз по лестнице, затянулся. Сегодня можно, скажем, дойти до Пикадилли и оттуда поехать на девятом автобусе до Хай-стрит в Кенсингтоне, а можно пройти до Бонд-стрит и там сесть на двадцать пятый автобус и доехать до Маршалла, или на том же двадцать пятом, только в другую сторону, так вроде бы можно добраться до Офицерского универмага. Проходя сквозь пресловутые двери, она мысленно перебирала все варианты. Но у ирландца-швейцара был и свой.

— Вам нужно такси, мэм, — твердо заявил он.

— Не думаю, — сказала мисс Марпл. — По-моему, тут ходит двадцать пятый автобус., а от Парк-лейн — второй.

— Зачем вам автобус? — стоял на своем швейцар. — Входить в автобусы и выходить оттуда — в наше время просто опасно! Резко трогаются с места, неожиданно останавливаются — до пассажиров им и дела нет! Сейчас свистну такси, и вы поедете, куда вам надо, как королева.

Мисс Марпл подумала и сдалась:

— Ну что ж, будь по-вашему. В самом деле, лучше взять такси.

Швейцару и свистеть не пришлось. Он просто щелкнул пальцами, и как по волшебству возникло такси. Мисс Марпл была услужливо посажена в автомобиль, и тут она внезапно решила, что поедет в магазин «Робинсон и Кливер», где большой выбор настоящих полотняных изделий. Она и впрямь чувствовала себя королевой, как посулил ей швейцар, заранее предвкушая полотняные простыни, наволочки и настоящие кухонные полотенца — без всяких там бананов, винных ягод, прыгающих сквозь обручи собак и прочих художеств, которые только раздражают, когда вытираешь посуду...

Леди Седжвик подошла к администратору:

— Мистер Хамфрис у себя в кабинете?

— Да, леди Седжвик. — Мисс Гориндж подняла на нее удивленный взгляд.

Леди Седжвик миновала стойку, стукнула в дверь и вошла, не дожидаясь приглашения.

Мистер Хамфрис тоже изумился.

— Чем могу...

— Кто нанял этого человека — Майкла Гормана? Мистер Хамфрис забормотал в ответ:

— Парфитт ушел.., попал в автомобильную аварию месяц назад. Пришлось срочно его заменить... Этот нам показался подходящим. Рекомендации хорошие.., служил в армии... Словом, в прошлом все в порядке... Ну, не слишком умен, но это.., это даже полезно иногда... Вы что-нибудь знаете дурное о нем?

— Знаю достаточно, чтобы не желать его здесь видеть.

— Если вы настаиваете, — медленно протянул Хамфрис, — мы сегодня же предупредим его...

— Нет, — так же медленно процедила леди Седжвик, — нет, уже слишком поздно... Не важно.

Глава 6

— Эльвира!

— Привет, Бриджет!

Достопочтенная Эльвира Блейк вошла в дом № 180 по Онслоу-сквер, дверь ей заранее распахнула Бриджет, следившая из окна за приближением подруги.

— Идем наверх, — предложила Эльвира.

— Ну конечно! А то нас мамочка застукает.

Девушки помчались вверх по лестнице, избежав таким образом встречи с матерью Бриджет, не успевшей вовремя выйти из своей спальни.

— Честное слово, тебе повезло, что у тебя нет мамы, — переведя дух вымолвила Бриджет, введя подругу в свою комнату и плотно закрыв дверь. — Правда, моя мама вообще-то лапочка и все такое прочее, но, Господи, эти вечные вопросы, которые она задает мне с утра до вечера! Куда я пошла, с кем познакомилась. И не родственники ли, мои новые знакомые, наших однофамильцев, каких-то типов из Йоркшира? Все такая ерунда, понимаешь...

— А им больше и думать не о чем, — несколько туманно ответила Эльвира. — Слушай, Бриджет, у меня есть дело, ужасно важное. Ты должна мне помочь.

— Конечно, если смогу. Это мужчина?

— Нет. (Бриджет разочарованно вздохнула.) Мне необходимо съездить на сутки в Ирландию, но, возможно, я задержусь и дольше. Тебе нужно меня прикрыть.

— В Ирландию? А зачем?

— Сейчас сказать не могу. Нет времени. Я должна завтракать с моим опекуном полковником Ласкомом у Прюнье в половине второго.

— А куда ты дела эту Карпентер?

— Удрала от нее в магазине.

Бриджет хихикнула.

— А после завтрака они повезут меня к Мелфордам. Придется жить у них, пока мне не исполнится двадцать один год.

— Какой ужас!

— Как-нибудь выкручусь. Кузину Милдред ничего не стоит обвести вокруг пальца. Мне предстоит пополнять образование в учреждении, которое называется «Современный мир». Там водят по лекциям, по музеям,

по картинным галереям, в палату лордов и тому подобное. Вся прелесть в том, что никто не может проверить, там ты или нет. Мы с тобой зря времени терять не будем.

— Очень надеюсь, — снова хихикнула Бриджет. — В Италии нам это недурно удавалось, правда? Старая Макаронница воображала, что мы ужасно примерные! Ей и в голову не приходило, что ее дурачат!

Обе девушки засмеялись, вспоминая свои проделки.

— Но нужно было все обдумывать заранее, — сказала Эльвира.

— И мастерски врать, — добавила Бриджет. — Гвидо писал тебе?

— Да-да, я получила от него длинное письмо, подписанное «Джиневра», как будто от подруги. Но хватит болтать, Бриджет! Нам надо столько успеть, а времени всего полтора часа. Слушай внимательно. Завтра я иду на прием к зубному. Отменить его — пустяки. Я позвоню ему — или ты отсюда. Затем в середине дня ты звонишь Мелфордам, и голосом твоей мамы скажешь, что зубной врач велел мне прийти еще и на следующий день и я до завтра остаюсь у вас.

— Ну это должно пройти. Они скажут, как это мило с нашей стороны. А вдруг ты не вернешься на следующий день?

— Тогда тебе придется звонить еще раз...

Бриджет призадумалась.

— У нас еще полно времени, что-нибудь придумаем! — нетерпеливо воскликнула Эльвира. — Главное, что меня беспокоит сейчас, это деньги! У тебя, конечно, нет денег?

— Всего два фунта.

— Мало! Мне ведь нужен билет на самолет. Я уже смотрела расписание. Лету всего два часа. Все зависит от того, сколько времени потребуется мне там.

— Можешь мне сказать, что ты затеяла?

— Нет, не могу. Но это ужасно, ужасно важно!

При этих словах голос Эльвиры дрогнул, так что Бриджет взглянула на нее удивленно:

— Значит, это серьезно, Эльвира?

— Да. Очень.

— И никто не должен об этом знать?

— Именно. Это совершенно, совершенно секретно! Мне надо выяснить насчет одной вещи: правда это или нет. Как глупо получилось с деньгами! И весь идиотизм в том, что я богата! Это мой опекун сказал. А дают мне жалкую сумму на тряпки. И так будет еще долго продолжаться!

— А твой опекун, полковник — как его там? — он не может тебе дать

взаймы?

— Это уж совсем никуда не годится! Он задаст уйму вопросов, чтобы выяснить, зачем мне деньги:

— Да-да, ты права. Почему это все вечно пристают к человеку с вопросами? Вообрази: стоит кому-то позвонить мне, так мамочке обязательно надо знать, кто звонил! А ведь это ее совершенно не касается!

Эльвира кивнула, но думала она явно о другом.

— Тебе когда-нибудь приходилось иметь дело с ломбардами, Бриджет?

— Никогда. Понятия не имею, как это делается.

— Думаю, это совсем не трудно, — сказала Эльвира.

— Но у меня нет драгоценностей, которые можно было бы заложить, — вздохнула Бриджет.

— А у твоей мамы?

— По-моему, лучше к ней не обращаться!

— Это верно, но.., стащить ничего нельзя?

— Что ты, разве можно? — возмутилась Бриджет.

— Да? Наверно, ты права. Хотя я уверена, что твоя мама ничего бы не заметила. Мы бы успели вернуть, пока она хватится. Ну что ж, пойдём к мистеру Болларду.

— Кто это мистер Боллард?

— Ну, вроде нашего семейного ювелира. Я всегда ношу к нему в починку часы. Он меня знает с шести лет. Давай, Бриджет, идем к нему немедленно. Времени в обрез.

— Выйдем черным ходом, — предложила Бриджет, — иначе мамочка начнет спрашивать, куда и зачем мы пошли.

Очутившись на Бонд-стрит, возле дома, где помещался известный ювелирный магазин «Боллард и Уитли», девушки еще раз согласовали план действий.

— Ты на самом деле все поняла, Бриджет?

— Думаю, что да, — вяло отозвалась Бриджет.

— Прежде всего, — сказала Эльвира, — давай синхронизируем наши часы!

Бриджет слегка оживилась. Слово «синхронизируем» произвело на нее благоприятное впечатление. Они сверили часы, и Бриджет перевела свои на одну минуту вперед.

— Время «икс» двадцать пять минут второго, — сказала Эльвира. — Времени у меня, как я уже говорила, хватит. Думаю, даже больше, чем надо, но это лучше, чем меньше!

— А если вдруг?.. — начала было Бриджет.

— Что вдруг?

— А если вдруг меня на самом деле задавят?

— Да никто тебя не задавит! — уверила Эльвира. — Ты прекрасно бегаешь, а лондонские шоферы привыкли то и дело тормозить. Все будет в порядке.

Взглянув на Бриджет, Эльвира поняла, что ее слова вряд ли убедили подружку.

— Ты ведь не подведешь меня, Бриджет?

— Ладно, — пообещала Бриджет, — не подведу. Бриджет перешла на другую сторону Бонд-стрит, а Эльвира толкнула входную дверь магазина «Боллард и Уитли», ювелиров и часовщиков, издавна пользовавшихся прекрасной репутацией. В магазине было красиво и тихо. Благообразного вида господин в сюртуке осведомился у Эльвиры, чем он может ей услужить.

— Я бы хотела видеть мистера Болларда.

— Мистера Болларда? А как о вас доложить?

— Скажите, что его хочет видеть мисс Эльвира Блейк. Благообразный господин исчез, а Эльвира подошла к прилавку, где под стеклом на бархате футляров во всем своем великолепии блистали и сверкали броши, кольца, браслеты. Через несколько секунд появился сам мистер Боллард. Это был пожилой, лет шестидесяти, человек, старший партнер фирмы.

— А, мисс Блейк, оказывается, вы в Лондоне! Очень приятно вас видеть. Чем могу вам быть полезен? Эльвира протянула ему крошечные часики:

— Они стали плохо идти. Можно их исправить?

— Разумеется. Дело несложное. — Мистер Боллард взял у нее часы. — По какому адресу мне их отослать? Эльвира назвала адрес.

— Да, вот еще что... Мой опекун, полковник Ласком, вы его знаете...

— Да-да, конечно.

— Он спросил, какой подарок мне бы хотелось получить к Рождеству. И предложил зайти и выбрать то, что мне по душе. Он осведомился, хочу ли я, чтобы он меня сопровождал, но я сказала, что лучше сначала пойду одна, потому что, вы понимаете, как-то неловко получается... Я имею в виду цены, ну и тому подобное...

— Что ж, вас можно понять, — усмехнулся мистер Боллард. — Что бы вы хотели, мисс Блейк? Брошь, браслет, кольцо?

— Пожалуй, брошь, — сказала Эльвира, — только хочется поглядеть на разные...

Эти слова она сопровождала просящим взглядом. Мистер Боллард

ответил на просьбу покупательницы доброй, сияющей улыбкой.

— Ну конечно, конечно! Если приходится торопиться, то и выбирать нет никакого интереса.

Следующие несколько минут прошли чрезвычайно приятно. Он доставал драгоценности то из одного ящика, то из другого, и вскоре множество браслетов и брошек было разложено перед Эльвирой на куске бархата. Казалось, это не составило для мистера Болларда никакого труда. Время от времени Эльвира поворачивалась к зеркалу, прикладывая к себе кулон или брошь. Наконец выбор ее пал на хорошенький браслетик, часы с бриллиантами и две брошки.

— Сейчас мы все это запишем, — сказал мистер Боллард, — и, когда полковник Ласком будет в Лондоне в следующий раз, он, очевидно, сам зайдет к нам и возьмет что-нибудь из облюбованных вами вещиц.

— По-моему, это будет чудесно! — воскликнула Эльвира. — Он непременно решит, что выбрал подарок сам, правда?

Ясные голубые глаза взглянули в лицо ювелира. А секундой раньше эти же ясные глаза отметили, что стрелка часов показывала ровно двадцать пять минут второго.

Внезапно снаружи послышался визг тормозов и громкий женский крик. Естественно, взгляды всех присутствовавших в магазине обратились в сторону окон, выходивших на Бонд-стрит.

Рука Эльвиры скользнула с прилавка в карман ее элегантного костюма столь быстрым и ловким движением, что, если бы даже кто-нибудь случайно посмотрел в ее сторону, он все равно ничего бы не заметил.

— Ай-ай-ай, — вздохнул мистер Боллард, отводя глаза от окна, — еще немного, и она попала бы под машину. Глупая девчонка! Разве можно так сломя голову перебегать улицу!

Эльвира уже шла к двери. Она взглянула на часы и воскликнула:

— Боже мой, как я задержалась! Я опаздываю на поезд! Я вам ужасно благодарна, мистер Боллард! Надеюсь, вы не забудете про отложенные мною вещички?

Через минуту она была уже на улице. Быстро повернув налево и еще раз налево, она очутилась под аркой магазина обуви, и почти сразу к ней подбежала задыхающаяся Бриджет.

— Ох, — воскликнула она, — просто какой-то ужас! Я думала, что меня задавят. И еще я чулок порвала!

— Не важно, — сказала Эльвира и, взяв Бриджет за руку, потащила ее вдоль тротуара. — Идем же, идем!

— Скажи..., это..., все получилось?

Эльвира сунула руку в карман и продемонстрировала браслет, осыпанный бриллиантами и сапфирами.

— Ох, Эльвира, как у тебя духу хватило?

— А сейчас, Бриджет, иди в тот ломбард, который мы с тобой наметили и узнай, сколько они могут дать за эту штучку. Проси сто...

— А ты не думаешь?.. А вдруг?.. Я хочу сказать, а вдруг это уже попало в список украденных вещей?

— Не болтай чепухи. Как это могло так быстро попасть в список? В магазине еще ничего и не заметили!

— Но, Эльвира, когда они заметят, они сразу подумают, даже наверняка решат, что его взяла ты!

— Да, если сразу же заметят пропажу, они могут подумать на меня.

— Они обратятся в полицию и...

Она не кончила фразу, потому что Эльвира энергично покачала головой, ее белокурые волосы почти закрыли лицо, а губы сложились в загадочную полуулыбку:

— В полицию они не обратятся, Бриджет. Ни за что не обратятся, если подумают на меня.

— Почему? Ты думаешь, что...

— Я тебе уже говорила, что у меня будет куча денег, когда мне исполнится двадцать один год. Тогда я смогу покупать у них драгоценности. Скандала они подымать не будут. Ну а теперь беги за деньгами. А потом закажи на мое имя билет на самолет. А я хватаю такси и еду в ресторан. Я и так уж на десять минут опоздала. Значит, я вернусь завтра в половине одиннадцатого.

— Ох, Эльвира, как я буду о тебе беспокоиться! — простонала Бриджет.

Но Эльвира уже подозвала такси.

Мисс Марпл прекрасно провела время в «Робинсоне и Кливерс». Помимо покупки дорогих, великолепных полотняных простыней — ей нравилась фактура полотна, такого прохладного на ощупь — она не удержалась от приобретения очень качественных посудных полотенец с красной каемкой. Ведь нынче добротное посудное полотенце так просто не пойдешь и не купишь. Вместо них вам предложат нечто, скорее похожее на цветную скатерку с редисками и омарами или с видом Эйфелевой башни или Трафальгарской площади, и все это в рамке из лимонов и апельсинов. Давая свой адрес в Сент-Мэри-Мид, она там же в магазине узнала номер

автобуса, идущего в сторону Офицерского универмага^[21]. Когда-то давным-давно тетка мисс Марпл обожала это заведение. Разумеется, оно уже не то, что прежде. И мисс Марпл припомнила, как тетушка Хелен, в своем капоре и черной шелковой мантилье, разыскав в отделе гастрономии знакомого продавца, удобно усаживалась на стул. В те времена никто никуда не спешил, и тетушка Хелен спокойно прикидывала все, что она собирается купить сегодня и заказать на будущее, с учетом предстоящего Рождества и даже с отдаленными видами на Пасху. А когда юная Джейн начинала ерзать от нетерпения, ее отсылали в отдел стекла «погулять».

Покончив с покупками, тетушка Хелен вступала в разговор с продавцом, спрашивая его о здоровье матери, младшего сына и хромой свояченицы, а затем весело обращалась к племяннице: «А что моя девочка думает по поводу ленча?» После чего они поднимались на лифте на четвертый этаж, где ленч неизменно заканчивался клубничным мороженым.

Само собой разумеется, в Офицерском универмаге лифтов стало куда больше, чем прежде. И вообще магазин сильно изменился. Стало светлее, и народу прибавилось. Но мисс Марпл, хотя и вспоминала прошлое с нежностью, ничего не имела против настоящего. Ресторан в этом универмаге по-прежнему существовал, и она пошла туда заказать ленч.

Внимательно ознакомившись с меню и соображая, что именно выбрать, мисс Марпл оглядела зал ресторана, и вдруг брови ее слегка поползли вверх. Поразительное совпадение! Здесь оказалась та самая женщина, которую мисс Марпл до вчерашнего вечера никогда не встречала, зато видела множество ее фотоснимков — на бегах, на Бермудах, возле собственного самолета или автомобиля. Лишь вчера вечером мисс Марпл смогла лицезреть эту даму во плоти и, как это часто бывает, вновь наткнулась на нее в самом неподходящем месте, ибо завтрак в Офицерском универмаге и Бесс Седжвик как-то ужасно друг с другом не сочетались! Мисс Марпл не пришла бы в изумление, увидев Бесс в какой-нибудь забегаловке Сохо^[22] или, напротив, выходящей из Ковент-Гардена^[23] с бриллиантовой диадемой на голове. Но только не здесь, в магазине, который мисс Марпл мысленно связывала с военными, их женами, дочками, тетками и бабушками. И все же это была Бесс Седжвик, на редкость элегантная в темном костюме и ярко-изумрудной блузке, и сидела она за столиком с мужчиной — молодым человеком в кожаной куртке и с сухощавым ястребиным профилем. Эти двое о чем-то серьезно беседовали, перегнувшись через столик, и заодно жевали, по-видимому не замечая, что

именно они жуют.

Любовное свидание? Что ж, весьма возможно. Правда, кавалер моложе своей спутницы лет на пятнадцать — двадцать, — но Бесс Седжвик до сих пор чрезвычайно привлекательна.

Мисс Марпл окинула молодого человека внимательным взглядом и нашла, что он хорош собой. Но тут же решила, что ей он не по душе. «Похож на Гарри Рассела, — подумала мисс Марпл, как всегда выискивая прототипы в прошлом. — В том парне было мало толку. И он не принес добра ни одной женщине из тех, которые в него влюблялись».

«Она не станет слушать моих советов, — продолжала думать мисс Марпл, — а уж я-то могла бы кое-что ей сказать». Впрочем, любовные дела посторонних не касались мисс Марпл, а в том, что касалось романов, Бесс Седжвик, судя по всему, прекрасно могла сама о себе позаботиться.

Мисс Марпл вздохнула, доела свой ленч и решила заглянуть в писчебумажный отдел магазина.

Одной из характерных черт мисс Марпл было любопытство, или, как она сама предпочитала выражаться, интерес к чужим делам.

Забыв, будто случайно, на столике свои перчатки, мисс Марпл отправилась к кассе и с умыслом прошла совсем близко от столика леди Седжвик. Уплатив по счету, она «вдруг» обнаружила отсутствие перчаток, вернулась за ними, но на обратном пути, к сожалению, уронила сумочку. Сумочка раскрылась, и на пол высыпались разные мелочи. Официантка ринулась на помощь, а мисс Марпл пришлось, изображая смущение, ронять еще ключи и монеты.

Все эти трюки дали немного, однако совсем бесполезными они не были, примечательно, что оба объекта ее любопытства удостоили старую даму, которая все время что-то роняла, лишь мимолетным взглядом.

Поджидая лифт, мисс Марпл восстанавливала в памяти обрывки услышанного разговора.

— Какой прогноз погоды?

— Порядок. Тумана не будет.

— Все готово для Люцерна?

— Да. Самолет вылетает в девять сорок. Вот и все, что удалось услышать ей в первый раз. Когда мисс Марпл возвращалась за перчатками, она узнала чуть больше.

Бесс Седжвик сердито говорила:

— Какого черта ты явился вчера в «Бертрам»? Не смей там показываться.

— Не беспокойся, все нормально! Я просто спросил, остановилась ли

ты там, а всем известно, что мы друзья...

— Да не в том дело! Для меня «Бертрам» подходит, а для тебя — нет!
Ты там сразу бросаешься в глаза.

— Ну и пусть!

— Идиот! Зачем ты туда пришел, я спрашиваю, зачем? Какая у тебя была причина там появиться? А причина была, я тебя знаю...

— Успокойся, Бесс.

— Какой же ты лгун!

Это все, что смогла услышать мисс Марпл. По ее мнению, это было не так уж мало.

Глава 7

Вечером 19 ноября каноник Пеннифазер пообедал в своем клубе «Атенеум»^[24], где повидался с двумя-тремя друзьями, обсудил во время интересного и отчаянно язвительного разговора ряд спорных пунктов, касающихся датировки свитков Мертвого моря^[25], и, взглянув на часы, сообразил, что пора в аэропорт. В холле канонику попался один из его друзей, доктор Уиттакер, издали весело крикнувший:

— Как дела, Пеннифазер? Давненько вас не видел. Что там на конгрессе? Возникли какие-нибудь интересные проблемы?

— Убежден, что возникнут.

— Вы только что оттуда?

— Да нет, я как раз туда. Тороплюсь в аэропорт.

— Вот как! — Уиттакер был явно удивлен. — А я почему-то думал, что конгресс проходит сегодня.

— Нет-нет. Завтра. Девятнадцатого.

Каноник Пеннифазер уже выходил, когда Уиттакер вновь его окликнул:

— Но, дружище, ведь девятнадцатое-то сегодня, разве не так?

Но каноник Пеннифазер этих слов не расслышал. Он поймал на Пэл-Мэл^[26] такси и отправился в аэропорт. Этим вечером там было довольнолюдно. Но, наконец, очередь дошла и до каноника, он предъявил билет, паспорт и прочие документы. Девушка за стойкой, собиравшаяся было поставить на положенное место печать, внезапно замерла:

— Извините, сэр, но у вас не тот билет.

— Как это не тот? Нет-нет, все в порядке. Рейс номер сто... Ох, я не вижу без очков!.. Сто с чем-то, на Люцерн...

— Дата, сэр. На билете стоит дата: среда, восемнадцатое.

— Не может быть! То есть я хотел сказать, что сегодня среда, восемнадцатое!

— Извините, сэр. Сегодня девятнадцатое.

— Девятнадцатое!

В полной растерянности каноник извлек из кармана ежедневник и принялся его нервно листать. Увы, он убедился: сегодня действительно девятнадцатое. Значит, он собирался лететь на самолете, который улетел вчера.

— Ведь это означает. Господи Боже, это означает, что конгресс в

Люцерне сегодня!

В отчаянии он застыл перед барьером, но напиравшие сзади пассажиры бесцеремонно оттеснили каноника, сраженного своими горестями. Он стоял в стороне, сжимая в руке бесполезный билет. В уме он перебирал различные варианты: может быть, обменять билет? Впрочем, какой смысл? Сейчас дело к девяти, конгресс уже состоялся — он начался в десять утра. Вот что, оказывается, имел в виду доктор Уиттакер! Он решил, что каноник Пеннифазер уже вернулся с конгресса.

— О Боже мой, Боже мой, — бормотал каноник, — как же это я мог все так перепутать!

Неся свой саквояж, он медленно брел по Кромвель-роуд и старался доискаться, почему и как все спуталось в его голове. Наконец ему удалось привести мысли в относительный порядок, и он грустно покачал головой.

«А сейчас, — пробормотал он про себя, — сейчас надо пойти перекусить».

Странно, что он не ощущает голода. Двигаясь по Кромвель-роуд, он заметил ресторанчик, где подавали индийское карри^[27]. Пусть он не голоден, решил каноник, но все-таки надо поесть, набраться сил, а потом пуститься на поиски гостиницы. Да нет, нет, этого-то как раз и не надо — он же остановился в отеле! Ну конечно! Ведь он оставил за собой номер в отеле «Бертрам» на четыре дня! Бывает же такое чудесное везенье! У него есть номер, номер ждет его! Только и оставалось, что потребовать свой ключ и... И тут каноник смутно почувствовал, что грядут какие-то новые неприятности. Карман оттягивала подозрительная тяжесть.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда ключ, размеры и вес которого, по мнению администрации отеля, должны были удержать рассеянного постояльца от искушения унести с собой такую махину. Но каноника они не удержали.

«Номер девятнадцать, — радостно промолвил каноник. — Именно так. Какое счастье, что не надо искать гостиницу! Тем паче, говорят, все отели переполнены. Ах да, это мне Эдмундс сказал сегодня в клубе. Комнату он нашел с огромным трудом».

Радуюсь своей предусмотрительности — не зря же он заранее заказал и оставил за собой номер, — каноник отодвинул тарелку с карри, не забыв за него заплатить, и вновь вышел на Кромвель-роуд.

Как-то неловка было сразу идти в отель, ведь ему, канонику, полагалось сейчас обедать в Люцерне и беседовать на разные интересные и волнующие темы. Взгляд его упал на афишу кинотеатра: «У стен иерихонских». Чрезвычайно интересно проследить, насколько точно автор

фильма следует Библии^[28].

Каноник купил билет и вошел во тьму зрительного зала. Фильм ему понравился, хотя он никакого отношения к библейскому сюжету не имел. Название «У стен иерихонских» оказалось чисто символическим — речь шла о брачных неурядицах одной дамы. Когда эти «стены» несколько раз обрушились, красавица героиня встретила сурового грубоватого героя, которого втайне давно любила, и любящие решили воздвигнуть такие «стены», которые смело выдержат испытание временем. Хотя фильм и не был рассчитан на пожилых священнослужителей, каноник Пеннифазеру он понравился. Ему нечасто доводилось смотреть подобное кино, и он решил, что сегодняшняя картина несколько расширила его знание жизни. Зажегся свет, был исполнен национальный гимн, и каноник Пеннифазер вступил в блеск лондонских огней, чувствуя себя чуточку вознагражденным за те печальные события, какие ему довелось нынче пережить.

Вечер был ясный, и каноник решил отправиться в «Бертрам» пешком, правда, сначала он ухитрился сесть в автобус, идущий в противоположном направлении. Наступила полночь, когда он добрался до своего respectable отеля, имевшего в эти ночные часы такой вид, будто все его постояльцы уже давно спят мирным сном. Лифт был где-то на верхнем этаже, и каноник стал пешком подниматься по лестнице. Потом подошел к своей комнате, вставил ключ в замок, распахнул дверь и вошел.

Господи милосердный, да не бред ли это? Но кто.., но каким образом?.. Занесенную над ним руку он увидел слишком поздно.

Последнее, что он ощутил, — как из его глаз посыпались искры.

Глава 8

Ирландский экспресс мчался сквозь ночь. А говоря точнее, сквозь тьму утренних предрассветных часов.

Через определенные промежутки времени дизель издавал дьявольский, тревожный, предупреждающий вопль. Поезд мчался со скоростью восемьдесят миль в час. Шел он без опоздания.

Внезапно его ход резко замедлился. Отчаянно завизжали колеса. Все медленнее, медленнее... Охранник высунул голову в окно, увидел впереди красный сигнал, и тут поезд остановился. Кое-кто из пассажиров проснулся. Но большинство продолжало спать.

Старая дама, встревоженная внезапной остановкой, отворила дверь купе и выглянула в коридор. Неподалеку от себя дама увидела еще одну распахнутую дверь. Пожилой священник с копной густых седых волос поднимался по ступенькам в вагон. Дама решила, что он, верно, выходил наружу узнать причину остановки.

Утренний воздух был ощутимо свеж. В конце коридора раздался голос: «Это просто красный свет!» Пожилая дама вернулась к себе и попыталась снова заснуть.

Тем временем со стороны сигнальной будки, размахивая фонарем, уже бежал человек. Из локомотива выпрыгнул помощник машиниста. К нему присоединился охранник. Человек с фонарем подбежал к ним и, задыхаясь, выкрикнул:

— Впереди крушение! Товарный поезд сошел с рельсов...

А позади состава шестеро поднялись на насыпь и вошли в дверь, заранее открытую для них в последнем вагоне. Шесть пассажиров из разных вагонов двинулись им навстречу. Быстро и слаженно все они кинулись к почтовому вагону. По обе стороны вагона встали двое в вязаных подшлемниках и с дубинками в руках.

Человек в форме железнодорожника шел по коридорам поезда, давая объяснения проснувшимся пассажирам:

— Затор впереди... Минут на десять задержимся, не больше...

Произносилось это дружелюбным и успокоительным тоном.

Около локомотива лежали связанные машинист и его помощник, с кляпами во рту. Человек с фонарем крикнул:

— Порядок!

У насыпи, тоже связанный и тоже с кляпом во рту, лежал охранник.

Опытные взломщики быстро справились со своим делом в почтовом вагоне. Еще двое связанных людей лежали на полу. Запечатанные почтовые мешки были выброшены на перрон, где их уже ожидали.

Тем временем пассажиры в своих купе сетовали на то, что нынешние железные дороги не те, что прежде.

Когда пассажиры вновь стали укладываться спать, темноту прорезал вой двигателя.

— Господи, — пробормотала женщина, — неужели реактивный самолет?

— Нет, пожалуй, гоночный автомобиль.

Шум замолк в отдалении.

На Бедхэмптонском шоссе, в девяти милях от места происшествия, шла на север колонна грузовиков сквозь ночь, освещая себе путь фарами. Большая белая гоночная машина молнией промчалась мимо.

Через десять минут машина свернула с шоссе. Гараж, стоящий у поворота дороги, был, судя по прибитому к нему объявлению, закрыт. Но сейчас его двери немедленно распахнулись, белая машина въехала внутрь, и двери тут же захлопнулись. Трое взялись за дело с молниеносной быстротой. Старые номерные знаки были заменены новыми. Шофер сменил куртку и кепку. Вместо белого овчинного полушубка на нем оказалась куртка из черной кожи. Он покинул гараж. Минут через пять после его отъезда на дорогу выполз, пыхтя, старенький «Моррис-Оксфорд», за рулем которого сидел священник, и начал петлять по извилистым проселкам.

Шофер фургона, катившего по одной из этих дорог, притормозил, увидев у плетня неподвижный «Моррис-Оксфорд» и стоящего рядом пожилого человека.

Шофер высунулся из кабины:

— Что-нибудь случилось? Помощь не нужна?

— Спасибо. Фары не горят.

Оба водителя подошли друг к другу и прислушались: все спокойно.

Несколько прекрасно упакованных, явно американского происхождения ящиков, были перенесены из «Моррис-Оксфорда» в фургон.

Проехав милю-другую, фургон свернул на каменистый проселок, который, однако, привел к заднему двору большой и роскошной усадьбы. Там, где когда-то были конюшни, стоял наготове белый «мерседес». Шофер

фургона ключом отпер багажник «мерседеса», перенес туда ящики, захлопнул багажник, снова уселся за руль и уехал.

Глава 9

Эльвира Блейк взглянула на небо, отметила про себя, что утро чудесное, и вошла в телефонную будку. Она позвонила Бриджет на Онслоу-сквер.

— Алло? Это Бриджет?

— Ох, Эльвира, это ты! — Голос Бриджет звучал взволнованно.

— Да, я. Все в порядке?

— Ох, нет. Просто ужасно! Твоя кузина миссис Мелфорд вчера позвонила мамочке.

— Как? Насчет меня?

— Да. Я-то воображала, что все так ловко устроила, когда позвонила ей в середине дня. Но она вдруг забеспокоилась о твоих зубах. Испугалась, что у тебя там абсцесс или вообще что-нибудь серьезное. Поэтому она сама позвонила дантисту, ну и, конечно, узнала, что там и духу твоего не было. Тогда она позвонила мамочке. На нашу беду, мамочка сама оказалась у телефона. И, конечно, заявила, что ей ничего не известно и что тебя у нас нет. Я просто не знала, что делать!

— И что же ты сделала?

— Притворилась, что ничего не знаю. Сказала, что, кажется, ты собиралась навестить каких-то друзей в Уимблдоне.

— Почему именно в Уимблдоне?

— Это первое, что мне пришло в голову.

Эльвира вздохнула:

— Ну ладно, придется, видимо, что-то придумать. Ну например, что в Уимблдоне живет моя старая гувернантка. И чего это они суется, только все портят! Надеюсь, что кузине Милдред хватило ума не обращаться в полицию?

— Ты сейчас к ним едешь?

— Не раньше вечера. У меня еще полно дел.

— Ты была в Ирландии? Все благополучно?

— Я узнала то, что хотела узнать.

— Какой у тебя мрачный голос!

— Да я и сама мрачная.

— Эльвира, чем тебе помочь? Что я могу для тебя сделать?

— Никто мне не поможет... То, что нужно, я должна сделать сама. Ведь я надеялась, что все это — не правда, а оказалось — правда. И я не

знаю, как мне быть.

— Тебе грозит опасность, Эльвира?

— Не устраивай мелодрам, Бриджет! Мне надо быть осторожной, вот и все. Очень-очень осторожной.

— Значит, все-таки есть опасность?

— Очень возможно, что у меня просто разыгралось воображение, — отозвалась, помедлив, Эльвира.

— Эльвира, а что ты собираешься делать с тем браслетом?

— А, с ним все в порядке. Мне удалось достать денег у одного человека, и, стало быть, я могу пойти в..., как это называется? — выкупить его. А затем верну его Болларду.

— А как они к этому отнесутся?.. Нет, мамочка, это из прачечной. Они говорят, что мы им не давали этой простыни. Да, мамочка, да, я скажу заведующей. Ладно, ладно.

Услышав этот монолог на другом конце провода, Эльвира усмехнулась и повесила трубку. Затем достала кошелек, порылась в нем, отобрала несколько монет, положила их перед собой и снова сняла трубку. Набрав нужный номер, она опустила монету, нажала кнопку и заговорила тоненьким, немного задыхающимся голоском:

— Привет, кузина Милдред... Да, это я... Простите меня, пожалуйста. Да-да, знаю... Да, я собиралась.., но, понимаете, милая старенькая Мадди, ну вы же ее помните, моя старенькая Мадемуазель... Я написала вам, да забыла письмо отправить. Оно и сейчас у меня в кармане! Понимаете, она захворала, и никого рядом, и я только заехала проведать, как у нее дела. Да, я собиралась к Бриджет, но тут узнала, что старушка больна, и все изменилось... Не понимаю, какое сообщение вы получили? Нет, это кто-то что-то перепутал... Да-да, я вам все объясню, когда приеду... Да-да, сегодня же к вечеру. Вот только дождусь сиделку, которая должна прийти к Мадди, впрочем, это не настоящая сиделка, а такая, знаете, которая согласна помочь... Нет, она ни за что не хочет в больницу! Я очень виновата перед вами, кузина Милдред, очень, очень, простите меня!

Эльвира положила трубку и глубоко вздохнула, пробормотав:

— О, если бы врать поменьше!

Она вышла из телефонной будки и первое, что бросилось ей в глаза, были огромные газетные заголовки:

«КРУПНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ПОЕЗДА. НАПАДЕНИЕ НА ИРЛАНДСКИЙ ЭКСПРЕСС»

Мистер Боллард занимался с клиентом, когда дверь магазина отворилась. Он поднял глаза и увидел Эльвиру Блейк.

— Нет, — сказала она подошедшему к ней помощнику, — я лучше подожду, пока освободится мистер Боллард.

Вскоре клиент ушел, и его место заняла Эльвира.

— Доброе утро, мистер Боллард.

— Боюсь, ваши часики еще не готовы, мисс Эльвира.

— О, дело не в часах, — ответила Эльвира. — Я пришла извиниться перед вами. Случилась ужасная вещь. — Она открыла сумку и вынула маленькую коробочку, оттуда извлекла браслет с бриллиантами и сапфирами. — Помните, я принесла вам в починку часы и стала еще выбирать разные вещички для подарка к Рождеству, а в это время на улице произошел несчастный случай? Кого-то задавили или чуть не задавили. Видимо, я как раз держала браслет в руке и, не думая, сунула его в карман, что и обнаружила лишь сегодня утром. И сразу же кинулась к вам, чтобы вернуть. Я очень виновата перед вами, мистер Боллард, не знаю, что это произошло со мной, как могло такое случиться!

— Ничего, ничего, не волнуйтесь, мисс Эльвира, — только и произнес мистер Боллард.

— А вы, верно, подумали, что его украли?

Прозрачные голубые глаза девушки встретили взгляд мистера Болларда.

— Мы обнаружили его пропажу, — сказал мистер Боллард. — Очень вам благодарен, мисс Эльвира, что вы так быстро его вернули.

— Я была просто в ужасе, когда нашла его в кармане нынче утром, — продолжала Эльвира. — Спасибо вам, спасибо, мистер Боллард, что вы так мило к этому отнеслись!

— Разное в жизни случается, — добродушно улыбнулся мистер Боллард. — Но забудем об этом. Однако не повторяйте, пожалуйста, больше таких случайностей!

Тут мистер Боллард рассмеялся, очевидно, шутка показалась ему весьма удачной и остроумной.

— Ой, нет! — воскликнула Эльвира. — Я буду теперь вдвойне осторожна!

Она улыбнулась ему и вышла из магазина.

«Хотел бы я знать, — мысленно произнес про себя мистер Боллард, — хотел бы я знать...»

Один из его компаньонов, стоящий неподалеку, подошел к нему:

— Значит, его взяла она?

— Да. Она.

— Но принесла обратно.

— Принесла, — согласился мистер Боллард. — По правде говоря, я этого не ожидал.

— Не ожидали, что она принесет его обратно?

— Нет, если она его взяла, то — не ждал.

— Думаете, она правду сказала? Что она, мол, сунула в карман по рассеянности?

— Полагаю, возможно и это, — задумчиво молвил Боллард.

— Может, она клептоманка [\[29\]](#).

— Может, и клептоманка, — согласился Боллард. — Но куда более вероятно, что она взяла его с определенной целью... Но почему же тогда так быстро вернула? Любопытно...

— Хорошо, что мы не сообщили полиции. Я ведь предлагал обратиться к властям.

— Знаю, знаю. У вас нет такого опыта, как у меня. Определенно не следует обращаться в полицию в таких случаях... — Боллард, помолчав, тихо добавил, будто говоря с самим собой:

— А случай интересный. Чрезвычайно интересный. Сколько ей лет, хотел бы я знать? Видимо, семнадцать или восемнадцать. Чего доброго, влипнет в какую-нибудь неприятную историю.

— По-моему, вы говорили, что она не нуждается в деньгах?

— Можно быть богатой наследницей и нуждаться в деньгах, — сказал Боллард. — Если вам только семнадцать, этих денег еще ждать и ждать! Забавная вещь, между прочим: богатым наследницам дают на руки гораздо меньше наличных, чем тем, кто победнее. На мой взгляд, это неразумно. Но правду, боюсь, мы никогда не узнаем.

И он, положив браслет на его место в витрине, опустил крышку.

Глава 10

Контора «Эгертон, Форбс и Уилборо» находилась в Блумсбери, в одном из тех горделивых и импозантных кварталов, которых еще не коснулся ветер перемен. Даже медная доска на двери истерлась до того, что едва можно было разобрать буквы. Фирма существовала свыше ста лет, и множество дворян-землевладельцев Англии числились ее клиентами. В конторе уже не было никого из Форбсов и никого из Уилборо. Вместо них работали Аткинсоны, отец и сын, Ллойд из Уэльса, и шотландец Мак-Алистер. Однако все еще оставался Эгертон, потомок самого первого Эгертона. Этот Эгертон, пятидесяти двух лет, был юрисконсультom нескольких семейств, которым в свое время оказывали услуги его дед, отец и дядя.

Сейчас он сидел за своим большим письменным столом красного дерева в красиво обставленном кабинете на первом этаже и доброжелательно, но твердо разговаривал с клиентом, явно чем-то угнетенным. Ричард Эгертон считался красивым мужчиной, и справедливо: высокий, темноволосый, со слегка посеребрившимися висками и пронизательным взглядом серых глаз. Его советы всегда были умны, но и высказывал он их без обиняков.

— Будем откровенны, Фредди, зацепиться вам не за что, — говорил он, — особенно если вспомнить письма, которые вы написали...

— А вы не думаете?.. — удрученно пробормотал Фредди.

— Нет, не думаю, — отрезал Эгертон. — Единственная возможность — не доводить дело до суда. Иначе, чего доброго, уголовное дело заведут против вас самого.

— Послушайте, Ричард, это уж чересчур!

Тут раздался тихий скромный звоночек; Эгертон взял трубку и нахмурился.

— Кажется, я просил меня не беспокоить!

На другом конце провода что-то пробормотали. Эгертон сказал:

— А.., да-да. Понимаю. Попросите ее подождать.

Он положил трубку и вновь повернулся к своему приунывшему клиенту:

— Послушайте, Фредди. Я знаю закон, а вы — нет. Вы попали в неприятнейшую историю. Я сделаю все возможное, чтобы вас вытащить, но это вам обойдется недешево. Сомневаюсь, чтобы они пошли на

мировую меньше чем за двенадцать тысяч.

— Двенадцать тысяч! — застонал бедняга Фредди. — О Боже мой! Да у меня нет таких денег, Ричард!

— Что ж, придется достать. Изыщите возможности. И считайте, что вам повезло, если мне удастся все устроить за двенадцать тысяч. А если дело дойдет до суда, это будет стоить вам гораздо дороже.

— Адвокаты, — пробормотал Фредди. — Все вы настоящие акулы! — Он встал. — Ладно уж, постарайтесь для меня, старина Ричард.

Он пошел к двери, печально покачивая головой. Ричард Эгертон тут же выбросил из головы Фредди и его дело и переключился на следующего клиента: «Мисс Эльвира Блейк. Интересно, какая она?» Он поднял трубку:

— Лорд Фредерик ушел. Пусть войдет мисс Блейк. Поджидая ее, Эгертон подвинул блокнот и стал что-то подсчитывать. Сколько же лет прошло с тех пор?.. Ей должно быть лет семнадцать. Пожалуй, даже больше. Как быстро бежит время! «Дочь Конистона, — думал он, — и дочь Бесс. Интересно, в кого из них она пошла?»

Открылась дверь, клерк доложил о мисс Эльвире Блейк, и девушка вошла в комнату. Эгертон встал и шагнул ей навстречу. Внешне, думал он, не похожа ни на отца, ни на мать. Высокая худенькая блондинка, как Бесс, но без материнского жизнелюбия и блеска. И что-то такое старообразное в ней, хотя, может быть, все дело в том, что снова начали носить рюши, оборки и высокие корсажи.

— Так-так, — сказал он, пожимая ей руку, — какая приятная неожиданность! Когда я вас видел в последний раз, вам было одиннадцать лет. Садитесь-ка сюда. — Он подвинул девушке стул.

— Вероятно, мне следовало бы сначала вам написать, — неуверенно проговорила Эльвира, — написать, чтобы вы назначили мне время. Словом, предупредить, что ли, о себе, но вдруг мне захотелось вас видеть, тем более что я все равно уже в Лондоне...

— А что вы делаете в Лондоне?

— Лечу зубы.

— Мерзкая штука — зубы, — сказал Эгертон. — Мучают нас от колыбели до могилы. Но в данном случае я благословляю зубную боль, ведь она дала мне возможность вас увидеть. Итак, насколько мне известно, вы были в Италии, заканчивали там свое образование в одном из тех заведений, куда нынче посылают молодых девушек.

— У графини Мартинелли, — сказала Эльвира. — Но я туда больше не вернусь. Буду жить у Мелфордов в Кенте, пока не решу, что мне делать дальше.

— Надеюсь, вы найдете что-нибудь интересное. Вы не собираетесь поступить в университет, например?

— Нет, — возразила Эльвира. — Не думаю, что я достаточно умна для университета. — Она сделала паузу. — Полагаю, что бы я ни решила, вы не будете возражать?

Проницательные глаза Эгертона пристально посмотрели на нее.

— Я один из ваших опекунов и доверенное лицо согласно завещанию вашего отца, — сказал он, — таким образом, вы имеете полное право обращаться ко мне в любое время.

— Спасибо, — вежливо произнесла Эльвира.

— Вас что-нибудь тревожит? — спросил Эгертон.

— Нет. Ничего серьезного. Но, понимаете, я ничего толком не знаю. Никто никогда мне ничего не сообщает. А задавать вопросы самой не так уж приятно.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вы имеете в виду вопросы, касающиеся вас лично?

— Да. Спасибо, что вы меня поняли. Дядя Дерек...

— Вы говорите о Дерекке Ласкоме?

— Да. Я всегда называла его дядей. Он очень добрый, но он не из тех, кто захочет вам что-нибудь сообщить. Он старается все устроить как можно лучше и огорчается, если ему кажется, что мне что-то не по душе. Он прислушивается к мнению других, в основном — женщин, а они обожают давать советы. Например, насчет графини Мартинелли... Дядя выбирал для меня все школы, где я училась.

— А вам там не нравилось?

— Нет, я не то имела в виду. Я о другом хочу сказать. Я ровно ничего не знаю о себе. Сколько, скажем, у меня денег и как я смогу ими распорядиться, если захочу...

— Короче говоря, — Эгертон улыбнулся своей обворожительной улыбкой, — вы хотите обсудить ваши дела. Так? Что ж, думаю, вы совершенно правы. Посмотрим. Сколько вам лет? Шестнадцать? Семнадцать?

— Почти двадцать.

— Бог мой, вот не думал!

— Вы поймите меня, — проговорила Эльвира, — я все время чувствую, что меня от чего-то ограждают, от чего-то защищают. Возможно, это даже мило, но раздражает.

— Да это в характере Дерекки Ласкома, — сказал Эгертон, — но что делать, такова уж старомодная манера.

— Он ужасно милый, — признала Эльвира, — но с ним трудно говорить серьезно.

— Да, понимаю, так оно и есть. Но что вы хотите узнать о себе, Эльвира? О семейных обстоятельствах?

— Я знаю только, что мой отец умер, когда мне было пять лет, и что моя мать с кем-то от него сбежала, когда мне не исполнилось и двух. Я ее совершенно не помню.

Да и отца припоминаю с трудом. Он был старый и сидел, положив одну ногу на стул. И часто ругался. В общем я его боялась. После его смерти я жила не то с его теткой, не то с кузиной, пока и она не умерла, а потом у дяди Дерека и его сестры. Когда она тоже скончалась, я уехала в Италию. Сейчас дядя Дерек устроил меня жить к Мелфордам, своим родственникам, они очень приятные, добрые люди, и у них две дочери примерно моего возраста.

— Значит, вы довольны?

— Сама еще не знаю. Я до сих пор не успела до них добраться! Они ужасно скучные. Но на самом деле я хочу узнать, сколько у меня денег.

— Значит, именно эти сведения вам нужны?

— Да, — подтвердила Эльвира. — Я знаю, у меня есть деньги. А их много?

Эгертон стал серьезен.

— Да, — сказал он, — много. Ваш отец был очень богат. Вы его единственный ребенок. Когда он умер, его титул и имение перешли к двоюродному брату. Но он не любил брата, поэтому все свое личное состояние, весьма крупное, он оставил дочери, другими словами — вам, Эльвира. Вы очень богаты или будете богаты, когда вам исполнится двадцать один год.

— Вы хотите сказать, что сейчас я небогата?

— Вы и сейчас богаты, но не вправе распоряжаться своим состоянием, пока вам не исполнится двадцать один год или пока вы не выйдете замуж. А деньги находятся в руках ваших опекунов: Ласкома, меня и еще одного. — Он улыбнулся. — Мы ничего не присвоили, ваш капитал цел. Фактически мы его увеличили с помощью различных банковских операций.

— Сколько же у меня?

— Когда вам исполнится двадцать один год или когда вы выйдете замуж, у вас будет сумма в шесть или семь сотен тысяч фунтов.

— Как много! — удивилась Эльвира.

— Да, очень много. Вероятно, именно потому, что денег много, никто

не хотел вам об этом говорить.

Эгертон украдкой наблюдал за выражением ее лица. Занятная девушка, думал он. С виду скромная, бесцветная барышня, но на самом деле не такова. Совсем не такова. Он спросил с легкой усмешкой:

— Вас это радует?

Она внезапно улыбнулась ему в ответ:

— Должно бы радовать, разве не так?

Но тут же ее мысли приняли иное направление. Она спросила:

— Кому все это достанется, если я умру?

— Ближайшему вашему родственнику.

— Я хочу спросить..., имею ли я право сделать завещание? То есть пока мне не исполнится двадцать один год? Мне об этом говорили.

— Совершенно правильно.

— Не очень-то это приятно. Если б я была замужем и умерла, то мой муж стал бы наследником?

— Да.

— А раз я не замужем, то моей ближайшей родственницей является моя мать и она все получит. А ведь я ее даже не знаю! Какая она?

— Весьма примечательная женщина, — коротко отозвался Эгертон. — Тут уж спора быть не может.

— Она когда-нибудь выражала желание меня видеть?

— Полагаю, что да, возможно. Но она вела беспорядочную жизнь и так сумела ее запутать, что, видимо, сочла целесообразным держаться от вас в стороне.

— Вы и в самом деле знаете, что она так считает?

— Нет. На самом деле я ничего об этом не знаю.

Эльвира встала.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень добры, что сказали мне все. Как-то унижительно быть в полном неведении. Ясно, дядя Дерек считает меня совершенным ребенком.

— Ну что ж, он ведь сам очень немолод. Наши с ним молодые годы давно миновали. Будьте же к нам снисходительны, ведь мы на все смотрим с точки зрения своего возраста.

— Вы-то хоть не считаете меня ребенком? Мне почему-то кажется, что вы гораздо лучше, чем дядя Дерек, разбираетесь в психологии молодых девушек. Он столько лет прожил при своей сестре!

Протянув адвокату на прощание руку, Эльвира чрезвычайно изысканно заявила:

— Очень вам благодарна. Надеюсь, я своим приходом не нарушила

ваших планов!

И вышла. Эгертон стоял, глядя вслед уходящей Эльвире. Потом поджал губы, присвистнул, покачал головой, сел, взял ручку и задумчиво постучал ею по столу.

Придвинул к себе бумаги, затем отодвинул их и поднял телефонную трубку:

— Мисс Кордел, соедините меня, пожалуйста, с полковником Ласкомом.

Он положил трубку, снова придвинул к себе бумаги, начал было читать, но мысли его были далеко. Зазвонил телефон.

— Дерек? Здравствуйте. А меня только что посетила ваша подопечная.

— Эльвира? Боже мой, зачем она к вам приходила? У нее неприятности?

— Нет. Напротив. Она как будто вполне довольна. Хотела выяснить свое финансовое положение.

— Вы не сообщили ей об этом, надеюсь? — тревожно спросил полковник Ласком.

— Почему же нет? К чему такая таинственность?

— Мне кажется, молодой девушке не следует знать, что она унаследовала такую огромную сумму денег.

— Если мы ей не скажем, скажет кто-нибудь другой. Надо ее подготовить. Деньги — это ответственность.

— Но она еще совсем ребенок!

— Этого я бы не сказал... Кто ее приятель?

— Простите?

— Я спросил: кто ее приятель? Потому что у нее определенно есть приятель.

— Нет, быть того не может. Ничего подобного! Откуда вы это взяли?

— Во всяком случае, не с ее слов. Но у меня, знаете ли, есть кое-какой опыт. Думаю, что вы сами в этом вскоре убедитесь.

— Могу вас заверить, что вы ошибаетесь! Она не так воспитана, в школах ей внушали строгие правила, а заканчивала она свое образование в Италии, в пансионе, пользующемся прекрасной репутацией. Если б что-нибудь было, я бы знал! Согласен, она знакома с одним или двумя милыми молодыми людьми, но о том, на что вы намекаете, и речи быть не может!

— И все же выслушайте мой диагноз: у нее есть приятель, и вряд ли подобающий!

— Но почему, Ричард, почему? Что вам известно о молодых девушках?

— Довольно много, — сухо ответил Эгертон. — В прошлом году у

меня были три клиентки, две из них попали под опеку суда, а третьей удалось заставить своих родителей согласиться на брак, который почти наверное кончится трагично. В наше время за девушками не уследишь. Вы и представить себе не можете, как изобретательны они, эти юные существа! Проследите-ка за ней, Дерек! Наведите справки, узнайте, чем она занимается...

— Чепуха! Она просто милая юная девушка.

— Много вы знаете об этих милых юных девушках! Ее мать убежала из дому — вы помните этот скандал? — когда была еще моложе Эльвиры. Что же касается старого Кони-стона, то он по праву считался одним из первостатейных распутников Англии.

— Как вы меня огорчили, Ричард! Как ужасно огорчили!

— Лучше, чтобы вы были предупреждены. Мне особенно не понравился один ее вопрос. Почему ей так хочется знать, кто унаследует деньги в случае ее смерти?

— Странно, она и мне задавала тот же вопрос!

— В самом деле? Интересно, почему ей пришла в голову мысль о безвременной смерти? Она меня, между прочим, о своей матери спрашивала.

Полковник Ласком вздохнул:

— Мне бы очень хотелось, чтоб Бесс повидалась с девочкой!

— Вы говорили ей об этом?

— Говорил... Да-да, говорил. Мы случайно с ней встретились, живем, оказывается, в одном отеле. Я уговаривал ее повидаться с дочерью.

— А что она? — с любопытством спросил Эгертон.

— Отказалась наотрез. Заявила, что с такими небезопасными особами, как она, молодым девушкам лучше не знаться.

— С определенной точки зрения, думаю, она и впрямь особа небезопасная, — сказал Эгертон — Говорят, она спуталась с этим гонщиком?

— Ходят такие слухи.

— Они и до меня дошли. Не знаю, насколько они имеют под собой почву. Но, впрочем, вполне возможно. Друзья Бесс со всячинкой! Но какая женщина, Дерек! Какая женщина!

— Она всегда была самым злейшим своим врагом, — буркнул полковник Ласком.

— Великолепный старомодный ответ, — улыбнулся Эгертон. — Ну что ж, Дерек, простите за беспокойство, но советую лучше присмотреться и выяснить, нет ли каких-либо нежелательных лиц около

вашей подопечной. Только не говорите потом, что вас не предупредили!

Он положил трубку и снова придвинул к себе бумаги. На сей раз ему удалось сосредоточиться.

Глава 11

Миссис Маккрэй, экономка каноника Пеннифазера, заказала к его возвращению камбалу. Достоинства хорошей камбалы очевидны. Во-первых, ее не надо класть на сковороду до той минуты, пока каноник благополучно не прибудет домой. Во-вторых, в случае необходимости, рыбу можно держать до утра. Каноник Пеннифазер обожал камбалу, ну а если придет телеграмма или раздастся телефонный звонок и выяснится, что каноник вечером не вернется, поскольку окажется где-нибудь в другом месте, то миссис Маккрэй и сама очень любит хорошую рыбу. После камбалы будут блинчики. Таким образом, все было подготовлено к возвращению каноника. Рыба лежала на кухонном столе, тесто для блинчиков разведено. Медь блестела, серебро сияло, нигде ни пылинки. Не хватало лишь одного: самого Пеннифазера.

Каноник должен был вернуться лондонским поездом в шесть тридцать.

В семь часов каноник не явился. Поезд, очевидно, опоздал. В семь тридцать каноника по-прежнему не было. Миссис Маккрэй вздохнула с досадой. Она подозревала, что каноник опять что-то перепутал. Пробило восемь, каноника не было. Миссис Маккрэй вздохнула с раздражением. Вот-вот, без сомнения, последует телефонный звонок, а впрочем, весьма вероятно, что и не последует. Он мог написать. И даже, должно быть, написал, да только забыл опустить письмо.

— Боже мой, Боже мой! — простонала миссис Маккрэй.

В девять она испекла себе три блинчика. Рыбу пришлось убрать в холодильник. «Интересно, где он сейчас находится?» — спросила себя миссис Маккрэй. По опыту она знала, что он мог находиться где угодно. Оставалось надеяться, что, вовремя обнаружив свою ошибку, он спохватится и успеет позвонить или дать телеграмму до того, как она ляжет спать. «Буду ждать до одиннадцати, но не дольше!» — решила миссис Маккрэй. Обычно она ложилась в десять тридцать.

Нельзя сказать, чтобы она особенно беспокоилась. Такое случалось и прежде. Предпринимать что-либо бесполезно, остается лишь ждать известий. А случиться могло всякое. Каноник Пеннифазер мог сесть не на тот поезд и обнаружить свой промах, лишь очутившись на другом конце Англии. Мог все еще находиться в Лондоне, ибо перепутал даты и, значит, домой вернется только завтра. Мог на этом заграничном конгрессе

встретить друзей, а те убедили его остаться в Люцерне на выходные. Разумеется, он известил бы об этом миссис Маккрэй, если бы не забыл. Так что, как уже было сказано, она не беспокоилась. Послезавтра его старый друг архидьякон Симмонс должен приехать к ним погостить. О таких вещах каноник как раз не забывал, а значит, завтра либо придет телеграмма, либо вернется он сам. В крайнем случае, он будет дома послезавтра либо к этому времени уже дойдет письмо.

Наступило завтра — и никаких вестей! Миссис Маккрэй начала испытывать беспокойство. С девяти утра до часу дня она сидела, с сомнением глядя на телефонный аппарат. Насчет телефона у нее было свое мнение. Она пользовалась телефоном, признавала полезность телефона, но не любила его. Изредка она звонила друзьям или родственникам, жившим по соседству. Но звонить на большое расстояние, скажем, в Лондон, ей казалось чем-то невообразимым. Бесстыдным расточительством! И тем не менее сейчас она прикидывала в уме даже такую возможность!

В конце концов, когда и на следующий день не поступило никаких известий, она решила действовать. Где остановился в Лондоне каноник, она знала. Отель «Бертрам». Уютный, старомодный отель. Пожалуй, будет правильным позвонить туда и навести справки. Быть может, они знают, где каноник: отель «Бертрам» — это не то, что простая гостиница. Она сразу попросит соединить ее с мисс Гориндж. Мисс Гориндж — такая любезная женщина, такая внимательная...

Миссис Маккрэй тяжело вздохнула, собралась с духом и попросила соединить ее с Лондоном. Она ждала, кусая губы и крепко прижимая трубку к уху.

— Отель «Бертрам» к вашим услугам, — ответил голос.

— Я бы хотела поговорить с мисс Гориндж.

— Минутку. Кто ее просит?

— Экономка каноника Пеннифазера. Миссис Маккрэй.

— Минутку, сейчас!

И тут же в трубке раздался спокойный и деловитый голос мисс Гориндж:

— Вы экономка каноника Пеннифазера? Очень рада, что вы позвонили. Мы, видите ли, несколько обеспокоены, не знаем, как поступить.

— Что-нибудь случилось с каноником? Несчастье?

— Нет-нет, ничего страшного. Но мы его ждали из Люцерны в пятницу или в субботу.

— Да, так и должно быть.

— Но он не приехал. Ничего удивительного в этом нет. Он оставил за собой номер, оставил до вчерашнего дня. Но и вчера он не явился, не известил нас, а его вещи лежат в номере. Почти весь багаж. Вот мы и не можем решить, как тут быть. Конечно, — торопливо добавила мисс Гориндж, — мы знаем, что каноник порой, ну.., несколько забывчив...

— Что правда, то правда!

— Но мы в затруднении! Отель переполнен. В комнату каноника должен въехать другой клиент... Как вы думаете, где он?

— Этот человек может быть где угодно! — с горечью воскликнула миссис Маккрэй и, взяв себя в руки, добавила:

— Спасибо вам, мисс Гориндж.

— Если я могу быть вам полезной... — пробормотала мисс Гориндж.

— Надеюсь, я скоро что-нибудь да узнаю, — ответила миссис Маккрэй и, еще раз поблагодарив собеседницу, положила трубку.

Она сидела у телефона в расстроенных чувствах. За каноника она не беспокоилась. Если бы с ним что-то случилось, ее бы известили. В этом она не сомневалась. Не может каноник стать жертвой несчастного случая. Он был, по мнению миссис Маккрэй, рассеянным чудачком, а о таких заботится само Провидение. Нет, нет, не могла она представить себе каноника Пеннифазера стонущим в больничной палате. Скорее всего невинный, как младенец, он где-то оживленно дискутирует с кем-нибудь из своих друзей. Не исключено, что за границей. Плохо то, что вечером приедет архидьякон Симмонс, который, разумеется, ждет, что хозяин дома его встретит. Отменить визит архидьякона миссис Маккрэй не могла, ибо не знала, где его искать. Все складывалось крайне неприятно, но у каждой неприятности, как известно, есть и своя светлая сторона. Вот этой светлой стороной и был как раз архидьякон Симмонс. Он-то уж придумает, что делать. На него можно положиться.

Архидьякон Симмонс был полной противоположностью ее хозяина. Он твердо знал, куда идет, что делает, знал даже, как следует правильно поступить в том или ином случае, и именно так поступал. Миссис Маккрэй, конечно, встретит его извинениями, все ему объяснит, и он сумеет успокоить ее.

Но сам архидьякон отнюдь не был встревожен.

— Не волнуйтесь, миссис Маккрэй! — добродушно сказал он, отведав приготовленную ему трапезу. — Мы с вами разыщем нашего друга. Слыхали вы когда-нибудь о Честертоне^[30]? Ну, о писателе Честертоне? Поехал читать лекции и телеграфирует жене: «Я на станции Крю. А куда я ехал?»

Он захохотал. Миссис Маккрэй вежливо улыбнулась. Анекдот смешным ей не показался — слишком напоминал каноника Пеннифазера.

— Прекрасные телячьи котлеты! — восторженно воскликнул архидьякон. — Вы непревзойденная повариха, миссис Маккрэй. Надеюсь, мой старый друг ценит ваши таланты?

За котлетами последовал пудинг с подливкой из черной смородины — любимый десерт архидьякона, что было известно миссис Маккрэй. После ужина архидьякон всерьез занялся поисками исчезнувшего друга.

Он взялся за телефон весьма энергично и явно не считаясь с расходами, что заставило миссис Маккрэй озабоченно поджать губы, хотя она и не осуждала действий архидьякона, понимая, что хозяина следует разыскать.

Попробовав поначалу обратиться к сестре каноника, которая весьма мало знала о жизни брата и, как обычно, понятия не имела, где он и где может быть, архидьякон закинул сеть дальше. Он вновь позвонил в отель «Бертрам» и выяснил все подробности. Каноник уехал оттуда ранним вечером девятнадцатого. Взял с собой лишь ручной саквояж, все другие вещи в его номере, который каноник оставил за собой. Перед отъездом он упомянул о том, что летит на какой-то конгресс в Люцерн. Из отеля отправился не прямо в аэропорт. Швейцар, хорошо знающий каноника в лицо, посадил его в такси и, узнав, куда тот собирается ехать, дал шоферу адрес клуба «Атенеум». С тех пор никто из служащих отеля «Бертрам» каноника не видел. Ах да, вот еще маленькая подробность: каноник забыл оставить ключ от номера и взял его с собой. Впрочем, с ним это случается не впервые.

Архидьякон Симмонс не сразу решил, куда сделать следующий звонок. В лондонское бюро авиаперевозок? Но это потребует времени. Можно поступить проще. И он позвонил доктору Вейсгартену, специалисту по древнееврейскому языку, он-то наверняка присутствовал на конгрессе.

Доктор Вейсгартен оказался дома. Узнав, кто с ним говорит, он разразился гневной, уничижительной речью в адрес выступления в Люцерне одного из коллег:

— Этот Хогаров нес полную околесицу! Не знаю, как он вообще туда с этим попал. Он никакой не ученый! Знаете, что он, к примеру, заявил?

Архидьякон вздохнул и решил проявить твердость. Иначе ему еще долго придется слушать соображения Вейсгартена по поводу ученых выступлений на Люцернском конгрессе. Не без некоторого труда доктора Вейсгартена удалось перевести на более приземленную тему.

— Пеннифазер? — спросил он. — Пеннифазер? Он должен был там

быть. Не могу понять, почему его не было. Ведь утверждал, что собирается приехать. Всего неделю назад он мне сам это говорил, когда мы виделись в клубе «Атенеум».

— Вы хотите сказать, что его вообще не было на конгрессе?

— Именно это я и сказал. Он должен был там быть!

— А вы не знаете, почему он не приехал? Прислал он какое-нибудь объяснение?..

— Откуда мне знать? Во всяком случае, он говорил, что собирается туда. А, вот что! Его действительно ожидали. Многие коллеги заметили его отсутствие. Думали, что он, по-видимому, простудился. Уж очень погода коварная!

Тут он вновь хотел перейти к обсуждению выступлений на конгрессе, но архидьякон положил трубку.

Наконец-то он получил конкретные сведения, и сведения эти впервые пробудили в нем беспокойство. Каноника Пеннифазера не было на конгрессе в Люцерне. А он туда собирался. Разумеется, он мог сесть не в тот самолет, но служащие аэропорта обычно чрезвычайно внимательны к пассажирам и подобных ошибок не допускают. Мог ли каноник Пеннифазер забыть, на какой именно день назначен конгресс? Вполне. Но в таком случае куда же он отправился?

Архидьякон стал звонить в справочную авиаперевозок. Потребовалось немало времени и терпения, один отдел переадресовывал архидьякона в другой, но наконец нужные сведения были получены. Каноник Пеннифазер должен был лететь самолетом, отправляющимся в Люцерн восемнадцатого числа в двадцать один сорок, но в аэропорт не явился.

— Дело понемножку движется, — сказал архидьякон, обращаясь к миссис Маккрэй, сидевшей рядом. — Теперь давайте подумать, куда бы нам еще позвонить.

— Все эти звонки будут стоить уйму денег, — вздохнула миссис Маккрэй.

— Боюсь, что вы правы, — подтвердил архидьякон Симмонс. — Но должны же мы напасть на его след! Он, знаете ли, не так уж молод!

— О Боже мой, неужели, сэр, вы думаете, что с ним что-то случилось?

— Хочу надеяться, что нет... Нет, не думаю, иначе бы вас известили. Скажите, а он.., э-э.., он носил при себе документы, удостоверяющие его личность?

— Да-да, визитные карточки. И еще разные письма и бумаги...

— В таком случае он наверняка не в больнице, — сказал архидьякон. — Давайте подумаем. Из отеля он поехал в клуб «Атенеум».

Туда и позвоним.

Здесь тоже удалось получить кое-какие сведения. Каноника в клубе знали, и в семь тридцать вечера девятнадцатого числа он тут обедал. Архидьякон наконец обратил внимание на факт, прежде от него ускользнувший. Ведь билет на самолет был взят на восемнадцатое, а каноник Пеннифазер покинул отель «Бертрам», сообщив, что едет в Люцерн, девятнадцатого. Кое-что стало проясняться. «Старый осел! — подумал архидьякон Симмонс, едва удержавшись, чтобы не произнести это вслух. — Перепутал даты!»

Итак, каноник отправился в свой клуб, пообедал там, а оттуда последовал в Кенсингтонский аэропорт, где ему сообщили, что билет его просрочен, и каноник понял, что конгресс, на который он собрался, уже завершился.

— Вот что произошло, — сказал архидьякон, — это точно! Подумаем теперь, куда он отправился из аэропорта.

— Обратно в отель, — подсказала миссис Маккрэй.

— Разумно, — согласился Симмонс. — Чудесно. Итак, он покинул аэропорт с маленьким саквояжем и отправился обратно в отель или, во всяком случае, собирался отправиться. По дороге он мог где-нибудь перекусить, а впрочем, нет, он ведь пообедал в клубе. Итак, он отправился в отель. Но там он не появился! — Архидьякон подумал секунду-другую и добавил:

— А может быть, появился? Но ведь его никто там не видел! Что же случилось с ним по дороге?

— Вдруг он кого-нибудь встретил? — не очень уверенно предположила миссис Маккрэй.

— Да. Возможно, возможно... Какого-нибудь старого друга, с которым давно не виделся. Они могли пойти с этим другом в его отель или же к нему домой. Но чего ради он стал бы торчать там целых три дня? Мог ли он за эти три дня не вспомнить, что его багаж остался в отеле? Он обязан был туда позвонить, либо заехать за багажом, либо уже в состоянии полной рассеянности отправиться домой без багажа. Как и чем это можно объяснить?

— А вдруг несчастный случай...

— Да, миссис Маккрэй, не исключено! Попробуем обзвонить больницы. Но вы сами сказали, что он носит с собой бумаги, удостоверяющие его личность. Хм... Тогда, мне кажется, остается только одно...

Миссис Маккрэй глядела на архидьякона, предчувствуя недоброе.

— Надеюсь, вы понимаете, — мягко проговорил архидьякон, — что нам придется обратиться в полицию?

Глава 12

Мисс Марпл чрезвычайно приятно проводила время в Лондоне. На сей раз ей удалось много такого, чего она никак не могла предпринять во время своих прежних кратких посещений столицы. Придется с сожалением признать, что культурным мероприятиям в ее планах места не отводилось. Она не заглядывала ни на выставки, ни в музеи. Мысль пойти в салон дамских нарядов ей и в голову не приходила. Она посещала в основном крупные магазины — отделы фарфора и стекла, а также постельного белья и других домашних принадлежностей. Истратив определенную, по ее мнению, разумную сумму на свои приобретения, мисс Марпл предпринимала время от времени вылазки для собственного развлечения. А это означало прогулки по тем местам и тем магазинам, которые запомнились ей с юности, часто просто для того, чтобы убедиться, существуют ли они поныне. Сладко вздремнув после ленча, мисс Марпл выбиралась из отеля, стараясь по возможности не попадаться на глаза швейцару, полагавшему, что дамы ее лет и комплекции должны непременно пользоваться такси, и шла к автобусной остановке или к станции метро. Она даже купила себе планы автобусных линий и метрополитена и заранее обдумывала свои экскурсии. В послеполуденный час можно было встретить мисс Марпл, бродящую близ Ивлин-Гарденз или на площади Онслоу-сквер и восторженно-ностальгически бормочущую себе под нос:

«Да-да, здесь стоял дом миссис Ван-Дилан. Ну конечно, он уже совсем не тот. Его, наверное, перестроили. Боже мой, да там четыре звонка! Значит, четыре квартиры. А какая была прелестная старомодная площадь!»

Не без некоторого смущения мисс Марпл посетила Музей восковых фигур мадам Тюссо^[31] — это тоже была одна из радостей детских лет!

Глазеть на любые предметы, выставленные в магазинных витринах, мисс Марпл в общем-то не любила, ее интересовало лишь то, что было ей по душе, и когда она рассматривала образчики вязанья или новые сорта шерсти, то получала истинное удовольствие. Она специально съездила в Ричмонд^[32], чтобы взглянуть на дом, где жил когда-то ее двоюродный дед Томас, адмирал в отставке. Красивая терраса осталась в неприкосновенности, однако и этот дом был, по-видимому, превращен в многоквартирный. Куда более печальная участь постигла особняк дальней родственницы мисс Марпл — леди Мерридю. На месте этого дома на Лаундес-сквер возник небоскреб вполне современного вида. Мисс Марпл

грустно покачала головой и пробормотала: «Прогресс, конечно, вещь нужная, но если бы кузина Этель это увидела, она бы перевернулась в гробу!»

Однажды в послеполуденный час, когда погода стояла на редкость мягкая и приятная, мисс Марпл села в автобус, идущий через мост Баттерси. Она намеревалась сделать две вещи: бросить сентиментальный взгляд на дома в Принсес-террас, где когда-то жила ее старая гувернантка, и погулять в парке Баттерси. Впрочем, первую часть программы выполнить не удалось. Дом, где жила старушка-гувернантка, вообще исчез с лица земли, на его месте возникло нечто невообразимо-бетонное. Мисс Марпл отправилась в парк. Она всегда слыла хорошим ходоком, но тут пришлось признать, что силы ее отнюдь не те, что раньше. Теперь и полмили казались непосильной нагрузкой и утомили ее. Все же она решила пересечь парк и дойти до моста Челси, где можно будет найти подходящий автобус, но ноги двигались все медленнее и медленнее, и она от души обрадовалась, увидев на берегу озера кафе.

Несмотря на осеннюю прохладу, чай подавали на открытом воздухе. Народу сегодня было мало: молодые матери с колясками и несколько пар юных влюбленных. Мисс Марпл взяла поднос с чаем и двумя пирожными, осторожно донесла его до столика и уселась. Чай — вот что ей требовалось. Горячий, крепкий, оживляющий чай. Воспрянув духом, мисс Марпл огляделась и, когда взор ее упал на один из столиков, она вдруг выпрямилась. Удивительное совпадение, просто удивительное! Сначала Офицерский универсальный магазин, а теперь — здесь. До чего же неподходящие места выбирают эти двое. Но нет. Она ошибалась. Мисс Марпл вынула из сумки более сильные очки. Да, конечно, некоторое сходство налицо, прямые светлые волосы, — но это вовсе не Бесс Седжвик! Эта — куда моложе. Ну конечно же — дочь! Та самая юная девица, которая явилась в отель «Бертрам» с другом леди Седины полковником Ласкомом. Но мужчина был тот самый, что сидел с леди Седжвик в ресторане Офицерского универмага. Сомнений быть не могло: тот же красивый ястребиный профиль, та же худоба, та же хищность, чтобы не сказать — жестокость, и безусловно то же обаяние мужской силы.

«Скверно! — подумала мисс Марпл. — Очень, очень скверно. Даже отвратительно! Безнравственно. Смотреть неприятно. Сначала мать, теперь дочь? Что сие означает?»

Ничего хорошего сие означать не могло. Уж в этом-то мисс Марпл была уверена. Не в ее характере было выносить виновному оправдание за недостатком улик, обычно она подозревала худшее и в девяти случаях из

десяти оказывалась права. И сейчас мисс Марпл не сомневалась, что оба свидания были свиданиями тайными. Она видела, как эти двое наклонились друг к другу над столом, их головы почти соприкоснулись, губы что-то шептали. Лицо девушки... Мисс Марпл сняла очки, тщательно протерла стекла и вновь их надела. Да, девушка влюблена. Отчаянно влюблена, как на это способны только очень молодые. Но где же ее опекуны? Почему они позволяют ей бегать по Лондону и назначать тайные свидания в парке Баттерси?.. Хорошо воспитанная, умеющая себя держать девушка. Не слишком хорошо воспитанная? Ее близкие наверняка думают, что она совсем в другом месте, а никак не здесь. Ей приходится лгать.

Выходя из кафе, мисс Марпл с умыслом прошла мимо столика, где сидела заинтересовавшая ее парочка, замедлив шаг настолько, чтобы это не очень бросалось в глаза. К сожалению, они говорили так тихо, что ей не удалось ничего расслышать. Говорил мужчина, а девушка слушала с полурадостным, полуиспуганным лицом. «Не собираются ли они сбежать? — подумала мисс Марпл. — Ведь девочка-то несовершеннолетняя!»

Мисс Марпл вышла через маленькую калитку, которая вела на боковую дорожку парка. Тут стояли в ряд автомобили, и мисс Марпл остановилась на них посмотреть. Она хоть и не слишком разбиралась в машинах, но на такую нельзя было не обратить внимания, поэтому мисс Марпл ее заметила и запомнила. Некоторые сведения относительно машин этой марки мисс Марпл получила от своего внучатого племянника, страстного любителя автомобильного спорта. Это была гоночная машина. Марка — иностранная, но, какая именно, мисс Марпл вспомнить не удалось. И еще одно обстоятельство: она уже видела эту машину или точно такую же всего лишь вчера на боковой улочке близ отеля «Бертрам». Заметила она эту машину не только из-за ее размера и необычного вида, но и потому, что ее номерной знак пробудил в памяти мисс Марпл какие-то смутные ассоциации. FAN—2266. «FAN», — повторила про себя мисс Марпл. Ей вспомнилась ее кузина Фанни Годфри. Бедняжка Фанни, она заикалась...

Мисс Марпл подошла поближе и взглянула на номерной знак, так и есть: FAN—2266. Стало быть, та самая! Погруженная в свои мысли, мисс Марпл шла по мосту Чел-си, с каждым шагом ноги у нее болели все больше, и, перейдя мост, она почувствовала себя до того усталой, что решительно остановила первое попавшееся такси. Ее грызла мысль, что ей необходимо предпринять что-то по поводу чего-то. Но по поводу чего именно и что именно? Все так туманно. Рассеянный взгляд мисс Марпл

упал на газетный стенд: «Сенсационные подробности! Нападение на поезд! Рассказ машиниста». «Надо же! Не проходит и дня, — вздохнула мисс Марпл, — без ограбления банка, без нападения на поезд или на инкассатора. Преступность окончательно вышла из берегов».

Глава 13

Старший инспектор Фред Дэви бродил по коридорам Следственного отдела и жужжал себе что-то под нос, будто шмель. Эта его привычка была уже давно всем известна и особого внимания сотрудников не привлекала. Они просто говорили друг другу: «Дед-то опять бродит!»

Старший инспектор тем временем добрался до кабинета, где со скучающим выражением лица сидел за столом инспектор Кэмпбелл. Инспектор Кэмпбелл был честлюбивый малый и в глубине души считал свои занятия до крайности однообразными. Тем не менее то, что ему поручали, он выполнял безупречно и все, что делал, делал хорошо. Начальство считало его способным и время от времени похваливало.

— Доброе утро, сэр, — сказал инспектор Кэмпбелл, который называл старшего инспектора Дедом только за его спиной. — Чем могу быть вам полезен?

— «Ля-ля-ля, бум-бум, — промурлыкал старший инспектор, слегка фальшивя. — Почему все меня зовут Мэри, раз имя мое мисс Гиббс?»

После столь неожиданного воскрешения арии из давно всеми забытой оперетты старший инспектор подвинул стул и сел.

— Очень занят?

— Да так, средне...

— Ты, я слышал, занимаешься делом об исчезновении постояльца из какого-то отеля? Что это за отель? «Бертрам», что ли?

— Да, сэр. Отель «Бертрам».

— Открыт в неурочные часы? Приглашает девочек?

— Что вы, сэр! — ответил инспектор Кэмпбелл, несколько шокированный самой возможностью подобного предположения. — Превосходный, тихий, старомодный отель!

— Вот как, — сказал Дед, — вот как! Ну что ж, забавно, забавно.

Инспектор Кэмпбелл не понял, что тут такого забавного. Но задавать лишние вопросы ему не улыбалось, так как начальство совсем озверело после ограбления ирландского экспресса, этой весьма успешной, с точки зрения преступников, операции. Он поглядел на крупные, тяжелые черты старика Дэви, чем-то напоминавшего быка, и уже не в первый раз подумал: каким же образом старшему инспектору удалось достигнуть такого чина и почему его так ценят в отделе? «Ну, в прежние времена еще понятно, — думал Кэмпбелл, — но сейчас немало способных молодых ребят, и не

мешало бы их повысить в должности, когда этот старый пень освободит место...» Но «старый пень» уже замурлыкал новую песенку.

— «Скажи мне, милый незнакомец, кто в доме есть, похожий на тебя?» — пел Дед и внезапно продолжил фальцетом:

— «Есть, добрый сэр, таких прелестных дев вам повстречать еще не приходилось!» Постой, постой, я, кажется, спутал, где он, а где она... «Флорадора». Хороший был спектакль!

— По-моему, я слышал о нем, сэр, — сказал инспектор Кэмпбелл.

— Твоя мама тебе это пела, когда ты был в колыбели, — отрезал старший инспектор Дэви. — Ну так что же происходит в отеле «Бертрам»? Кто оттуда исчез, как и почему?

— Каноник Пеннифазер. Пожилой священник.

— Скучное дело, а?

Инспектор Кэмпбелл улыбнулся:

— Да, сэр, довольно-таки скучное.

— Как он выглядит, этот каноник? Описание его у тебя есть?

— Конечно. — Кэмпбелл полистал бумаги и прочитал:

— Рост пять футов восемь дюймов^[33]. Огромная копна седых волос.

Сутулится...

— Он исчез из отеля «Бертрам»? И когда именно?

— Около недели назад. Девятнадцатого ноября.

— А сообщили об этом только сейчас! Не слишком-то торопились, а?

— Думаю, надеялись, что он вот-вот вернется.

— Имеешь какое-нибудь представление, что за всем этим кроется? — спросил Дед. — Мог ли эдакий порядочный богобоязненный старикан внезапно сбежать с женой церковного старосты? Может, он тайком пил или похитил церковные деньги? А что, если он из тех рассеянных чудаков, с которыми вечно что-то случается?

— Как я слышал, сэр, последнее предположение наиболее соответствует действительности.

— Как? Он уже исчезал из этого respectable отеля?

— Нет, не совсем так. Просто он не всегда возвращался домой, когда ему надлежало вернуться. Случалось, что он являлся к своим друзьям в тот день, когда его не звали, или же не приходил тогда, когда его ждали. Словом, подобные истории с ним не редкость!

— Так, — сказал Дед, — значит, так. Ну что ж, звучит обнадеживающе и вполне вписывается в образ. Когда же именно он исчез?

— В четверг. Девятнадцатого ноября. Он должен был присутствовать на конгрессе в... — Он склонился над столом, перелистал бумаги. — Да, в

Люцерне. Общество изучения библейских текстов. Во всяком случае, так звучит в переводе. Кажется, это немецкое общество.

— Конгресс, стало быть, проводился в Люцерне. И наш старик... Кстати, он старик?

— Шестьдесят три года, сэр.

— И наш старик там не появился?

Инспектор Кэмпбелл подвинул бумаги к Деду, чтобы тот мог с ними ознакомиться.

— Да, непохоже, чтобы он сбежал с мальчиком из хора, — заметил старший инспектор Дэви.

— Надеюсь, он благополучно вернется домой, — сказал Кэмпбелл, — но, так или иначе, нам пришлось этим заняться. Вы в этом деле.., э-э.., особо заинтересованы, сэр?

— Нет, — задумчиво протянул Дэви. — Нет, меня это дело не интересует. Да и чем бы оно могло меня заинтересовать?

Наступила пауза, в воздухе повисла не произнесенная вслух фраза: «Тогда почему же?..» — но инспектор Кэмпбелл был слишком хорошо воспитан, чтобы задавать такие вопросы старшим по званию.

— Что меня на самом деле интересует, — сказал Дед, — так это дата. Ну и, конечно, отель «Бертрам».

— В этом отеле все всегда в полном порядке, сэр!

— Ну что ж, прекрасно, — сказал Дед. И задумчиво добавил:

— Хотелось бы мне взглянуть на этот отель.

— Сколько угодно, сэр! В любое удобное для вас время. Я сам собираюсь туда пойти.

— Пожалуй, я схожу с тобой, — произнес Дед. — Вмешиваться ни во что не буду. Но мне хочется просто посмотреть на это местечко, и твой исчезнувший архидьякон — или кто он там? — хороший предлог. Можно не называть меня там «сэром». Главным будешь ты. А я — твоим помощником.

Инспектор Кэмпбелл оживился:

— Вы думаете, сэр, там есть что-то, за что можно зацепиться?

— Так думать оснований пока нет, — сказал Дед. — Но знаешь, как это бывает. Появляются какие-то.., ну, предчувствия, что ли. Уж больно хорош отель «Бертрам», чтобы быть настоящим!

И тут он вновь превратился в жужжащего шмеля, обогатив свой репертуар песенкой: «Пойдем-ка вдоль по Странду!»

Оба детектива отправились в отель, причем Кэмпбелл выглядел весьма элегантно в дорогом костюме (фигура у него была превосходная), а

старший инспектор Дэви, одетый во что-то твидовое, казалось, приехал из деревни. И оба прекрасно вписались в интерьер отеля. Одна только мисс Гориндж своим наметанным глазом сразу отметила эту пару и поняла, кто такие на самом деле эти новые посетители. С тех пор как из отеля сообщили в полицию об исчезновении каноника Пеннифазера, она каждый день ожидала чего-нибудь в этом роде.

Шепотом отдав распоряжения своей помощнице, серьезной молодой девушке, которую мисс Гориндж всегда держала при себе, она подошла поближе к стойке и взглянула на посетителей. Инспектор Кэмпбелл положил перед ней свое удостоверение, и мисс Гориндж молча кивнула. За спиной Кэмпбелла топтался крупный, облаченный в твидовую пару пожилой мужчина, и мисс Гориндж отметила про себя, что он разглядывает холл отеля и лица в нем присутствующих с наивным удовольствием провинциала, впервые получившего возможность наблюдать представителей высшего общества в их родной стихии.

— Может, пройдем в контору? — предложила мисс Гориндж. — Там нам будет спокойнее.

— Да. Так оно будет лучше.

— Хорошо здесь у вас! — проговорил массивный мужчина, в котором, на взгляд мисс Гориндж, было что-то бычье. — Тепло, красиво. — Он кивнул на камин:

— Уют прежних дней!

Мисс Гориндж улыбнулась, польщенная.

— Да, действительно. Мы гордимся тем, что нашим гостям у нас уютно. — Она повернулась к помощнице:

— Справишься, Элис? Вот журнал. Скоро приедет леди Джослин. Как только она увидит свой номер, то немедленно захочет его сменить, но ты ей объясни, что отель переполнен. Во всяком случае, предложи ей номер триста сорок на третьем этаже. Это не слишком приятная комната, и, я думаю, увидев ее, леди Джослин удовлетворится той, какую мы ей выделили.

— Да, мисс Гориндж. Я все поняла, мисс Гориндж.

— И напомни, кстати, полковнику Мортимеру, что его полевой бинокль здесь. Он оставил его у меня сегодня утром. Проследи, чтобы полковник не ушел без бинокля.

— Хорошо, мисс Гориндж.

Покончив с текущими делами, мисс Гориндж вышла из-за стойки и, взглянув на пришедших, направилась к двери красного дерева, на которой не было никакой надписи, открыла ее, и все трое очутились в помещении

конторы, довольно унылом и тесном.

— Итак, пропавшее лицо — это каноник Пеннифазер, как я понимаю, — начал инспектор Кэмпбелл — Расскажите, пожалуйста, в подробностях, как все это случилось.

— Не думаю, чтобы каноник Пеннифазер пропал в том смысле слова, в каком оно обычно употребляется, — ответила мисс Гориндж — Очень возможно, что он кого-то встретил, скажем старого друга, и отправился вместе с ним на какое-нибудь ученое собрание на континент. Он, знаете ли, чрезвычайно рассеян.

— Вы давно его знаете?

— Да, он останавливается у нас уже — дайте вспомнить! — уже лет пять или шесть...

— А вы сами давно здесь работаете, мэм? — внезапно вмешался старший инспектор Дэви.

— Четырнадцать лет, — сказала мисс Гориндж.

— Прекрасное место! — одобрил Дэви. — И каноник Пеннифазер всегда у вас останавливается, когда бывает в Лондоне?

— Да. Он всегда приезжает прямо к нам. Сообщает заранее и заказывает номер. Когда дело касается бумаг, он куда менее рассеян. Сейчас забронировал номер с семнадцатого по двадцать первое. Но предупредил, что в течение этого времени будет отсутствовать одну или две ночи, и попросил оставить номер за ним... Он нередко так делал.

— А когда вы начали о нем беспокоиться?

— Да я особенно и не беспокоилась. Но, конечно, все это странно! Дело в том, что его номер с двадцать третьего обещан другому клиенту, и когда я поняла — а поняла я это не сразу, — что он не вернулся из Лугано...

— У меня записано: Люцерн, — вставил Кэмпбелл.

— Да, да, да, кажется, именно Люцерн. Какой-то археологический конгресс. В общем когда я увидела, что он не вернулся, а все его вещи остались в номере, мне это показалось странным. В это время года, знаете ли, отель всегда переполнен, а в его номер должна была въехать миссис Сондерс. Она всегда предпочитает эту комнату. Ну а затем сюда позвонила его экономка. Она очень беспокоилась.

— Имя экономки — миссис Маккрэй, так мне сообщил архидьякон Симмонс. Вы с ней знакомы?

— Нет, я с ней не встречалась, но говорила раза два по телефону. Она, как видно, очень предана канонику Пеннифазеру и уже несколько лет у него работает. Она, конечно, встревожилась. Насколько мне известно, они с

архидьяконом Симмонсом обзвонили близких друзей и родственников каноника, но ничего не узнали. А так как каноник пригласил архидьякона в гости, то в самом деле более чем странно, что каноник не явился!

— А что, этот каноник всегда такой рассеянный? — спросил Дед.

Мисс Гориндж пропустила вопрос мимо ушей. Этот грузный тип, судя по всему, сержант, сопровождающий инспектора, позволяет себе слишком много...

— А теперь я узнала, — продолжала мисс Гориндж слегка раздраженным голосом, — узнала от архидьякона Симмонса, что каноник вообще не был на конференции в Люцерне!

— Он сообщил, что не сможет приехать?

— По-моему, нет, во всяком случае, отсюда не сообщал. Не телеграфировал, не звонил... По поводу Люцерна я ничего не знаю, меня заботит то, что все это косвенно касается и нас. Сведения уже просочились в вечерние газеты. Я имею в виду тот факт, что каноник исчез. К счастью, они не упомянули, что он останавливался в нашем отеле. Надеюсь, не упомянут и впредь. Нам совсем не улыбается видеть здесь представителей прессы, это может огорчить клиентов. Если вы сможете нас от них избавить, инспектор Кэмпбелл, мы будем вам очень, очень благодарны! Ведь исчез он не отсюда!

— Его багаж у вас?

— Да. В камере хранения. Предположим, к примеру, что в Люцерн он не поехал. Вы не допускаете, что он мог попасть под машину?

— Надеюсь, ничего страшного с ним не случилось.

— Это в самом деле весьма странно, — продолжила мисс Гориндж, и на сей раз в ее голосе раздражение уступило место любопытству. — Право, трудно понять, куда он отправился и почему.

— Конечно, — Дед глянул на нее понимающе, — вы ведь смотрели на все происшедшее с точки зрения интересов отеля. Что вполне естественно.

— По моим данным, — сказал инспектор Кэмпбелл, заглядывая в свои бумаги, — каноник Пеннифазер ушел из отеля около половины седьмого вечера в четверг девятнадцатого. У него был с собой маленький саквояж. Он взял такси, а швейцар дал шоферу адрес клуба «Атенеум». Мисс Гориндж кивнула:

— Да-да, он обедал в клубе «Атенеум». Архидьякон Симмонс мне сказал, что именно там каноника видели в последний раз.

То, что каноника в последний раз видели в клубе «Атенеум», а не в

отеле «Бертрам», как бы снимало с отеля ответственность, и голос мисс Гориндж зазвучал увереннее и тверже.

— Ну что ж, всегда полезно выстроить все факты, — добродушно пророкотал Дед, — а мы их как раз и выстроили. Итак, он ушел со своим маленьким чемоданчиком или, точнее, с саквояжем, да, именно с саквояжем. Ушел и не вернулся, так?

— Как видите, тут я ничем не могу вам помочь, — сказала мисс Гориндж, всем своим видом показывая, что вот-вот поднимется с места и вернется к своим обязанностям.

— И в самом деле, кажется, вы нам помочь не можете, — буркнул Дед. — Но вдруг нам поможет кто-нибудь еще?

— Кто-нибудь еще?

— Ну, кто-нибудь из персонала отеля.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь что-то знал! Иначе нам бы непременно сообщили.

— Могли сообщить. А могли и не сообщить. Я имею в виду вот что: вам бы сообщили, если были бы обнаружены какие-нибудь достойные внимания факты. А я думаю о другом: он мог что-то сказать...

— Сказать? Что именно сказать? — растерялась мисс Гориндж.

— То, что способно навести на след. Ну, к примеру:

«Сегодня вечером я увижу старого друга, с которым мы не виделись с тех пор, как встречались в Аризоне». Что-то в этом духе. Или: «На той неделе я поеду к своей племяннице по случаю конфирмации^[34] ее дочери». Когда имеешь дело с людьми рассеянными, такого рода мелочи имеют не последнее значение! Они, так сказать, показывают ход их мыслей. Вполне возможно, что, пообедав в клубе, каноник сел в такси и спросил себя: «А куда я, собственно, еду?», а еду?», а так как он думал, скажем, о племяннице, то и решил, что едет к ней.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — сказала мисс Гориндж не без сомнения. — Но, по-моему, это совершенно невозможно!

— Ох, никто не знает, где его поджидает удача! — весело отозвался Дед. — В вашем отеле сейчас много постояльцев. Наверняка каноник был с некоторыми из них знаком, раз он часто у вас останавливался.

— Да-да, — сказала мисс Гориндж. — Дайте-ка вспомнить. Я видела, как он разговаривал с., ну да, с леди Селиной Хейзи. Затем — с епископом из Нориджа. Они старые друзья. Вместе учились в Оксфорде. Затем с миссис Джеймсон и ее дочерью. Они с каноником живут по соседству. В общем, знакомых у него довольно много.

— Вот видите, — сказал Дед — Он вполне мог что-нибудь им сказать.

Пусть хоть самую малость, но эта малость может навести нас на след. В отеле есть сейчас кто-нибудь из знакомых каноника?

Мисс Гориндж нахмурилась, раздумывая:

— Думаю, генерал Рэдли. И еще одна старая дама из провинции, она бывала в нашем отеле в юности, так, во всяком случае, она мне сказала. Не могу вспомнить ее фамилии... Ах да, мисс Марпл. По-моему, она знала каноника.

— Что ж, начнем с этих двоих. Ну, и еще горничная.

— Но ведь сержант Уэделл уже задавал ей вопросы, — удивилась мисс Гориндж.

— Знаю, знаю. Но, быть может, не с той точки зрения... А как насчет официанта? Или метрдотеля?

— Вы имеете в виду Генри? — спросила мисс Гориндж.

— Кто такой Генри? — спросил Дед. Мисс Гориндж была явно шокирована. Ей казалось просто невозможным, что кто-то не знает Генри.

— Генри работает здесь — я даже не знаю сколько лет! — ответила она. — Вы должны были его видеть, когда вошли, он подавал чай.

— Личность несомненно яркая, — согласился Дед. — Помнится, я действительно обратил на него внимание.

— Прямо не знаю, что бы мы без Генри делали, — с чувством заявила мисс Гориндж. — Он удивительный человек. И задает тон всему нашему отелю.

— А что, если он принесет мне чаю? — воодушевился старший инспектор Дэви, — Я заметил, там подавали горячие плюшки. Я бы с удовольствием съел хорошую плюшку!

— Пожалуйста, если угодно, — сказала мисс Гориндж довольно прохладно. — Две порции чаю и чтобы их подали в холле? — добавила она, обращаясь к инспектору Кэмпбеллу.

— Что же... — начал было инспектор, но тут дверь внезапно распахнулась и во всем своем олимпийском величии явился сам мистер Хамфрис.

Он удивленно и вопросительно взглянул на мисс Гориндж. Та объяснила:

— Эти джентльмены из Скотленд-Ярда, мистер Хамфрис.

— Инспектор Кэмпбелл, — представился Кэмпбелл.

— Да-да. Понятно, — протянул мистер Хамфрис. — Видимо, это связано с каноником Пеннифазером? Поразительная история! Надеюсь, с этим милым пожилым человеком ничего дурного не случилось?

— И я надеюсь, — сказала мисс Гориндж. — Он такой славный!

— Один из представителей старой школы, — одобительно произнес мистер Хамфрис.

— У вас, по-моему, немало этих самых представителей, — заметил старший инспектор Дэви.

— Вы правы, совершенно правы, — согласился мистер Хамфрис. — Да, наш отель во многом является, так сказать, пережитком прошлого.

— И у нас постоянная клиентура, — гордо добавила мисс Гориндж. — Постояльцы возвращаются к нам вновь и вновь. И много американцев. Из Бостона. Из Вашингтона. Милые, спокойные люди.

— Им нравится наша чисто английская атмосфера, — сказал мистер Хамфрис, показывая в улыбке белоснежные зубы.

Дед задумчиво глядел на него.

— Вы уверены, что от каноника Пеннифазера не поступало никаких известий? А вдруг кто-нибудь забыл записать и передать? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Все телефонные сообщения записываются чрезвычайно тщательно, — отрезала мисс Гориндж ледяным тоном — Не могу себе представить, чтобы мне или любому дежурному могли что-то не передать! — И она с вызовом глянула на инспектора.

Тот притворился смущенным.

— Нам, знаете ли, все эти вопросы уже задавали, — проговорил мистер Хамфрис слегка неприязненным тоном. — Всей информацией, в нашем распоряжении имеющейся, мы уже поделились с сержантом... Не могу сейчас вспомнить его фамилии...

Тут Дед зашевелился и добродушно проговорил:

— Видите ли, дело обстоит несколько серьезнее, чем казалось вначале. Тут не просто рассеянность. Вот почему, по-моему, нам следует потолковать с людьми, о которых вы упомянули: с генералом Рэдли и мисс Марпл.

— Вы хотите, чтобы я вам устроил с ними собеседование? — Мистер Хамфрис казался удрученным. — Генерал Рэдли совсем глухой.

— Не стоит это делать слишком официально, — сказал старший инспектор Дэви, — не будем никого тревожить. Положитесь на нас. Вы нам только укажите этих людей. А вдруг каноник Пеннифазер поделился с кем-нибудь из них своими планами, назвал имя друга, с которым встретится в Люцерне или который едет с ним в Люцерн. Во всяком случае, надо попытаться.

Мистер Хамфрис вздохнул с облегчением.

— Чем я еще могу быть полезен? — спросил он. — Вы, конечно,

понимаете, что мы готовы вам всячески помогать, но вы должны также понять, до чего нам нежелательна шумиха в печати.

— Конечно, — сказал инспектор Кэмпбелл.

— Итак, я перемолвлюсь словечком с горничной, — сказал Дед.

— Если вам угодно. Сомневаюсь, однако, что она может вам что-нибудь сообщить.

— Вероятно, нет. Но вдруг обнаружится какая-нибудь деталь, какое-нибудь замечание, брошенное каноником по поводу либо письма, либо предстоящего свидания. Никогда не знаешь заранее...

Мистер Хамфрис взглянул на часы.

— Она дежурит с шести. Второй этаж. А тем временем вы, быть может, выпьете чаю?

— Что ж, очень кстати! — отозвался Дед. Они вышли из комнаты все вместе.

— Генерал Рэдли должен быть в курительной, — сказала мисс Гориндж. — Первая дверь по коридору налево. Он там сидит у камина с газетой «Тайме». Однако думаю, — добавила она, понизив голос, — что он, скорее всего, спит. Может, вы хотите, чтобы я...

— Нет-нет, я сам справлюсь, — возразил Дед. — Ну а где та старая дама?

— А вон она, сидит у камина, — шепнула мисс Гориндж.

— С пушистыми седыми волосами и с вязаньем в руках? Честное слово, ее бы прямо на сцену! Эдакая классическая двоюродная бабушка!

— Двоюродные бабушки нынче выглядят иначе, — сказала мисс Гориндж, — равно как бабушки и прабабушки. Вчера у нас тут была маркиза Барлоу. Кстати, прабабушка. Право же, я ее не узнала, когда она вошла. Прямо из Парижа. Лицо — бело-розовая маска, волосы — платиновые. Думается, и с фигурой ей что-то там наколдовали, но, так или иначе, в целом она смотрелась превосходно!

— Мне больше по вкусу старомодные бабушки, — парировал Дед. — Спасибо, мэм. — Он повернулся к Кэмпбеллу:

— Я тут сам займусь, вы не против, сэр? У вас ведь назначено важное свидание?

— Верно, верно, — ответил Кэмпбелл, поняв намек. — Не думаю, что из этого выйдет толк, но попробовать следует.

Мистер Хамфрис удалился в свои внутренние покои, бросив через плечо:

— Мисс Гориндж, попрошу вас на минутку.

Мисс Гориндж последовала за ним и притворила за собой дверь.

Хамфрис шагал взад и вперед по комнате. Он резко спросил:

— Зачем им понадобилось видеть Роуз? Ведь ее уже допрашивали!

— Вероятно, у них такой порядок, — неуверенно предположила мисс Гориндж.

— Вы бы сначала сами с ней поговорили.

Мисс Гориндж несколько удивилась.

— Но ведь инспектор Кэмпбелл...

— А-а, Кэмпбелл меня ничуть не беспокоит. А вот другой... Вы знаете, кто он?

— Он, по-моему, своей фамилии не назвал. Надо думать, сержант какой-нибудь. Настоящая деревенщина.

— Черта с два деревенщина! — крикнул мистер Хамфрис, утратив свои величественные манеры. — Это — старший инспектор Дэви. Старая лиса! Большой мастерюга из Скотленд-Ярда. Хотел бы я знать, что он тут делает, почему всюду сует свой нос и притворяется деревенщиной! Не нравится мне это!

— Вы думаете?..

— Сам не знаю, что и думать. Но говорю вам: мне это не нравится. С кем еще он собирался говорить, кроме Роуз?

— Кажется, хотел побеседовать с Генри.

Мистер Хамфрис захохотал. Мисс Гориндж тоже.

— Ну насчет Генри можно не беспокоиться!

— Нет, конечно. А как насчет постояльцев, которые знали каноника?

Мистер Хамфрис снова засмеялся.

— Пускай повеселится со старым Рэдди! Ему придется орать так, что стены задрожат, а толку все равно никакого. Вполне одобряю его желание побеседовать с Рэдди и с этой смешной старой курицей мисс Марпл. И все же не нравится мне, что он всюду сует свой нос...

Глава 14

— Знаешь, — задумчиво проговорил старший инспектор Дэви, — что-то мне не нравится этот Хамфрис.

— Вы считаете, что у них не все в порядке? — спросил Кэмпбелл.

— Видишь ли, — голос Деда звучал примирительно, — видишь ли, пока это, так сказать, ощущение... Скользкий тип. Интересно, владелец отеля или же просто управляющий?

— Я могу его спросить, — отозвался Кэмпбелл и уже сделал шаг назад.

— Нет, не спрашивай, — остановил его Дед. — Выясни это тихо.

Кэмпбелл с интересом взглянул на него:

— Что у вас на уме, сэр?

— Пока еще ничего определенного, — сказал Дед. — Хотелось бы собрать побольше информации об этом местечке. Хотелось бы знать, кто за ним стоит, каково его финансовое положение. В этом вот роде...

Кэмпбелл покачал головой:

— Если в Лондоне и есть место вне всяких подозрений, то именно...

— Знаю, знаю, — перебил Дед. — И до чего ж полезно иметь такую репутацию!

Снова покачав головой, Кэмпбелл ушел. Дед отправился по коридору в курительную комнату. Генерал Рэдли только что проснулся. «Тайме» упала с его колен и слегка смялась. Дед ее поднял, расправил и протянул генералу.

— Спасибо, сэр. Вы весьма любезны, — сказал генерал хрипло.

— Генерал Рэдли?

— Да.

— Извините, — сказал Дед, повысив голос. — Я бы хотел поговорить с вами о канонике Пеннифазере.

Генерал расслышал не сразу, но потом проговорил:

— А-а. Я его тут видел недавно.

— Он хотел дать мне свой адрес. Сказал, что оставит его у вас.

Генерал опять ничего не расслышал, пришлось повторять.

— Никакого адреса он мне не оставлял. Верно, перепутал с кем-нибудь. Бестолковый старый дурень. Всегда таким был. Ученый, знаете ли! Все они рассеянные!

Дед сделал еще несколько попыток, но вскоре понял, что беседа с

генералом Рэдли бессмысленна и вряд ли даст результаты. Он пошел в холл и сел за столик рядом с мисс Марпл.

— Чаю, сэр?

Дед поднял голову. Наружность Генри произвела на Деда то же впечатление, какое производила на всех. Несмотря на крупную и величественную фигуру, Генри казался некой пародией на эльфа Ариэля^[35], который может по своему желанию то возникать, то исчезать.

— У вас, кажется, есть горячие плюшки? — спросил Дед. Генри приветливо улыбнулся:

— Да, сэр. И превосходные! Клиентам нравятся! Чай индийский или китайский?

— Индийский. А лучше цейлонский, если у вас есть.

— Разумеется, сэр.

Генри сделал едва заметное движение пальцем, и официант, бледный юноша, исчез, чтобы вновь появиться с плюшками и чаем. А Генри грациозно двинулся дальше.

«Да, ты персона! — подумал Дед. — Хотелось бы знать, где они тебя откопали и сколько они тебе платят? Держу пари, что кучу денег, впрочем, ты их стоишь!»

Он не спускал глаз с Генри, который чуть ли не с родственным участием склонился над старой дамой. Деду было бы интересно узнать, что думал Генри о нем самом, если только тот вообще о нем что-нибудь думал. Дед полагал, что он неплохо вписался в интерьер «Бертрама». Его можно было принять то ли за процветающего фермера-джентльмена, то ли за пэра, похожего на букмекера. Дед знал парочку таких пэров. Нет, в целом он, конечно, вписывается, вот только Генри вряд ли удалось бы обмануть. «Да, ты персона!» — снова подумал Дед.

Появился чай с плюшками. Дед откусил большой кусок. По подбородку потекло масло, и Дед поспешно вытер его большим носовым платком. Он выпил две чашки чаю, положив побольше сахара. Затем наклонился к даме, сидевшей с ним рядом.

— Простите меня, вы не мисс Джейн Марпл? Мисс Марпл перевела свой взгляд с вязанья на старшего инспектора Дэви.

— Да, я мисс Марпл.

— Надеюсь, это ничего, что я с вами заговорил? По правде говоря, я из полиции.

— В самом деле? Надеюсь, ничего серьезного здесь не случилось?

— Нет-нет, не беспокойтесь, мисс Марпл. Ничего такого, о чем вы думаете. Ни ограбления — словом, ничего страшного. Кое-какие

затруднения, возникшие в связи с пропавшим священнослужителем. Он, кажется, ваш знакомый? Каноник Пеннифазер.

— А, каноник Пеннифазер! Он был тут на днях. Да, я его немного знаю с давних пор. Он очень, очень рассеянный. — Она добавила с любопытством:

— Что он такое натворил?

— Если можно так выразиться, он потерялся.

— О Боже мой! — воскликнула мисс Марпл. — А где же он должен находиться?

— У себя дома, — сказал Дед. — Но там его нет.

— Он сказал мне, что едет на конгресс в Люцерн. Что-то по поводу свитков Мертвого моря, если не ошибаюсь.

Он крупный специалист по древнееврейскому^[36] и арамейскому^[37].

— Все это так, — сказал Дед. — Да только он туда не доехал.

— Очевидно, перепутал даты, — сказала мисс Марпл.

— Похоже на то, похоже на то...

— Боюсь, — продолжала мисс Марпл, — это с ним не впервые. Как-то он пригласил меня на чай к себе в Чедминстер. А сам домой не явился. Тут мне его экономка и рассказала, до чего он рассеянный.

— А он вам ничего такого не сказал, что могло бы навести нас на след? — спросил Дед доверительным и мягким тоном. — Ну хотя бы, что он встретил старого друга, или намекнул насчет каких-нибудь планов, не касающихся конгресса.

— Нет-нет. Он лишь упомянул о конгрессе в Люцерне. Кажется, он сказал — девятнадцатого! Я не ошиблась?

— Да, конгресс был назначен как раз на этот день.

— Я как-то не обратила внимания на дату. — И тут, как и большинство старых дам, мисс Марпл слегка запуталась в вычислениях. — По-моему, он сказал — девятнадцатого, и, возможно это число и назвал. И в самом деле мог иметь в виду девятнадцатое, хотя это было двадцатое. Я имею в виду, что он подумал, будто двадцатое было девятнадцатого или что девятнадцатое — это двадцатое...

— Ага. — Дед был слегка ошеломлен этими выкладками.

— Я плохо выразилась, — сказала мисс Марпл, — но я имею в виду, что если люди типа каноника Пеннифазера говорят вам, что идут куда-то в четверг, то очень может статься, что они думают вовсе не о четверге, а о среде или о пятнице. Бывает, они вовремя спохватываются, а бывает, что и нет. Вот я и решила, что произошло что-то в этом роде.

Дед изумленно на нее взглянул:

— Вы так говорите, мисс Марпл, будто уже знаете, что каноник Пеннифазер не был в Люцерне?

— Я знаю, что он не был в Люцерне в четверг, — пояснила мисс Марпл. — Большую часть дня он провел здесь.

Вот почему я подумала, что, когда он говорил мне про четверг, то имел в виду пятницу. А вечером в четверг он действительно ушел, захватив маленький саквояж. Тогда я решила, что он отправился в аэропорт. Вот почему я так удивилась, увидев, что он вернулся.

— Простите, но что вы имеете в виду, говоря «вернулся»?

— То, что он сюда вернулся.

— Попробуем все хорошенько выяснить. — Дед заговорил мягким, дружелюбным тоном, стараясь, чтобы собеседница не догадалась, сколь важны ему эти сведения. — Вы видели, как этот старый идиот... Вы видели, что каноник ушел из отеля и, как вы думали, поехал в аэропорт. Это верно?

— Да. Около половины седьмого, может быть, без четверти семь...

— Но вы же сказали, что он вернулся.

— Видимо, опоздал на самолет. Другого объяснения я не вижу.

— Когда он вернулся?

— Право, не знаю. Я не видела, как он возвращался.

— А мне послышалось, будто вы сказали, что видели его.

— Ну да, я видела его позже. Но не знаю, когда и как он снова появился в отеле.

— Стало быть, позже. Когда же?

Мисс Марпл задумалась.

— Значит, так. Было это около трех утра. Я плохо спала. Что-то меня разбудило. Какой-то звук. В Лондоне столько странных шумов! Я взглянула на часы — было десять минут четвертого. Почему-то, сама не знаю почему, мне стало тревожно. Быть может, послышались шаги за дверью. В деревне, когда слышишь чьи-то шаги, всегда страшно! Я открыла дверь и выглянула. И увидела, что каноник Пеннифазер вышел из своего номера — его дверь соседняя с моей — и стал спускаться вниз по лестнице. Он был в пальто.

— Итак, он вышел из своего номера в верхней одежде и спустился с лестницы в три часа утра?

— Да, — подтвердила мисс Марпл и добавила: — Мне это показалось странным.

Дед несколько секунд молча глядел на нее.

— Мисс Марпл, — проговорил он, — почему же вы об этом никому не сказали?

— Меня никто не спрашивал, — просто ответила мисс Марпл.

Глава 15

Дед глубоко вздохнул.

— Да, — проговорил он, — да, полагаю, вас действительно никто не спросил. Только и всего! Он вновь погрузился в молчание.

— Вы думаете, с ним что-то случилось? — спросила мисс Марпл.

— Уже неделя, как его нет, — ответил Дед. — Удара с ним не случилось, на улице его не подбирали. В госпиталь в результате несчастного случая не попадал. Так где же он? О его исчезновении сообщила печать, но никаких сведений ни от кого не поступило. Это выглядит так, будто он сам хотел исчезнуть. В середине ночи уйти из отеля! Вы уверены, что видели его? Вам это не пригрезилось?

— Совершенно уверена! Дед встал.

— Пойду поговорю с горничной.

Дед застал Роуз Шелдон на посту и мысленно одобрил ее приятную внешность.

— Извините, что беспокою вас. Наш сержант уже задавал вам вопросы. По поводу каноника Пеннифазера... Рассеянный джентльмен!

Роуз Шелдон позволила себе скромно улыбнуться.

— Итак, дайте-ка вспомнить. — Дед сделал вид, что заглядывает в свой блокнот. — В последний раз вы видели каноника Пеннифазера в...

— В четверг утром, сэр. Он мне сообщил, что ночевать не будет и следующую ночь, возможно, тоже. Он собирался уезжать, по-моему, в Женеву. В общем куда-то в Швейцарию. Дал мне выстирать две рубашки, и я обещала, что они будут готовы к следующему дню.

— И с тех пор вы его не видели?

— Нет, сэр. Видите ли, я днем не дежурю. Я вновь прихожу только в шесть вечера. К этому времени он либо уже уехал, либо спустился вниз. В номере его не было. Он оставил здесь два чемодана.

— Верно, — сказал Дед. — Их содержимое было проверено, но это ничего нам не дало. А на следующее утро вы к нему заходили?

— Заходила? Нет, сэр, ведь он же уехал.

— А обычно как это здесь происходит? Вы приносите ему в номер чай? Или завтрак?

— Чай рано утром, сэр. Завтракает он всегда внизу.

— Так что весь следующий день вы к нему в номер не заглядывали?

— Ну что вы, сэр! — В голосе Роуз послышалась обида. — Я, как

всегда, была у него в номере. Во-первых, принесла рубашки. И конечно, вытерла пыль. Мы ежедневно убираем номера.

— Постель его была смята? На ней спали?

— Постель, сэр? Нет конечно!

— А что было в ванной комнате?

— Там было влажное полотенце, которым он пользовался, очевидно, накануне вечером. Возможно, перед отъездом мыл руки.

— А не было ли в номере признаков того, что каноник туда возвращался, предположим, уже поздно, после полуночи?

Роуз растерянно уставилась на него. Дед открыл было рот и снова его закрыл. Либо она ничего не знала о возвращении каноника, либо была великолепной актрисой.

— А его одежда? Костюмы? Уложены в чемоданы?

— Нет, сэр. Они висели в шкафу. Он же оставил за собой номер.

— Кто же их упаковал?

— Мисс Гориндж распорядилась, сэр. Номер понадобился для другого постояльца — для одной дамы.

Вполне ясный, последовательный отчет о событиях. Но если старая дама и впрямь видела каноника Пеннифазера выходящим из своего номера в три часа утра в пятницу, то ведь должен же он был побывать в этом номере! Никто не видел, как он входил в отель. Быть может, у него имелась причина войти незамеченным? Никаких следов своего пребывания в комнате он не оставил. Он даже не прилег на постель. Не приснилось ли это мисс Марпл? В ее годы всякое случается. Внезапно в голову ему пришла мысль:

— А как насчет саквояжа?

— Простите, сэр?

— Маленький саквояж, темно-синий, вы должны были его видеть.

— А, это!.. Да, сэр. Но ведь он взял его с собой за границу.

— Но за границей он не был. Он так и не поехал в Швейцарию. Значит, саквояж должен был остаться в номере. Или же он вернулся в отель и оставил саквояж тут.

— Да-да, думаю.., хотя не уверена, да, вероятно...

Неожиданно в голове у Деда мелькнула мысль: «А насчет этого тебя, значит, не проинструктировали».

До сих пор Роуз Шелдон была совершенно спокойной и отвечала на все вопросы вполне связно. Но этот последний смутил девушку. Она не знала, как и что на него ответить. А должна бы знать!

Если каноник отправился в аэропорт с саквояжем, но на самолет не

попал и вернулся в «Бертрам», то саквояж должен быть при нем. Но мисс Марпл ни словом не обмолвилась о саквояже. Значит, он должен был оставить его в номере. А саквояжа нет, хотя весь остальной багаж на месте. Почему же? Не потому ли, что предполагалось, что каноник вместе с саквояжем в Швейцарии?

Сердечно поблагодарив Роуз, Дед снова спустился в холл.

Каноник Пеннифазер! О, этот загадочный Пеннифазер! Всем твердил, что едет в Швейцарию, а сам так все напутал, что в Швейцарию не попал, и никто не видел, как он вернулся в отель, чтобы уйти из него глубокой ночью. Уйти куда? Зачем?

Можно ли объяснить все это только одной рассеянностью?

С лестничной площадки Дед неприязненным взглядом окинул холл, копошащихся там людей и спросил себя: в самом ли деле каждый из присутствующих здесь тот, кем хочет казаться? Старые люди, пожилые люди (молодых совсем нет!), старомодно выглядящие люди, на вид почти все зажиточные, у всех чрезвычайно респектабельная внешность. Военные, юристы, священнослужители; неподалеку от дверей — супружеская пара из Америки, около камина — французская семья. Никто ничем особо не выделяется, каждый словно бы на своем месте, и эта старомодная английская традиция послеполуденного чаепития^[38] пришлась всем по душе. Разве может быть что-то неладно в отеле, где поддерживаются старомодные обычаи?

Француз обратился к своей жене со словами:

— Le five-o'clock! C'est bien Anglais, n'est-ce pas?^[39] — и огляделся с явным удовлетворением.

«Файв-о-клок, — подумал Дед, проходя мимо них к выходу. — Этому малому невдомек, что английский файв-о-клок уже давным-давно скончался!»

У подъезда в такси грузили вместительные американские кофры^[40] и чемоданы. Мистер и миссис Элмер Кэбот уезжают в Париж, в отель «Вандом».

Стоя на тротуаре, миссис Элмер Кэбот говорила мужу:

— До чего же верно описал нам отель «Бертрам» каноник Пеннифазер! Это и в самом деле добрая старая Англия! Настоящий эдвардианский стиль! Так и видишь, как входит в холл король Эдуард Седьмой и садится пить чай. Непременно надо будет приехать сюда в будущем году!

— При условии, что у нас будет лишний миллион долларов, — сухо

отозвался супруг.

— Ну, Элмер, право, не так уж было дорого. Багаж погрузили с помощью здорового швейцара, пробормотавшего: «Благодарю вас, сэр!» — когда мистер Кэбот сунул ему что-то в руку. Такси отъехало. Швейцар переключил свое внимание на Деда.

— Такси, сэр?

«Рост выше шести футов. Видный малый. Правда, слегка уже молюю траченный. Служил в армии. Полно медалей — настоящие, по-видимому. Жуликоват? И явно пьет как лошадь!»

Вслух Дед сказал:

— Служили в армии? Как ваше имя?

— Майкл Горман. Служил в Ирландской гвардии. Сержант.

— Довольны своей работой?

— Здесь спокойно, сэр. И мне тут нравится. Останавливаются все приличные люди, и немало джентльменов, интересующихся бегами и скачками. Время от времени они дают мне хорошие советы.

— Значит, вы ирландец и игрок, так?

— Ох, сэр, что за жизнь без игры?

— Спокойная и скучная, — подтвердил старший инспектор. — Вроде моей... А можете вы угадать, чем я занимаюсь?

Ирландец усмехнулся:

— Извините, сэр, если я вас обижу, но, по-моему, вы из полиции.

— Правильно. Помните каноника Пеннифазера? Ну того, который отсюда исчез?

— Ах, этого... Вряд ли я бы его запомнил, если б меня не расспрашивали о нем. Знаю только, что посадил его в такси и он уехал в клуб «Атенеум». С тех пор его не встречал.

— А позже в тот же вечер вы его не видели?

— Нет, сэр.

— Когда кончается ваше дежурство?

— В одиннадцать тридцать.

Старший инспектор Дэви кивнул; он отказался от услуг таксомотора и не спеша двинулся по Понд-стрит. Навстречу ему у самой обочины промчался автомобиль и резко затормозил у отеля «Бертрам». Старший инспектор Дэви повернулся и заметил номерной знак: FAN—2266. Что-то напомнили ему эти цифры, но что именно, вспомнить он не мог.

Он повернул обратно и едва успел поравняться с отелем, как водитель автомобиля вышел из «Бертрама», где пробыл всего несколько секунд. Он и его машина удивительно подходили друг к другу. Белая гоночная модель, в

самом ее вытянутом корпусе уже было что-то стремительное. Та же стремительность борзой ощущалась и в ее владельце — молодом красивом человеке, со стройной, поджарой фигурой без единого грамма лишнего жира.

Швейцар открыл дверцу автомобиля, молодой человек вскочил на сиденье, бросил монетку швейцару и рванул с места.

— Знаете, кто это? — спросил швейцар у Деда.

— Во всяком случае — лихач.

— Это Ладислав Малиновский. Два года назад получил «Гран-при», был чемпионом мира. В прошлом году сильно разбился. Но сейчас как будто с ним все в порядке.

— Только не говорите мне, что он остановился в «Бертраме»! Место для него уж больно неподходящее! Майкл Горман ухмыльнулся.

— Он здесь не живет. Но кое-кто из его друзей... — Он подмигнул.

Носильщик в полосатом переднике вывез из отеля на тележке еще чьи-то роскошные чемоданы, видимо, тоже американские.

Дед рассеянно смотрел, как их грузят в автомобиль, стараясь припомнить, что он знает о Ладиславе Малиновском. Говорили, что этот отчаянный малый в связи с какой-то известной дамой. Но как же ее имя? Уставившись на элегантный кофр. Дед уже было пошел прочь, но передумал и вернулся в отель.

Он снова направился к стойке администратора и попросил мисс Гориндж дать ему регистрационную книгу. Мисс Гориндж, занятая отъезжающими американцами, небрежно подтолкнула ее, и та проскользила через всю стойку. Дед стал ее листать. Леди Седина Хейзи, Литл-коттедж, Меррифилд, Хэнтс. Мистер и миссис Хеннесси Кинг, Элдерберрис, Эсекс. Сэр Джон Вудсток, Бомонт Крелент, Челтенхэм. Леди Седжвик, Хэрстинг-хауз, Нортумберленд. Мистер и миссис Элмер Кэбот, Коннектикут. Генерал Рэдли, 14, Грин, Чичестер. Мистер и миссис Вулмер Пикингтон, Марбл-Хэд, Коннектикут. Графиня Бовиль, Ле-Сапэн, Сен-Жермен-ан-Ле. Мисс Джейн Марпл, Сент-Мэри-Мид, Мач-Бингем. Полковник Ласкам, Литл-Грин, Суффолк. Миссис Карпентер. Достопочтенная Эльвира Блейк. Каноник Пеннифазер, Клоуз, Чедминстер. Миссис Холдинг, мисс Холдинг, мисс Одри Холдинг, собственная усадьба, Кэрмантон. Мистер и миссис Райзвилл, Валли-Фордж, Пенсильвания. Герцог Бэрнстейбл, Дун-Касл, Сев. Девон... Да, в отеле «Бертрам» останавливаются лица вполне определенного круга!

Он уже закрывал книгу, когда внимание его привлекла фамилия на одной из предыдущих страниц. Сэр Уильям Ладгроув.

Свидетель опознал судью Ладгроува, ехавшего в своем автомобиле мимо банка после только что совершенного ограбления. Судья Ладгроув, каноник Пеннифазер — оба постоянные гости отеля «Бертрам»...

— Надеюсь, вам понравился чай, сэр? — Это появился Генри. В его голосе звучала озабоченность радушного хозяина.

— Много лет не пивал я такого прекрасного чая! — сказал старший инспектор Дэви. Тут он вспомнил, что еще не заплатил за чай. Он достал было деньги, но Генри протестующе поднял руку:

— Нет-нет, сэр! Угощение за счет отеля. Распорядился мистер Хамфрис.

Уже на улице Дед вдруг остановился. Вынул записную книжку, вписал туда фамилию и адрес — нельзя терять ни минуты. Вошел в будку телефона-автомата. Пора действовать на свой страх и риск! Он решил довериться своему предчувствию, внутреннему своему голосу, к каким бы последствиям это ни привело.

Глава 16

Гардероб — вот что обеспокоило каноника Пеннифазера. Гардероб этот начал тревожить каноника еще прежде, чем тот окончательно проснулся. Потом он забыл о нем и снова заснул. Но вот теперь, открыв глаза, он опять увидел, что гардероб не на месте. Каноник лежал на левом боку, перед ним было окно, а, значит, гардероб должен стоять между кроватью и окном у левой стены! Но он стоял у правой! Это-то и встревожило каноника. Так встревожило, что он даже устал. Мало того, что голова буквально разламывается от боли, а тут еще гардероб сдвинулся с места! И он опять закрыл глаза.

Когда он наконец проснулся, в комнате было светлее. Еще не день, нет. Лишь слабый отблеск зари. «Господи, — сказал каноник Пеннифазер, внезапно разрешив тайну загадочного гардероба, — до чего же я глуп! Ведь я не дома!»

Он осторожно шевельнулся. Ну конечно же, это вовсе не его постель. Он не у себя дома! Он был — а где он был? Ах да, конечно! Ведь он уехал в Лондон, верно? Остановился в отеле «Бертрам». Но разве это отель «Бертрам»? В «Бертраме» окно было напротив кровати. Значит, это и не «Бертрам».

— Где же все-таки я? — прошептал каноник.

Тут он вспомнил, что собирался в Люцерн. «Все понятно, — сказал он себе, — я в Люцерне». И стал вспоминать доклад, который собирался сделать. Но долго думать о докладе не смог. Головная боль усилилась, и каноник снова заснул.

Когда он проснулся — в который уже раз, — голова его прояснилась. И в комнате стало гораздо светлее. Нет, он не дома, не в отеле «Бертрам» и, теперь он был почти уверен в этом, не в Люцерне. Прежде всего, комната не похожа на номер в отеле. Он внимательно ее оглядел. Совершенно незнакомая комната, и притом скудно меблированная. Нечто вроде буфета (его-то каноник и принял за гардероб), цветастые занавески на окне, откуда сочился свет, стул, стол, комод, и это, пожалуй, все.

«Чрезвычайно странно, — подумал каноник. — Но где же я?»

Он решил встать, чтобы выяснить этот вопрос, но едва сел на кровати, голова закружилась, и пришлось снова лечь.

«Видимо, я был болен, — решил каноник, — да-да, конечно же я был болен!» Он с минуту подумал, затем шепнул про себя: «По-моему, я до сих

пор болен. Грипп?» Говорят, гриппом можно заболеть внезапно. Возможно, он подцепил вирусы, когда обедал в клубе «Атенеум»? А ведь верно! Он вспомнил, что действительно обедал в клубе «Атенеум».

Послышались шаги. Может быть, он в санатории? Нет, не похоже на санаторий. Стало еще светлее, и теперь он разглядел, что комната маленькая и мебель старая и бедная. Движение в доме продолжалось. Снизу послышался голос: «До свидания, миленький! Вечером — сосиски и пюре!»

Услышав эти слова, каноник Пеннифазер задумался. Сосиски и пюре. Слова эти смутно вызвали приятные ощущения.

«Надо полагать, — подумал он, — я голоден!»

Отворилась дверь. Женщина средних лет вошла в комнату, отдернула занавески на окнах, а затем повернулась к кровати.

— Проснулись? — сказала она. — И как вы себя чувствуете?

— Право, не знаю, — слабым голосом отозвался каноник.

— Оно и понятно. Вам было худо. Как объяснил нам доктор, вас чем-то сильно ударили. Эти проклятые мотоциклисты! Собыют человека и даже не остановятся!

— Со мной произошел несчастный случай? — спросил каноник. — Меня сбила машина?

— То-то и дело, что сбила! — ответила женщина. — Мы нашли вас у обочины дороги, когда возвращались домой. Сначала подумали, что вы выпивши! — Она даже усмехнулась при этом воспоминании. — Но мой муж сказал: давай-ка все-таки поглядим. Мало ли что! Спиртным от вас не пахло. И крови не было. А лежали вы неподвижно, словно бревно. И муж сказал: не можем мы его так оставить. Ну и притащил вас сюда, к нам.

— Вот как! — сказал каноник Пеннифазер. — Добрые самаритяне!^[41]

— А как муж увидел, что вы священник и, значит, лицо уважаемое, то сказал: не надо извещать полицию, а вдруг вам как священнослужителю это может не понравиться? А вдруг вы были выпивши, хотя и не было запаха спиртного? И мы порешили позвать доктора Стоукса, чтобы он на вас поглядел. Мы все «доктором» его зовем, хотя его практики лишили. Хороший он человек, ну немножко озлобился. Да и как не озлобиться, если его лишили практики! А пострадал-то он только из-за своего доброго сердца — помогал девушкам, у которых неприятности приключились. В общем-то он хороший врач, и мы его позвали. Он нам сказал, что ничего опасного, что у вас легкое сотрясение. Надо только, чтобы вы неподвижно лежали на спине в темной комнате. «Имейте в виду, — это доктор говорит, — я своего заключения не давал. Это — личное мнение. Я не

имею права ни лечить, ни назначать лечение. По закону надо бы вам сообщить в полицию, но, если вы не хотите, не надо. — И добавил:

— Позаботьтесь об этом славном старикашке!» Уж извините, если я не так выразилась. Наш доктор и наглубить может, от него всякое услышишь. Не угодно ли супа или поджаренного хлеба с молоком?

— Приветствую и то и другое, — отозвался каноник Пеннифазер.

Он опустил на подушки. Несчастный случай? Вот значит что! Несчастный случай, а он ничего не помнит!

Через несколько минут добрая самаритянка принесла на подносе дымящуюся миску.

— Покушайте, и вам сразу полегчает. Я вам подложу еще одну подушку под спину. Ладно, миленький?

Каноник Пеннифазер был несколько удивлен, что его называли «миленьким». Но решил, что это тоже от доброго сердца.

— Где мы? — спросил он. — Где я? Что это за местность?

— Милтон-Сент-Джонс, — пояснила женщина. — Разве вы не знали?

— Понятия не имел. Никогда не слышал такого названия!

— Да это так, просто деревушка.

— Вы очень добры, — сказал каноник. — Разрешите узнать ваше имя?

— Миссис Уилинг. Эмма Уилинг.

— Очень добры, — повторил каноник Пеннифазер. — Но этот несчастный случай... Я просто не вспомню...

— Выбросьте это из головы, голубчик, и вам станет легче, потом все вспомните.

«Милтон-Сент-Джонс! — изумленно шептал каноник Пеннифазер. — Но это название мне ровно ничего не говорит! Все так ужасно странно!»

Глава 17

Сэр Рональд Грейвс рисовал в блокноте кошку. Потом поглядел на мощную фигуру старшего инспектора Дэви, сидевшего напротив, и нарисовал бульдога.

— Ладислав Малиновский? — переспросил он. — Может быть. Какие-нибудь доказательства?

— Нет. Но он подходит.

— Лихой малый. Не знает, что такое нервы. Чемпион мира. Сильно разбился год назад. Скверная репутация в отношении женщин. Сомнительные источники дохода. Швыряет деньгами направо и налево. То и дело ездит на континент. Так вы полагаете, что он стоит за всеми этими грабежами и разбойными нападениями?

— Не думаю, что он там главный. Но думаю, он в шайке.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ездит на автомобиле «мерседес-Отто». Гоночная модель. Автомобиль, подходящий под это описание, видели около Бедхэмптона в то утро, когда был ограблен экспресс. Другие номерные знаки, но нам не привыкать. Все та же история: другие, да не очень. FAN—2299 вместо 2266. Не так уж много моделей «Мерседес-Отто» этого типа. Один у леди Седжвик, другой у молодого лорда Мерривейла.

— Значит, вы не считаете, что верховодит всем этим Малиновский?

— Нет, полагаю, наверху есть кто-то поумнее его. Но суть не в этом. Я проглядывал папки с делами. Возьмем, к примеру, ограбления в Мидленде и в западном Лондоне. Три фургона случайно — так-таки случайно — блокируют определенную улицу. И «мерседес», который находился близ места преступления, успевает скрыться.

— Но позже-то его остановили.

— Да. И — отпустили. Очевидно, потому, что люди, которые видели этот автомобиль, неверно сообщили его номер. Нам сказали так: FAM—3366. А номер Малиновского FAN—2266. Все та же история!

— И вы настаиваете, что это связано с отелем «Бертрам»? Для вас раскопали немало сведений о «Бертраме»... Дед похлопал себя по карману:

— Вот они! Все в полном порядке. Расходы, доходы, капитал, директор и так далее, и тому подобное. Это все чушь. Все эти финансовые дела — клубок змей, одна пожирает другую. Компании, холдинги — свихнуться можно.

— Погодите, Дед. Но у них в Сити так только и делается. Ведь налогообложение...

— Нет, мне нужна конфиденциальная информация. Если дадите мне ордер, сэр, я бы навел на одну важную шишку.

— Что же это за шишка? — удивился начальник. Дед назвал фамилию.

— Право, не знаю, — растерялся сэр Рональд. — Не знаю, имеем ли мы право к нему обращаться.

— А как бы это облегчило дело!

Мужчины молча смотрели друг на друга. Взгляд Деда был спокойный и терпеливый, взгляд человека, убежденного в своей правоте. И сэр Рональд сдался.

— Ну и упрямы же вы, Фред, старый дьявол! — вздохнул он. — Ну да будь по-вашему. Идите и прощупайте этого воротилу, что стоит во главе финансов всей Европы!

— Уж он-то знает! — сказал старший инспектор Дэви. — Знает! А если и не знает, то стоит ему нажать кнопку на столе, либо позвонить, и вот они, сведения!

— Вряд ли ему это придется по душе!

— Скорее всего — нет. Зато времени отнимет немного. Однако мне нужны определенные полномочия.

— Вы серьезно подозреваете «Бертрам»? Но какие у вас на то основания? Там полный порядок, респектабельная клиентура — все согласно лицензии!

— Что верно, то верно! Ни пьянства, ни наркотиков, ни азартных игр, ни прибежища для преступников. Все чисто и бело, как первый снег. Ни битников^[42], ни воров, ни юных нарушителей закона. Только викторианские старые дамы, семьи из провинции, путешественники из Бостона и других респектабельных мест Соединенных Штатов. И тем не менее добропорядочный священник в три часа утра тайком покидает свой номер...

— Кто это видел?

— Одна старая дама.

— Каким же образом? Почему она не спала в это время?

— Таковы уж старые дамы, сэр.

— Вы имеете в виду этого, как его.., каноника Пеннифазера?

— Именно, сэр. О его исчезновении нам сообщили, и этим занимается Кэмпбелл.

— Забавное совпадение! Его имя только что было упомянуто в связи с нападением на экспресс в Бедхэмптоне.

— В самом деле? Как именно?

— Еще одна старая дама или, вернее, дама средних лет. Когда поезд остановился, кое-кто из пассажиров проснулся и выглянул в коридор. Эта дама, которая живет в Чедминстере и знает в лицо каноника Пеннифазера, утверждает, что видела, как тот поднимался в вагон. Она решила, что он выходил узнать, в чем дело, и снова вернулся. Мы собираемся это проверить, раз он исчез...

— Дайте-ка подумать... Поезд остановили в пять тридцать утра. Каноник Пеннифазер ушел из отеля в три часа. Да, вполне возможно. Если, конечно, его туда отвезли, скажем, на гоночном автомобиле.

— Итак, мы вернулись к Ладиславу Малиновскому! — Сэр Рональд поглядел на свои рисунки в блокноте. — Ну вы и бульдог, Фред!

Полчаса спустя старший инспектор Дэви входил в небольшой, более чем скромного вида кабинет. Крупный мужчина встал из-за стола и протянул вошедшему руку:

— Старший инспектор Дэви? Садитесь. Желаете сигару?

Старший инспектор покачал головой.

— Первым делом разрешите извиниться, — сказал он своим низким приятным голосом, — что отнимаю ваше драгоценное время.

Мистер Робинсон улыбнулся. Безукоризненно сшитый костюм не скрывал его полноты. Желтоватый цвет лица, глаза темные и печальные, рот крупный. Он часто улыбался, показывая свои слишком большие зубы. «Чтобы лучше съесть тебя!» — почему-то подумал Дед. По-английски мистер Робинсон говорил превосходно, но на англичанина походил мало. Деду хотелось бы знать (как и многим другим!), какой национальности мистер Робинсон.

— Чем могу быть вам полезен?

— Мне бы выяснить, — начал старший инспектор Дэви, — кто владелец отеля «Бертрам».

Лицо мистера Робинсона оставалось бесстрастным. Он задумчиво переспросил:

— Вы хотите знать, кто владелец отеля «Бертрам»? Это, кажется, на Понд-стрит, недалеко от Пикадилли. Я и сам там останавливался. Спокойное местечко. Прекрасно содержится.

— Верно, верно, — подтвердил Дед, — именно прекрасно содержится.

— И вы хотите выяснить имя владельца? Разве это трудно узнать? — В его улыбке сквозила легкая ирония.

— Обычными путями, вы хотите сказать? Да, конечно.

Дед вынул из кармана небольшой лист бумаги и прочитал вслух три-четыре имени и адреса.

— Ага, — отозвался мистер Робинсон. — Кто-то не пожалел труда и времени. Интересно. И все-таки вы обращаетесь ко мне?

— Если кто-нибудь и знает все, так это вы, сэр!

— Как раз я не знаю. Но, конечно, всегда можно получить нужные сведения. Если есть. — Он пожал широкими, плотными плечами, — если есть связи...

— Именно, сэр, — невозмутимо поддакнул Дед. Мистер Робинсон подвинул к себе телефон.

— Соня, дайте мне Карлоса! — Он подождал некоторое время, — Карлос?

Тут он перешел на иностранный язык и заговорил очень быстро. Дед не мог понять, что это за язык. Дед мог объясниться по-французски. Немножко знал итальянский и кое-как, в пределах туристских потребностей, немецкий. Он мог отличить на слух испанскую, русскую и арабскую речь, хотя этих языков не понимал. Но сейчас говорили на каком-то ином языке. Турецкий? Армянский? Поди разберись. Робинсон положил трубку.

— Не думаю, чтобы нам пришлось долго ждать. А мне, знаете ли, и самому интересно. Я и сам задавал себе этот вопрос... С финансовой точки зрения. Каким образом этому отелю удастся окупаться? Всем полюбилось его гостеприимство, комфорт, на редкость умелый персонал... Да, меня это интересует. И знаете почему?

— Пока еще не знаю, — отозвался Дед. — Но хотел бы знать.

— Существует несколько возможностей, — задумчиво проговорил мистер Робинсон. — Это, пожалуй, напоминает музыку. В октаве только определенное число нот, но из них можно извлечь несколько миллионов комбинаций. Один музыкант как-то сказал мне, что одна и та же мелодия никогда дважды не повторяется в точности. Чрезвычайно интересно!

Раздался тихий звонок, и Робинсон вновь поднял трубку.

— Да? Знаю, вы человек исполнительный. Я вами доволен. Понимаю. Вот как? Амстердам, да... Ага... Благодарю вас. Скажите по буквам. Спасибо.

Он быстро записал что-то в блокноте.

— Надеюсь, это вам пригодится, — сказал он, протянув Деду через стол вырванный из блокнота листок. Дед вслух прочел записанное на листке имя:

— Вильхельм Хоффман.

— Национальность — швейцарец, — пояснил мистер Робинсон. — Но родился не в Швейцарии. Имеет большое влияние в банковских кругах. И, хотя всегда строго держится в рамках закона, на его счету немало сомнительных сделок. Действует он только на континенте, а не у нас.

— Вот как!

— Но у него есть брат, Роберт Хоффман. Этот живет в Лондоне. Занимается скупкой и продажей бриллиантов, все вполне респектабельно. Жена — голландка. У него филиал в Амстердаме. Вы в Скотленд-Ярде должны о нем знать. Да, так вот, как я уже сказал, в основном он занимается бриллиантами, человек чрезвычайно богатый и владеет разной недвижимостью, записанной по большей части не на его имя. Вот они с братом и являются подлинными владельцами отеля «Бертрам».

— Благодарю вас, сэр, — сказал старший инспектор Дэви, поднимаясь с места. — Нечего и говорить, как я вам обязан. Это просто поразительно!

— То, что мне удалось узнать? — спросил мистер Робинсон, улыбаясь своей широкой улыбкой. — Но это же одна из моих специальностей. Информация. Я люблю быть в курсе всех дел. Поэтому вы и пришли ко мне, не так ли?

— Видите ли, — проговорил старший инспектор Дэви, — мы о вас знаем. Министерство внутренних дел. Особый отдел и все такое прочее. — Он добавил тоном чуть ли не наивным:

— Я так нервничал, прежде чем решился обратиться к вам.

Мистер Робинсон снова улыбнулся.

— Я нахожу, что вы интересный человек, старший инспектор Дэви! Желаю вам удачи, какое бы дело вы ни начинали!

— Спасибо, сэр! Думаю, удача как раз мне и понадобится. Кстати, эти два брата, как, по-вашему, люди горячие, склонные к насилию?

— Ни в коем случае, — сказал мистер Робинсон. — Это не их стиль. Ни к какому насилию братья Хоффманы ни за что не прибегнут. У них иные методы, и довольно успешные, так как год от года они становятся все богаче. Таковы, во всяком случае, сведения, получаемые из банковских кругов Швейцарии.

— Хорошая страна Швейцария, — улыбнулся старший инспектор Дэви.

— Именно. Представить себе не могу, что бы мы без нее делали! Такая порядочность. Такое великолепное деловое чутье! Да, мы, дельцы, должны быть очень благодарны Швейцарии. А лично я, — добавил он, — самого высокого мнения об Амстердаме!

Пристально посмотрев в глаза Дэви, он снова улыбнулся, и старший инспектор, откланявшись, вышел.

Вернувшись на работу, он нашел у себя на столе записку:

«Каноник Пеннифазер объявился — жив, хотя и не совсем здоров. Судя по всему, его сбил автомобиль в Милтон-Сент-Джонс, в результате — сотрясение мозга».

Глава 18

Каноник Пеннифазер смотрел на старшего инспектора Дэви и инспектора Кэмпбелла, а старший инспектор Дэви и инспектор Кэмпбелл смотрели на каноника. Каноник Пеннифазер вновь был у себя дома. Он сидел в своем кабинете в глубоком кресле, за головой подушка, ноги на скамеечке, на коленях плед — словом, сразу видно, что человеку нездоровится.

— Боюсь, — вежливо промолвил он, — что я ровно ничего не смогу припомнить.

— Вы помните, как вас сбил автомобиль?

— Боюсь, что нет.

— Тогда откуда же вы знаете, что вас сбил именно автомобиль? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Эта женщина, миссис., миссис., как же ее фамилия? Да, Уилинг... Она мне сказала.

— А она откуда узнала?

Каноник Пеннифазер озадаченно пожал плечами.

— Боже мой, ведь вы совершенно правы! В самом деле, откуда она могла знать? Видимо, думала, что именно это со мной случилось.

— Ну а как вы очутились в Милтон-Сент-Джонс?

— Понятия не имею! Даже название это мне не знакомо! Инспектор Кэмпбелл нахмурился, чувствовалось, что он сейчас взорвется, но тут старший инспектор Дэви произнес добродушно-успокаивающим тоном:

— Тогда расскажите-ка нам еще раз все, что упомяните, сэр!

Каноник Пеннифазер взглянул на него с облегчением. Недоверчивость инспектора Кэмпбелла угнетала его.

— Я ехал в Люцерн на конгресс. Взял такси до Кенсингтонского аэропорта.

— Так. А потом?

— Вот и все. Ничего больше не помню. Первое, что помню, это — гардероб.

— Какой гардероб? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Он стоял не там, где надо.

Инспектор Кэмпбелл явно собирался разобраться в истории с гардеробом, стоявшим не там, где надо, но тут опять вмешался старший инспектор Дэви:

— А вы помните, как приехали в аэропорт, сэр?
— Кажется, да, — ответил каноник неуверенно.
— И значит, вы полетели в Люцерн?
— Да? Но я этого совершенно не помню.
— А помните, что вернулись в отель «Бертрам» в тот же вечер?
— Нет.
— Но отель-то помните?
— Конечно. Я там остановился. И номер за собой оставил.
— А что ехали в поезде?
— В поезде? Нет, поезда совершенно не помню!
— На поезд было нападение. Уж это-то вы должны были сохранить в памяти!

— Должен? — сказал каноник. — Но почему-то, почему-то не сохранил. — И он улыбнулся кроткой, извиняющейся улыбкой.

— Выходит, что вы помните лишь поездку в аэропорт, затем очнулись в доме Уилингов в Милтон-Сент-Джонс?

— Но в этом нет ничего странного, — заверил каноник, — так часто бывает при сотрясении!

— Что же произошло, когда вы пришли в себя?

— У меня была такая головная боль, что я ни о чем не мог думать. Затем, конечно, мне захотелось понять, где я нахожусь, а миссис Уилинг мне это объяснила и принесла чудесный суп. Она называла меня «миленький» и «голубчик», — добавил каноник с легким неудовольствием, — но была очень добра. Очень.

— Она обязана была сообщить о несчастном случае в полицию, тогда вас отвезли бы в больницу и обеспечили надлежащий уход! — заявил Кэмпбелл.

— Но она прекрасно за мной ходила! А кроме того, насколько я знаю, при сотрясении особого ухода не требуется, только покой.

— Если вы хоть что-нибудь еще вспомните, сэр...

Каноник перебил его:

— Целых четыре дня выпали из моей жизни. Поразительно! Просто поразительно! Доктор сказал, что, быть может, я вспомню. А может, не удастся, и я так никогда и не узнаю, что со мной было в эти дни... Простите меня, я, кажется, устал...

— Довольно, довольно, — заявила миссис Маккрэй, стоявшая в дверях наготове. — Доктор не велел его утомлять.

Полицейские встали и направились к двери. Миссис Маккрэй пошла их проводить. Каноник что-то пробормотал, старший инспектор Дэви,

выходивший последним, обернулся:

— Что вы сказали?

Но глаза каноника были прикрыты.

— Как вы думаете, что он сказал? — осведомился Кэмпбелл, когда они вышли из дома. Дед ответил задумчиво:

— По-моему, он сказал «иерихонские стены»... Это что-то библейское.

— Узнаем ли мы когда-нибудь, каким образом этот старичок очутился в Милтон-Сент-Джонс?

— Сам-то он вряд ли нам поможет! — сказал Дэви.

— А эта женщина, которая утверждает, будто видела его в вагоне после нападения на поезд... Неужели он каким-то образом замешан в этих ограблениях? Ну можно ли предположить, чтобы каноник Чедминстерского собора участвовал в нападении на поезд!

— Нет, — задумчиво протянул Дед. — Нет. Это так же трудно предположить, как и то, что судья Ладгроув участвовал в ограблении банка.

Инспектор Кэмпбелл с любопытством взглянул на своего шефа.

Их поездка в Чедминстер завершилась кратким и ничего не давшим посещением доктора Стоукса.

Доктор Стоукс был настроен агрессивно, грубовато и явно не желал оказать никакого содействия.

— Я знаю Уилингов довольно давно. Они, между прочим, мои соседи. Подобрали на дороге какого-то старика. Не знали, то ли он мертвецки пьян, то ли болен. Попросили меня взглянуть. Я им сказал, что он не пьян, что это сотрясение.

— И вы стали его лечить?..

— Ничего подобного! Я не лечил его, ничего ему не прописывал, вообще им не занимался. Я не врач, был когда-то, но теперь не врач, я им только сказал, что следует сообщить полиции. Сообщили они или нет — не знаю. Не мое дело. Они оба глуповаты, но люди добрые.

— А вы сами не подумали позвонить в полицию?

— Нет, не подумал. Я не врач. Меня это не касается. Просто из человеколюбия я им посоветовал не лить ему в глотку виски, а положить на спину и дать ему покой, пока не явится полиция.

Тут он глянул на них с такой неприязнью, что им ничего не оставалось, как уйти.

Глава 19

Мистер Хоффман оказался крупным, солидного вида мужчиной. Казалось, будто он вырезан из одного куска дерева. Лицо его настолько было лишено выражения, что каждый невольно задавал себе вопрос: способен ли этот человек думать и чувствовать? Это казалось невозможным.

Манеры его были безупречны. Он встал, поклонился и протянул клинообразную руку.

— Старший инспектор Дэви? Уже несколько лет я не имел удовольствия... Вы, возможно, и не помните...

— Как же, как же, мистер Хоффман! Дело о бриллиантах Ааронберга. Вы были свидетелем Короны, прекрасным свидетелем, позвольте заметить! Защита не могла вас сбить!

— Меня сбить нелегко, — серьезно сказал мистер Хоффман.

Он не был похож на человека, которого легко сбить.

— Чем могу быть полезен? Надеюсь, никаких неприятностей? Я всегда старался быть в ладу с законом, я восхищаюсь вашей превосходной полицией!

— Нет-нет, никаких неприятностей. Просто некоторые сведения нуждаются в подтверждении.

— Буду рад помочь, чем смогу. Как я уже сказал, я высочайшего мнения о полиции Лондона. Такая честность, такая справедливость, такая объективность.

— Право, вы меня смущаете, — сказал Дед.

— К вашим услугам. Итак, что вы хотите знать?

— Я хотел вас просить дать мне кое-какие сведения об отеле «Бертрам».

Ничего не изменилось в лице мистера Хоффмана. Быть может, оно стало еще более непроницаемым, чем прежде, — только и всего.

— Отель «Бертрам»? — переспросил он тоном вопросительным и слегка удивленным. Как будто в жизни не слыхивал об отеле «Бертрам» или не мог толком припомнить это название.

— Вы ведь имеете отношение к этому отелю, мистер Хоффман?

— Так много всего, — мистер Хоффман пожал плечами, — разве упомнишь? Столько разных дел, я занят по горло...

— Вы много к чему руку приложили, это нам известно.

— Да. — Мистер Хоффман улыбнулся деревянной улыбкой. — И немало этой рукой прибрал, вы об этом, да? И вам, значит, кажется, что я как-то связан с отелем «Бертрам»?

— Я бы не сказал, что связаны. Вы ведь владеете этим отелем, не так ли? — добродушно сказал Дед.

На этот раз мистер Хоффман действительно одеревенел.

— Интересно, кто вам это сказал? — мягко осведомился он.

— Но ведь это правда, не так ли? — заулыбался старший инспектор Дэви. — Чудесное, между прочим, заведение, этот отель. Я бы на вашем месте им гордился.

— Да-да, — сказал Хоффман. — На какую-то секунду я просто запамятовал. Понимаете, у меня в Лондоне много разного имущества. Недвижимость — хорошее помещение капитала. Если что-то появляется на рынке в приличном, по моему мнению, состоянии и есть возможность это недорого приобрести, я это делаю.

— А «Бертрам» продавался по дешевке?

— Как отель он был в упадке, — покачал головой мистер Хоффман.

— Но теперь он процветает. Я там был на днях, и меня поразила атмосфера. Прекрасная клиентура, старомодное, но комфортабельное помещение, не бросающаяся в глаза роскошь...

— Лично я очень мало знаю об этом отеле, — пояснил мистер Хоффман. — Просто одно из моих капиталовложений, но полагаю, дела там идут хорошо.

— У вас там превосходный управляющий. Как его фамилия? Хамфрис? Да-да, Хамфрис.

— Превосходный человек. Я на него во всем полагаюсь. Раз в год проверяю финансовый отчет — лишний раз убедиться, что все в порядке.

— Там полно титулованных постояльцев, — сказал Дед. — А также богатых американских путешественников. Прекрасная комбинация!

— Говорите, вы там были на днях? Надеюсь, неофициально?

— Ничего серьезного. Старался разгадать маленькую тайну.

— Тайну? В отеле «Бертрам»?

— Похоже на то. «Дело об исчезнувшем священнике» — так это можно озаглавить.

— Шутите! — сказал мистер Хоффман. — Это ваш полицейский жаргон в стиле Шерлока Холмса!

— Так вот, священник вышел из отеля однажды вечером, и больше никто его не видел.

— Странно, — сказал мистер Хоффман. — Но такое случается.

Помню, много лет назад была наделавшая шуму история с полковником... Дайте вспомнить фамилию... Да, полковник Фергюсон; вышел из своего клуба однажды ночью, и с тех пор его тоже никто не видел!

— Иногда, — вздохнул Дед, — подобные исчезновения бывают добровольными!

— Вам эти вещи известны лучше, чем мне, дорогой старший инспектор. Надеюсь, в «Бертраме» вам оказали всяческое содействие?

— Они были чрезвычайно любезны... Эта мисс Гориндж, она давно работает в отеле?

— Возможно. Я мало в это вникаю! Поймите, никакой личной заинтересованности у меня нет. По правде говоря, — тут он обезоруживающе улыбнулся, — меня поразило, что вам вообще известно, кто владелец отеля!

Это не было прямым вопросом, но в глазах Хоффмана промелькнула легкая тревога. Дед отметил ее, не показывая виду.

— Ответвления компаний в Сити похожи на гигантскую паутину, — объяснил Дед. — Голова лопнет во все это вникать. Насколько я знаю, зарегистрированный владелец отеля — холдинговый трест «Мейфер». А трест в свою очередь принадлежит другой компании, и так далее, и тому подобное. Но сути дела это не меняет — отель принадлежит вам. Так что все просто. Я прав?

— Помимо меня отелем владеют и другие члены правления, — сознался мистер Хоффман довольно неохотно.

— Другие члены правления? А кто они? Вы и, по-моему, ваш брат Вильгельм?

— Мой брат Вильгельм — компаньон в этом деле. Вам следует, однако, знать, что «Бертрам» — лишь звено в цепи различных отелей, зданий, сдаваемых под офисы и клубы, а также другого недвижимого имущества в Лондоне.

— А кто другие ваши компаньоны?

— Лорд Помфрет, Абель Изаакстейн... — Хоффман внезапно повысил голос. — Вам в самом деле необходимо все это знать? Только потому, что вы занимаетесь «Делом об исчезнувшем священнике»?

Дед покачал головой:

— Да нет, просто любопытство. Поиски исчезнувшего священника привели в отель «Бертрам», ну и этот отель заинтересовал меня. Знаете, как это бывает...

— Понимаю, что так может быть, да. А теперь, — Хоффман улыбнулся, — ваше любопытство удовлетворено?

— Когда нуждаешься в информации, лучше всего обратиться к первоисточнику, — добродушно подытожил Дед, вставая со стула. — Но вот еще один вопрос, хотя, вероятно, на него вы ответить не сможете.

— Слушаю вас, старший инспектор, — устало отозвался Хоффман.

— Где удалось отелю «Бертрам» набрать такой обслуживающий персонал? Поразительно! К примеру этот человек — как его зовут? — Генри! Ну тот, что похож не то на архиепископа, не то на эрцгерцога^[43], не скажу точно на кого именно... Он подает чай и плюшки... Потрясающие, кстати сказать, плюшки!

— А вы любите, чтобы в плюшках было побольше масла? — Глаза мистера Хоффмана на секунду неодобрительно скользнули по плотной фигуре Деда.

— По мне это заметно, — улыбнулся Дед. — Ну, не буду вас больше задерживать. Вы, вероятно, чрезвычайно заняты распределением акций или чем-нибудь в таком роде...

— А-а. Вам нравится притворяться, будто вы ничего в этом не смыслите! Нет, я не занят. Я не позволяю делам поглощать все мое время. Вкусы мои неприхотливы. Живу я просто, имею достаточно досуга, посвящаю его выращиванию роз и своей семье, к которой очень привязан.

— Прекрасно! — сказал Дед. — Мне бы так!

Мистер Хоффман улыбнулся и встал, чтобы пожать руку Деду.

— Надеюсь, вы разыщете вашего исчезнувшего священника.

— А, с этим все в порядке. Простите меня, я не очень ясно выразился. Мы нашли его. Попал под машину, сотрясение мозга, все так просто!

Дед пошел к выходу, но у двери обернулся:

— А кстати, леди Седжвик — тоже один из директоров вашей компании?

— Леди Седжвик? — Хоффман помедлил секунду-другую. — Нет. А почему, собственно, ей быть директором?

— Да так, слухи... Значит, просто акционер?

— Это... Ну да.

— До свидания, мистер Хоффман. Большое вам спасибо.

В Скотленд-Ярде Дед отправился прямо к сэру Рональду.

— Итак, два брата Хоффмана являются истинными владельцами отеля «Бертрам».

— Что-что? Эти негодяи? — изумился шеф. — И им удавалось это держать в тайне!

— Именно. И Роберту Хоффману весьма не понравилось, что мы об этом узнали. Он был поражен.

— Что он говорил?

— Все было очень официально и очень вежливо. Он пытался, не слишком нажимая, выяснить, каким образом нам удалось это узнать.

— А вы, полагаю, не удовлетворили его любопытства. Под каким предлогом вы явились к нему?

— Без всякого, — сказал Дед.

— Ему это не показалось странным?

— Думаю, что показалось. Но я решил, сэр, сыграть именно на этом.

— Раз за отелем «Бертрам» стоят Хоффманы, это многое объясняет. Сами они никогда не участвуют в явных аферах... Никогда! Они не организуют преступлений — они их финансируют. Вильгельм занимается банковскими операциями в Швейцарии. Сразу после войны он был замешан в мошеннических сделках с иностранной валютой, однако доказать нам это не удалось. В руках обоих братьев огромные суммы денег, и они используют их для финансирования целого ряда предприятий: одни — легальные, другие — нет. Оба чрезвычайно осторожны и знают все ходы и выходы. Роберт занимается скупкой и продажей бриллиантов. Дело это вполне законное, но, если все сопоставить, получается картина, наводящая на размышления: бриллианты, банковские операции, а также недвижимое имущество — клубы, культурные учреждения, здания, сдаваемые под офисы, рестораны, отели — и все это, очевидно, числится за подставными лицами.

— Вы считаете, что эти ограбления организует Хоффман?

— Нет, думаю, братья занимаются лишь финансовой стороной. Нет-нет, организатора надо искать в другом месте. Где-то работает незаурядный ум!

Глава 20

В этот вечер на Лондон внезапно спустился туман. Старший инспектор Дэви поднял воротник пальто и свернул на Понд-стрит. Он шел медленно, как человек, поглощенный своими мыслями, и казалось, идет он без определенной цели, но каждый, кто хорошо его знал, сразу бы понял, что он настороже. Он подобрался, как кошка, выжидающая добычу.

Понд-стрит этим вечером была тиха. Туман, поначалу плотный, затем почти рассеялся, и вот сгустился вновь. Движение на Парк-лейн было не более шумным, чем на деревенской проселочной дороге. Большинство автобусов стояло. Время от времени лишь частные автомобили решительно прокладывали себе путь сквозь туман. Старший инспектор Дэви свернул в тупик, дошел до его конца и вернулся. Он побрел, казалось, бесцельно, сначала направо, потом налево, но цель у него была. Своей кошачьей крадущейся походкой он кружил вокруг вполне определенного здания: вокруг отеля «Бертрам». Дэви внимательно оглядел все, что находилось к востоку от отеля, к западу от него, к северу и югу. Он осмотрел автомобили, стоявшие в тупике. Одна машина особенно заинтересовала инспектора, и он остановился. Поджал губы и прошептал: «А, ты снова здесь, красавица!» Затем взглянул на номер и кивнул: «Сегодня, значит, ты FAN—2266!» Наклонился, оцупал номерной знак и снова кивнул одобрительно, прошептав: «Недурно работают!»

Затем продолжил свой путь и вновь вышел на Понд-стрит, неподалеку от входа в отель «Бертрам». И опять остановился, восхищаясь стройным силуэтом еще одного гоночного автомобиля.

— А ты тоже красавец, — сказал старший инспектор Дэви, — твой номер не изменился с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Я даже думаю, что твой номер всегда один и тот же. А это должно означать... — он задумался — Или нет? — И, взглянув туда, где должно было быть небо, пробормотал:

— А туман все гуще!

У дверей отеля швейцар то и дело взмахивал руками, стараясь согреться. Старший инспектор Дэви поздоровался с ним.

— Добрый вечер, сэр. Гнусная погода, — отозвался швейцар.

— Именно. Вряд ли кому захочется выйти наружу, если в этом нет особой необходимости.

Тут дверь толкнули изнутри, и пожилая дама вышла и в сомнениях

застыла на верхней ступеньке.

— Вам такси, мэм?

— Боже, я-то хотела прогуляться!

— Я бы на вашем месте воздержался, мэм. Очень уж паршиво, туман. Да и в такси тоже нынче не слишком приятно.

— Неужто вы сможете найти для меня такси? — засомневалась дама.

— Я постараюсь. Идите-ка внутрь и погрейтесь, а я зайду за вами если что. — И убедительным тоном добавил:

— Если вам вообще стоит ехать, мэм. Я бы лично никуда сегодня не ездил.

— Боже! Вероятно, вы правы. Но меня ждут друзья в Челси. Не знаю даже... А вернуться, наверное, будет еще сложнее, а?

— Будь я на вашем месте, — заботливый Майкл Горман проявил твердость, — я бы пошел и позвонил вашим друзьям. Ничего хорошего — такой леди, как вы, оказаться на улице ночью и в тумане.

— Да, да, в самом деле вы, пожалуй, правы. И она вернулась в отель.

— За ними глаз да глаз, — Микки Горман снова повернулся к Деду. — У такой-то сумочку наверняка вырвут. Надо же, отправиться в такой темноте в Челси, или Западный Кенсингтон, или куда там ей надо.

— У вас, видимо, немалый опыт общения с пожилыми дамами? — спросил Дед.

— Верно, верно. Тут ведь для них второй дом, дай им Бог здоровья. А вы-то, сэр? Желаете такси?

— Думаете, что смогли бы сейчас поймать такси? Я ни одного не вижу... Впрочем, я их не виню.

— О, для вас я нашел бы. Тут у них за углом стоянка. И они к нам сюда заходят погреться и перекусить.

— Нет, такси мне ни к чему, — вздохнул Дед и указал большим пальцем на дверь отеля. — Мне надо в отель. Есть дело.

— Вот как. Это по поводу исчезнувшего священника?

— Нет. Его нашли.

— Нашли? Где же?

— У него было сотрясение мозга. Несчастный случай.

— Это на него похоже. Вероятно, переходил улицу не глядя.

— Вроде так и было, — сказал Дед.

Он кивнул, толкнул дверь и вошел. В холле этим вечером народу было немного. Дед увидел мисс Марпл, сидевшую у камина, а мисс Марпл увидела его. Однако она никак этого не показала. Он направился к стойке администратора. Мисс Гориндж, как обычно, разбирала бумаги. Появление

Деда, как ему показалось, вызвало у нее легкое замешательство. Какое-то мимолетное движение — однако не оставшееся незамеченным.

— Вы помните меня, мисс Гориндж? Я тут был на днях.

— Да, конечно, я вас помню, инспектор. Вы что-то еще хотели узнать? Желаете видеть мистера Хамфриса?

— Нет, благодарю вас. В этом нет необходимости. Я бы хотел еще раз взглянуть в журнал регистрации.

— Да, разумеется.

Мисс Гориндж подтолкнула к нему журнал. Дед стал медленно перелистывать страницы. Мисс Гориндж могло показаться, что он ищет какую-то определенную фамилию. Но это было не так. С юных лет Дед обладал даром, который он развивал и довел до совершенства. Он запоминал адреса и фамилии с фотографической точностью и удерживал их в памяти двадцать четыре, а то и все сорок восемь часов. Он покачал головой, захлопнул книгу и протянул ее мисс Гориндж.

— Каноник Пеннифазер не заходил? — спросил он небрежно.

— Каноник Пеннифазер?

— Разве вы не знаете, что он нашелся?

— Понятия не имею. Мне никто ничего не сказал. Где?

— В одной деревушке. Как будто попал под машину. Нам об этом не сообщили. Его подобрал и выходил какой-то добрый самаритянин.

— Как я рада! В самом деле очень рада. Я беспокоилась о нем.

— Так же, как и его друзья, — сказал Дед. — Я, кстати, сейчас смотрел, не остановился ли кто-нибудь из них у вас. Архидьякон... Не помню фамилии, но вспомнил бы, если б увидел.

— Томлисон? — подсказала мисс Гориндж. — Он должен приехать на той неделе. Из Солсбери.

— Нет, не Томлисон. Но — не важно. — И Дед отошел от стойки.

В холле сегодня вечером было тихо. Аскетического вида пожилой мужчина читал машинописные страницы, время от времени делая заметки на полях мелким корявым, совершенно неразборчивым почерком и каждый раз ядовито усмехался.

Было тут несколько супружеских пар, состоящих в браке столь давно, что у них не возникало особой потребности говорить друг с другом. Слышались взволнованные голоса, обсуждавшие погоду... «Я только что звонила и умоляла Сьюзен не ехать на машине. Дорога М—1 опасна во время тумана...»

Старший инспектор Дэви все это замечал, неторопливо и как бы без особой цели вышагивая по холлу. Мисс Марпл сидела у камина и

наблюдала за его приближением.

— Итак, вы все еще здесь, мисс Марпл. Я рад.

— Завтра уезжаю.

Перспектива близкого отъезда сказалась на ее позе. Она сидела выпрямившись, — как сидят в зале ожидания вокзала или аэропорта. Дед был уверен, что она уже уложила свои вещи, оставив лишь туалетные принадлежности и ночную рубашку.

— Мой двухнедельный отдых закончился, — сказала она.

— Вам было здесь хорошо, надеюсь?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— С одной стороны — да. С другой...

— А с другой стороны — нет?

— Мне трудно объяснить...

— Не слишком ли близко вы сидите к огню? Жарковато здесь. Не хотите ли перейти — ну, скажем, вон в тот угол?

Мисс Марпл посмотрела в ту сторону, затем взглянула на старшего инспектора Дэви.

— Думаю, вы правы, — сказала она. Он подал ей руку, взял ее сумочку и книгу и усадил в том углу, на который указал.

— Вы поняли, почему я предложил вам пересестись?

— С вашей стороны было очень любезно увести меня подальше от огня. А кроме того, отсюда наш разговор никто не услышит.

— Вы что-то хотите мне сказать, мисс Марпл?

— Почему вы так думаете?

— У вас такой вид.

— Очень жаль, если это на мне написано. Я этого не хотела...

— Так в чем же дело?

— Право, не знаю, следует ли говорить. Поймите меня правильно, инспектор, я не люблю вмешиваться в чужие дела. Я против этого. Нередко имеешь самые добрые намерения, а приносишь вред... Видеть, как люди поступают неразумно и даже подвергают себя опасности... Но имеешь ли право вмешиваться? По-моему, нет.

— Вы говорите о канонике Пеннифазере?

— Каноник Пеннифазер? — изумленно переспросила мисс Марпл. — О Господи, ничего похожего... Это касается юной девушки.

— Девушки? И вы думаете, я могу чем-то помочь?

— Не знаю. Право, не знаю. Но я беспокоюсь, я очень беспокоюсь.

Дед не торопил ее. Она хочет помочь ему, а он был готов сделать все, чтобы помочь ей. Вообще говоря, его не так уж интересует то, что она

собирается сказать ему. А впрочем, кто знает?..

— В газетах иной раз читаешь отчеты о судебных делах, — говорила мисс Марпл, — о молодых людях, о юных девушках, о детях, «нуждающихся в заботе и защите». Это, конечно, казенное выражение, но ведь за ним — реальная жизнь.

— По-вашему, девушка, о которой вы упомянули, нуждается в заботе и защите? Она что же, совершенно одинока?

— Ах нет. Совсем не одинока. Со стороны выглядит так, будто она хорошо защищена и о ней прекрасно заботятся.

— Интересно, — сказал Дед.

— Она останавливалась в этом отеле с некой миссис Карпентер. Я посмотрела в книге, кто она. Ее зовут Эльвира Блейк.

Дед бросил на мисс Марпл заинтересованный взгляд.

— Хорошенькая девушка. Очень молодая и вполне, я бы сказала, защищенная. Ее опекун — полковник Ласком, очень достойный человек. Обаятельный. Пожилой, разумеется, и, боюсь, такая невинность...

— Невинность? Чья? Опекуна или девушки?

— Я имею в виду опекуна. Насчет девушки — не знаю. Но, по-моему, она в опасности. Я случайно встретила ее в парке Бэттерси. Она была в кафе с молодым человеком...

— Ах вот в чем дело! — сказал Дед. — Неподходящий молодой человек? Битник или?..

— Очень красивый, — сказала мисс Марпл, — не слишком молодой. Не меньше тридцати, и это тот мужской тип, который чрезвычайно привлекает женщин. Но лицо его — плохое лицо. Жестокое, ястребиное, хищное.

— Ну, быть может, он не так плох, как кажется, — предположил Дед.

— Думаю, что он еще хуже, чем кажется. Убеждена в этом. Он водит большой гоночный автомобиль. Дед глянул на нее.

— Гоночный автомобиль? А на номер вы не обратили внимание?

— Обратила. FAN—2266. Я запомнила потому, что у меня была кузина, которая заикалась...

Дед был озадачен.

— Вы знаете, кто он? — спросила мисс Марпл.

— Представьте себе, знаю, — сказал Дед. — Наполовину француз, наполовину поляк. Известный гонщик. Был чемпионом мира. Зовут его Ладислав Малиновский. Кое в чем насчет него вы совершенно правы. У него очень скверная репутация в отношении женщин. Он, конечно, в приятели к молодым девушкам не годится. Но тут трудно что-либо

предпринять. Ведь видится она с ним тайно?

— Несомненно, — сказала мисс Марпл — Вы не пробовали говорить с ее опекуном?

— Я его не знаю. Встречалась с ним всего раз у наших общих друзей. Не хотелось бы выступать перед ним в роли сплетницы. Я подумала: а быть может, вы могли бы что-то сделать?

— Попробовать можно, — сказал Дед. — Между прочим, вам будет приятно узнать, что ваш друг каноник Пеннифазер нашелся.

— Что вы говорите! — оживилась мисс Марпл. — Где?

— В местечке, которое называется Милтон-Сент-Джонс.

— Странно! Что ему там делать? Сам-то он это как объясняет?

— По-видимому, — с ударением произнес Дед, — произошел несчастный случай. Его сбил автомобиль. Сотрясение мозга.

— Ах вот как! Он что-нибудь помнит?!

— Он утверждает, — старший инспектор выделил голосом и это слово, — что не помнит ничего.

— Поразительно!

— Он помнит лишь, как ехал в такси в Кенсингтонский аэропорт.

— Что ж, такое случается при сотрясении мозга... Но хоть что-то он сказал?

— Пробормотал что-то насчет стен иерихонских...

— Вот как! Позвольте! Помнится, была такая пьеса...

— А всю эту неделю в кинотеатре «Гомон» шел фильм «Иерихонские стены»^[44] с Ольгой Рэдбурн и Бартом Левинном, — сказал Дед.

Мисс Марпл как-то странно поглядела на него.

— И значит, он мог пойти в этот кинотеатр на Кромвель-роуд, — продолжал старший инспектор, — а оттуда направился в отель, — сеанс кончается где-то около одиннадцати, но если так, значит, он явился сюда до полуночи и кто-то должен был его видеть.

— Сел не в тот автобус, — предположила мисс Марпл.

— Допустим, он явился сюда после полуночи. Тогда он мог подняться в свой номер никем не замеченным. Но если так, что же произошло потом и почему ему вздумалось вновь выйти в три часа утра?

Мисс Марпл старалась найти подходящие слова.

— Пожалуй, единственное, что мне приходит в голову... Ой!

Она вздрогнула: с улицы раздался звук, похожий на выстрел.

— Выхлопная труба, — успокоил ее Дед.

— Простите, старший инспектор... Я сегодня весь день почему-то ужасно нервничаю... Бывает такое чувство, что...

— ...Что-то должно случиться? Не думаю, что вам стоит беспокоиться.

— Никогда не любила туман!

— Я хотел вам сказать, что вы мне очень помогли. Те мелочи, на которые вы обратили внимание, когда все вместе, на самом деле не такие уж и мелочи...

— Значит, в отеле что-то неладно?

— Здесь все неладно.

Мисс Марпл вздохнула:

— Поначалу мне здесь пришлось по душе, будто ничего не переменилось и я перенеслась в прошлое, в ту часть прошлого, где было так прекрасно... — Она умолкла. — Но это, конечно, совсем не так. Я уже знаю, да и всегда знала, что пути назад нет, никто не должен и пытаться идти назад, суть жизни — в движении вперед. Жизнь — это словно улица с односторонним движением, правда?

— Что-то в этом духе, — согласился Дед.

— Помнится, — мисс Марпл пришлось несколько отклониться от непосредственного предмета разговора, — я была в Париже с матерью и бабушкой, и мы пошли на чай в «Отель Элизе». И бабушка оглянулась вокруг и говорит:

«Клара, по-моему, я тут единственная в капоре^[45]». Так оно и было. Когда она вернулась домой, то собрала все капоры и мантильи^[46], отделанные стеклярусом^[47], и отправила...

— На благотворительную распродажу? — участливо подсказал Дед.

— О, что вы! Там они уже были никому не нужны. Она отправила их в театр, и там все им страшно обрадовались. Но позвольте... — Мисс Марпл решила вернуться к основной теме. — О чем я говорила?

— Об этом месте.

— Да. И вот этот отель... Казалось, все как должно, но это не так. Тут перемешаны люди настоящие и ненастоящие. И не всегда возможно их различить...

— Кого вы имеете в виду под ненастоящими?

— Есть тут военные в отставке, но есть и такие, которые кажутся военными, но в армии никогда не служили. И духовные лица, которые никогда не совершали требы^[48]. И адмиралы, никогда не служившие на флоте. Моя приятельница Селина Хейзи... Поначалу меня забавляло ее стремление отыскивать среди постояльцев отеля знакомых и часто попадать впросак. Слишком часто. И это навело меня на размышления. Вот

даже Роуз, горничная, такая славная, но и она, по-моему, ненастоящая.

— Бывшая актриса, если вас это интересует. Хорошая актриса. Но здесь ей платят куда больше того, что она смогла бы заработать на сцене.

— Нужна как деталь мизансцены. А быть может, за этим стоит и что-то посерьезнее.

— Но что?

— Я так рада, что уезжаю! Пока еще ничего не случилось...

— А что, по-вашему, может случиться?

— Какое-то зло, — ответила мисс Марпл.

— Ну, зло — это слишком сильно сказано.

— Думаете, я драматизирую? Но у меня есть опыт! Мне случалось — и часто — иметь дело с убийством!

— Убийством? — Старший инспектор Дэви покачал головой. — Нет, это вряд ли. Просто будет аккуратненькая облава на очень неглупых преступников...

— Это разные вещи. Убийство — стремление убить — это совсем иное. Это — как бы получше выразиться — вызов Богу.

Он посмотрел на нее и покачал головой:

— Никакого убийства не будет.

Звук выстрела, куда более громкий, чем предыдущий, донесся с улицы. За ним последовал женский крик и новый выстрел.

Старший инспектор Дэви вскочил на ноги с быстротой, удивительной для его телосложения. В считанные секунды он миновал вращающуюся дверь и очутился на улице.

В криках, пронзавших туман, слышался ужас. Дэви видел смутные очертания женской фигуры, прислонившейся к ограде. В несколько прыжков он оказался рядом. На женщине было длинное меховое мантио, ее светлые волосы спадали на плечи. На секунду ему показалось, что он знает, кто это, но нет, перед ним была юная хрупкая девушка. На тротуаре у ее ног лежало распростертое тело человека в форме. Главный инспектор Дэви узнал его. Это был Майкл Горман.

Когда Дэви приблизился к девушке, та прижалась к нему, вся дрожа и бессвязно лепеча:

— Кто-то хотел убить меня... Кто-то... Если б не он. — Она указала на неподвижное тело у своих ног. — Он оттолкнул меня и заслонил, и тогда второй выстрел.., и он упал... Он спас мне жизнь... Он ранен, кажется, он тяжело ранен...

Старший инспектор Дэви встал на одно колено. Засветил фонарь. Рослый ирландец погиб, как солдат. На левой стороне его рубашки темнело пятно, расплывающееся по мере того, как кровь просачивалась сквозь материю. Дэви приподнял ему веко, пощупал пульс. Затем встал на ноги.

— Все кончено! — сказал он.

— Он умер? — пронзительно вскрикнула девушка. — Нет, нет! Он не мог умереть!

— Кто стрелял в вас?

— Не знаю. Я оставила свою машину за углом и пошла вдоль ограды в «Бертрам». Внезапно раздался выстрел, пуля просвистела буквально у моего уха, и тогда он, швейцар из «Бертрама», помчался ко мне, оттолкнул меня, заслонил собою, и тут — второй выстрел... Я думаю — думаю, что тот, кто стрелял, прятался вон там...

Старший инспектор взглянул в указанном направлении. С той стороны отеля «Бертрам» был старомодный цветник, находившийся ниже уровня мостовой, с калиткой, куда вели несколько ступенек. Поскольку на этот участок выходили лишь помещения складов, людей там почти никогда не бывало. Спрятаться там было нетрудно.

— Вы его не видели?

— Как следует — нет. Он промчался мимо как тень. Туман!

Дэви кивнул. Девушка стала истерически всхлипывать:

— Но кто, кто хотел убить меня? Почему меня хотели убить? Это уже во второй раз...

Одной рукой поддерживая девушку, другой Дэви стал шарить в кармане. Пронзительный полицейский свисток прорезал туман.

В холле отеля «Бертрам» мисс Гориндж резко выпрямилась за своей стойкой. Один или два постояльца устремили взгляд на дверь. Лишь старые и глухие никак не реагировали.

Генри, принесший кому-то из клиентов рюмку бренди, замер, не успев поставить ее на столик.

Мисс Марпл выпрямилась в кресле, вцепившись в подлокотники.

— Авария, — веско изрек отставной адмирал. — Наверняка две машины столкнулись в тумане.

Входящую дверь толкнули снаружи, и появился полицейский, показавшийся всем огромным. Он поддерживал девушку в светлом меховом мантио. Она едва брела. Полицейский озираясь с некоторым смущением, ожидая помощи. Из-за стойки поднялась мисс Гориндж,

готовая прийти на выручку. Но в это время спустился лифт. Из него вышла высокого роста женщина, и тогда девушка, стряхнув с себя поддерживающую ее руку полицейского, неистово рванулась через весь холл к ней.

— Мама! — закричала она. — Мама, мама! — и, всхлипывая, упала в объятия Бесс Седжвик.

Глава 21

Старший инспектор Дэви, откинувшись на спинку кресла, глядел на двух женщин, сидевших напротив него. Время было за полночь. Представители полиции ушли. Уже побывали врачи, дактилоскописты^[49], карета «скорой помощи» увезла тело убитого, и теперь все сосредоточилось в этом небольшом помещении, специально предназначенном администрацией отеля для дел юридических. Дэви сидел с одной стороны стола. Бесс и Эльвира — с другой. У стены устроился полицейский с блокнотом. Сержант Уэделл расположился у двери.

Дед задумчиво разглядывал обеих сидящих перед ним женщин. Мать и дочь. Внешнее сходство — да, весьма заметно. Понятно, почему в тумане он принял Эльвиру Блейк за Бесс Седжвик. Но теперь бросалась в глаза и их непохожесть, будто перед вами два изображения одного и того же человека: позитив и негатив. И позитив, несомненно, Бесс Седжвик! Жизнелюбие, энергия, магнетическая притягательность. Он восхищался леди Седжвик. Он всегда ею восхищался. Ее отвагой и ее неукротимостью; как-то, читая о ее очередном подвиге в воскресной газете, он воскликнул: «Ну, из этой переделки ей уж наверняка не выбраться», — но она неизменно выбиралась из всех переделок. Ему казалось, что ей не удастся закончить свое очередное путешествие благополучно, однако она его заканчивала. В особенности пленяла ее неуязвимость. На ее счету были одна авиакатастрофа и несколько автомобильных, ее дважды сбрасывала лошадь, и, тем не менее, вот она тут — цела и невредима! Он мысленно снимал перед ней шляпу. Придет, разумеется, день, когда наступит расплата. Такое везение не может продолжаться вечно. Он перевел взгляд на дочь. Удивительно! Просто удивительно!

У Эльвиры Блейк, думал он, все загнано внутрь. Бесс Седжвик шла по жизни, все подчиняя своей воле. А у Эльвиры, он понимал, иной путь. Она сама подчиняется воле других. Она покоряется. Она улыбается, словно соглашаясь, и вместе с тем не дается в руки. «Хитра, — думал Дэви, — полагаю, что лишь хитростью она и может действовать. Она никогда не шла напролом, не вступала в открытое противостояние. Поэтому-то ее опекуны и понятия не имеют о том, чего от нее ждать!»

Интересно знать, зачем она пробиралась к отелю «Бертрам» поздним, туманным вечером? «Сейчас он спросит ее об этом. Вряд ли ответ будет правдивым. Шла ли она сюда повидаться с матерью? Возможно, но он в это

не верил. Он подумал о гоночном автомобиле с номерным знаком FAN—2266. Ладислав Малиновский должен находиться где-то рядом, раз его автомобиль тут.

— Ну-с, — обратился Дед к Эльвире добродушным, отеческим тоном, — и как вы себя чувствуете?

— Вполне сносно.

— Прекрасно. Мне бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько вопросов, потому что времени терять никак нельзя. В вас дважды стреляли, и был убит человек. Чтобы найти убийцу, необходимо знать о нем как можно больше.

— Я вам скажу все, что знаю, но это случилось так внезапно. И потом, из-за тумана ничего не было видно! Понятия не имею, кто стрелял, как он выглядел! Вот в чем ужас!

— Вы сказали, что на вашу жизнь покушались вторично?

— Я это сказала? Не помню! — В глазах ее мелькнуло беспокойство. — Я не могла этого сказать... Видимо, была просто вне себя.

— Не думаю, — сказал Дед. — Мне кажется, вы знали, что говорили.

— Да нет! Просто разыгралось воображение! — И вновь в глазах промелькнула тревога.

— И вам показалось, что кто-то покушается на вас? Каким образом?

Бесс Седжвик спокойно обратилась к дочери:

— Лучше скажи ему, Эльвира.

— Вам нечего бояться. В полиции прекрасно знают, что девушки частенько не все говорят своим родным и опекунам. Мы к этому относимся с пониманием..., но, поймите, сейчас как раз необходимо знать все, чтобы напасть на след.

— Это случилось в Италии? — спросила Бесс.

— Да. В пансионе графини Мартинелли. Нас там было восемнадцать или двадцать...

— И вам показалось, что кто-то покушается на вас? Каким образом?

— Видите ли, однажды я получила коробку шоколадных конфет. В коробке была карточка, на ней несколько слов по-итальянски, ну что-то вроде «прекрасной синьорине». Ну, мои подруги и я, мы посмеялись и стали гадать, кто прислал конфеты.

— Конфеты пришли по почте?

— Нет. Нет, что вы! Коробка просто оказалась однажды в моей комнате. Кто-то ее туда положил.

— Понятно. Подкупили кого-то из слуг. Вы, полагаю, ничего не сказали об этом графине... Как ее там? Слабая улыбка показалась на лице

Эльвиры.

— Нет-нет. Конечно, нет. В общем в коробке оказались чудные конфеты, разных сортов, в том-числе и с лиловым кремом. Знаете, есть такие шоколадные конфеты с фиалкой из глазури. Мои любимые. Ну я, конечно, сразу съела одну или две. И ночью мне стало плохо. Я не связала это тогда с конфетами. Решила, что съела что-то не то за ужином.

— Еще кто-нибудь захворал?

— Нет, только я. К концу следующего дня полегчало, а через пару дней я снова съела конфету и опять захворала. Я поделилась с Бриджет — это моя лучшая подруга. Мы с ней обнаружили, что у конфет с фиалками снизу маленькая дырочка, которая потом была заделана, и мы решили, что конфеты были кем-то отравлены.

— Никто другой не болел? Никто, значит, не ел этих конфет?

— Думаю, что нет. Видите ли, все знали, что конфеты с фиалками — мои любимые, и их оставили для меня.

— Этот тип, однако, сильно рисковал! Он мог бы всех отравить!

— Абсурд какой-то, — резко сказала леди Седжвик. — В жизни своей не слышала подобной чепухи!

— Прошу вас! — обратился к ней Дэви, сопроводив свою просьбу легким движением руки, и вновь повернулся к Эльвире:

— Ваш рассказ очень интересен, мисс Блейк. И что же вы сделали с конфетами?

— Выбросила.

— И вы не пытались узнать, кто их послал?

Эльвира была явно смущена.

— Ну, понимаете, я подумала, что это мог быть Гвидо.

— Вот как? — весело откликнулся старший инспектор. — И кто же такой Гвидо?

— О, Гвидо... — Эльвира замолчала, взглянув на мать.

— Не глупи, — сказала Бесс Седжвик. — Расскажи старшему инспектору об этом Гвидо, кто бы он ни был. У каждой девушки твоего возраста непременно есть какой-нибудь Гвидо. Ты там с ним познакомилась?

— Да. Когда нас водили в оперу. Он там со мной заговорил. Он был очень славный. И привлекательный. Потом я с ним изредка виделась, когда мы ходили на уроки. Он передавал мне записки.

— И я полагаю, — вмешалась Бесс, — что тебе частенько приходилось обманывать и договариваться с подружками. Ты ухитрялась убегать из пансиона и с ним встречаться.

Эльвира, казалось, была довольна тем, что ее избавили от неприятных объяснений.

— Да. Мы с Бриджет иногда выходили вместе. Иногда Гвидо ухитрялся...

— Ну а как фамилия Гвидо?

— Не знаю. Он не говорил.

— То есть вы не хотите нам этого сказать? — улыбнулся старший инспектор. — Ничего. Понадобится — узнаем и без вашей помощи. Однако почему вы думаете, что юноша, которому вы нравились, хотел вас убить?

— Ну потому, что он мне иногда угрожал. Мы вечно ссорились. Он приводил с собой приятелей, и я иногда делала вид, что кто-то из них мне нравится больше, чем он, и он очень, очень злился. Говорил, чтобы я была осторожна, что он не потерпит, чтобы я его бросила. Что, если я не буду ему верна, он меня убьет. — Эльвира внезапно улыбнулась. — Все было очень забавно! Я не думала, что это всерьез!

— Не похоже, чтобы этот юноша, каким вы его описали, послал вам отравленные конфеты!

— Да я и сама так не думала, — сказала Эльвира, — но все-таки это должно быть он, потому что никто другой мне в голову не приходит! Это беспокоило меня. А когда я вернулась в Англию, то получила послание.., в конверте.., там было напечатано: «Будьте настороже. Вас хотят убить».

Брови старшего инспектора поползли вверх:

— В самом деле? Очень любопытно. И вас это испугало?

— Да... Я все думала, кому это понадобилось убить меня? Вот почему я старалась узнать, действительно ли я так богата... А недавно в метро, на платформе, где столпилось много народу, мне показалось, что кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

— Дитя мое, — воскликнула Бесс Седжвик, — перестань сочинять!

— Ну, может быть, мне и в самом деле могло все это показаться, но после того, что случилось сегодня, выходит, это могло иметь место? — Внезапно она повернулась к Бесс Седжвик:

— Мама! Быть может, ты знаешь, кто хочет убить меня? Есть у меня враг?

— Нет у тебя никаких врагов, — нетерпеливо оборвала ее Бесс Седжвик. — Не будь дурочкой. Никто не собирается тебя убивать.

— Тогда кто же стрелял в меня сегодня?

— В тумане тебя могли принять за кого-то другого. Это вполне возможно, не так ли? — спросила она, обращаясь к старшему инспектору.

— Полагаю, возможно, — отозвался старший инспектор.

Бесс Седжвик посмотрела на него очень пристально. Ему даже почудилось, что она шевельнула губами, беззвучно сказав: «Позже!»

— Однако, — весело предложил он, — вернемся к фактам! Откуда вы появились здесь сегодня вечером? Куда шли в такой туман?

— Утром я была в галерее Тэйт^[50] на лекции по искусству. Потом зашла на ленч к моей подруге Бриджет. Она живет на Онслоу-сквер. После чего мы пошли в кино, а когда оттуда вышли, уже сгустился туман, и я побоялась ехать домой.

— Вы сами водите машину?

— Да. Сдала на права в августе. Пока я еще не очень хорошо вожу и терпеть не могу ехать в тумане. Мама Бриджет предложила мне остаться на ночь у них, я позвонила кузине Милдред, у которой живу в Кенте...

Дед кивнул.

— ...и сказала, что буду ночевать у Бриджет... Она ответила, что это очень мудрое решение.

— А что потом? — спросил Дед.

— Ну а потом туман внезапно рассеялся. И я решила, что все-таки поеду в Кент. Простилась с Бриджет и поехала. Но по дороге туман опять сгустился, я заблудилась и не понимала, где нахожусь. Потом увидела угол Гайд-парка и подумала: «Нет, не могу ехать в Кент!» Сначала хотела вернуться к Бриджет, но боялась снова заблудиться. И тут я сообразила, что совсем рядом этот славный отель, куда привез меня дядя Дерек, когда я вернулась из Италии, и я решила, что там уж, вероятно, найдется для меня номер. Доехать оказалось нетрудно, я нашла место, куда поставить машину, а потом пошла к отелю.

— Вы кого-нибудь встретили или кто-нибудь шел рядом?

— Забавно, что вы это спросили, потому что мне действительно показалось, что кто-то за мной шел. Конечно, мало ли людей ходит по Лондону! Но в тумане это пугает. Я остановилась, прислушалась, шаги как будто затихли, и я решила, что мне это померещилось. Я уже была возле отеля.

— А потом?

— А потом внезапно раздался этот выстрел. Как я уже говорила, пуля просвистела около моего уха. Швейцар, который стоит у дверей отеля, подбежал, оттолкнул меня и потом... И потом еще один выстрел. Он... Он упал, и я закричала.

Эльвира вновь задрожала, — Спокойно, девочка! — сказала Бесс низким, твердым голосом. — Спокойно!

Так Бесс обращалась к своим лошадям, и этот тон оказал должное

воздействие и на ее дочь. Эльвира заморгала, глядя на мать, встряхнулась и успокоилась.

— Умница, — сказала Бесс.

— А потом пришли вы, — продолжала Эльвира, обращаясь к Деду. — Вы засвистели, потом велели полисмену увести меня в отель. Когда я вошла, то увидела.., увидела маму. — Она оглянулась на Бесс Седжвик.

— Скажите, вы знаете человека по имени Ладислав Малиновский? — спросил Дед. Он задал этот вопрос небрежным тоном, как бы между прочим. На Эльвиру Дед не смотрел, но, поскольку слух его был напряжен, от него не ускользнул быстрый, легкий вздох, вырвавшийся у девушки. Он не смотрел на дочь. Он смотрел на мать.

— Нет, — сказала Эльвира почти без заминки. — Нет. Я его не знаю.

— Вот как! А мне казалось, что вы могли бы его знать. Думаю, он мог быть здесь сегодня вечером.

— Да? Почему это?

— А его автомобиль за углом. Поэтому я и подумал, что он здесь.

— Я его не знаю, — повторила Эльвира.

— Значит, я ошибся, — сказал Дед. — Но вы-то его знаете? — Он повернулся к Бесс.

— Еще бы, — ответила Бесс Седжвик. — Знаю много лет. — И с улыбкой добавила:

— Знаете, он сумасшедший. Водит так, что когда-нибудь сломает себе шею. Он уже однажды разбился, полтора года назад.

— Помнится, я об этом читал, — отозвался Дед, — Он ведь больше не выступает, а?

— Пока что нет. И думаю, не будет.

— Можно, я пойду спать? — жалобно попросила Эльвира. — Я... Я ужасно устала.

— Конечно, это вполне понятно, — согласился Дед. — Вы сказали нам все, что вспомнили?

— Да, конечно.

— Я пойду с тобой.

Мать и дочь вышли вместе.

— Она прекрасно его знает! — сказал Дед.

— Вы так думаете, сэр? — спросил сержант Уэдел.

— Уверен. Она пила с ним чай в парке Бэттерси. Их там видела одна старая дама. Была этим встревожена. Сочла, что он не компания для юной девушки. И это истинная правда.

— В особенности если он с ее матерью... — Уэдел не кончил

фразы. — Об этом все говорят.

— Да, я тоже слышал...

— Тогда кто ему нужен — мать или дочь?

Дед, пропустив эту реплику мимо ушей, распорядился:

— Необходимо его задержать. Он мне нужен. Его машина тут за углом.

— Вы полагаете, он остановился в этом отеле?

— Не думаю. Он не вписывается в «Бертрам». Если он сюда явился, то затем, чтобы встретиться с девушкой. А она-то определенно шла на свидание с ним.

Открылась дверь, и появилась Бесс Седжвик.

— Я вернулась, чтобы поговорить с вами. Но нельзя ли без свидетелей?

— Не вижу препятствий. — Старший инспектор Дэви сделал знак, и молодой полицейский, взяв свой блокнот, вышел. За ним последовал сержант Уэдел.

Леди Седжвик уселась за стол напротив Деда.

— Эта идиотская история об отравленных конфетах... Совершенная чепуха. Не верю ни единому слову!

— Считаете, что ваша дочь все это выдумала?

— Да. Но зачем?

— Ну, если вы не знаете зачем, то откуда знать мне? Она ваша дочь. Предполагается, что вы ее знаете лучше, чем я.

— Я совершенно ее не знаю, — с горечью отозвалась Бесс Седжвик. — Я ее не видела и не имела с ней никаких контактов с тех пор, как сбежала от своего мужа, а тогда ей было два года.

— Да-да. Мне это известно. И я нахожу это странным. Ведь вы знаете, леди Седжвик, что суд обычно отдает ребенка матери, коль скоро мать об этом просит, даже будучи стороной виновной. Видимо, вы сами этого не хотели?

— Я решила, что лучше — не надо.

— Почему же?

— Посчитала, что так будет для нее безопаснее.

— С точки зрения морали?

— Нет. Не морали! Адюльтером сегодня никого не удивишь. Дети должны это знать..., к этому легко привыкнуть... Нет., понимаете, находиться рядом с такой, как я, рискованно. Жизнь, какую я веду, опасна. Ничего не могу с собой поделаться — я рождена, чтобы играть с огнем, к тому же я не законопослушна, враг всяческих условностей. И я думала, что для Эльвиры будет лучше, если она получит традиционное английское

воспитание, будет окружена вниманием, заботой...

— Но лишена материнской любви?

— Я думала, что, если она будет любить меня, это принесет ей горе.

Вы можете не верить мне, но именно так я чувствовала.

— Верю. Вы до сих пор считаете, что были правы?

— Нет. Не считаю. Теперь я думаю, что была совершенно не права.

— Ваша дочь знакома с Малиновским?

— Убеждена, что нет. Вы же слышали, что она сказала!

— Слышать-то слышал... Но, понимаете, она была взволнована, испугана. Наша профессия такова, что мы сразу улавливаем, когда собеседник нервничает, боится... Откуда этот страх? Конфеты или что другое, но на жизнь ее покушались. Эта история насчет метро вполне правдоподобна...

— Дичь какая-то. Детективный роман!

— Быть может. И все же подобные вещи случаются, леди Седжвик. Чаще, чем вы думаете. Есть у вас хоть какая-то догадка о том, кто хотел убить вашу дочь?

— Ни малейшей!

Голос ее звучал со страстной убежденностью.

Старший инспектор Дэви вздохнул и покачал головой.

Глава 22

Старший инспектор Дэви терпеливо ждал, когда у миссис Мелфорд иссякнет поток слов. Беседа с этой дамой не дала ровно ничего. Эта кузина Милред мыслила бессвязно, была мелочно подозрительна, и вообще в голове у нее каша. Такое, во всяком случае, сложилось впечатление у Деда. Сведения о прекрасных манерах Эльвиры, ее добром сердце, неприятностях с зубами перемежались недоумением по поводу ее исчезновений и странных оправданий. Из всего рассказанного в конце концов можно было сделать только один вывод, что Бриджет — вряд ли подходящая подруга для Эльвиры. Миссис Мелфорд ничего не знала, ничего не слыхала и, очевидно, не была способна прийти к каким-то выводам.

Телефонный звонок к опекуну Эльвиры полковнику Ласкому дал и того меньше, но, к счастью, полковник оказался немногословным. Положив трубку, Дед пробормотал, обращаясь к сержанту:

— Еще один китайский болванчик: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу!» Беда в том, что все, кто опекают эту девицу, люди старомодного воспитания, которые не допускают мысли о существовании зла. Не то что моя старая дама!

— Из отеля «Бертрам»?

— Именно! Она за свою долгую жизнь научилась распознавать зло и с ним бороться. Ну-с, поглядим, что нам удастся вызнать у этой ее подружки, у Бриджет!

Главная трудность их беседы заключалась, во-первых, во-вторых и в-третьих, в присутствии мамы Бриджет. Старшему инспектору Дэви пришлось пустить в ход все свое умение, такт и даже лесть, чтобы разговаривать с Бриджет без активного участия мамы. Надо признаться, ему в этом помогала, и довольно умело, сама Бриджет. В конце концов она сказала:

— А знаешь, мама, тебе ведь уже пора идти на заседание комитета. Ты говорила, что это очень важно!

— Ах, Боже мой. Боже мой! — запричитала мама.

— Они же там без тебя совершенно запутаются, мамочка!

— Да-да, конечно, но, с другой стороны, быть может, я должна...

— Ради Бога, не беспокойтесь, мэм! — сказал Дэви, придавая своему лицу добрейшее, отеческое выражение. — Идете, куда вам нужно. Все

важные вопросы мы уже обсудили. Остались кое-какие мелочи насчет этого пансиона в Италии, и я думаю, мисс Бриджет сможет мне помочь.

— Ну если ты справишься, Бриджет...

— Справлюсь, мамочка, справлюсь! О Господи! — тяжело вздохнула Бриджет, когда она вернулась к инспектору, затворив за матерью входную дверь. — Нет, в самом деле! Нелегко нам с нашими родительницами!

— Что верно, то верно — согласился старший инспектор. — Многие молодые леди, с которыми мне доводилось встречаться, жаловались на некоторые разногласия в семье... Ну-с, а теперь, я надеюсь, вы сможете рассказать мне побольше.

— Я не могла быть откровенной в мамином присутствии! Но я понимаю, как все это важно. Мне известно, что Эльвира была чем-то ужасно обеспокоена и чего-то боялась.

— Прежде всего, я хотел бы выяснить насчет той коробки конфет. Я понял, что конфеты были отравлены. Бриджет изумленно округлила глаза:

— Отравлены? Нет-нет. Не думаю... Впрочем...

— Так что-то было?

— Ну да. Была коробка конфет, и Эльвира съела их довольно много и в ту же ночь захворала. Сильно захворала.

— И она подозревала, что в конфетах яд?

— Нет. Впрочем, да, она говорила, что кто-то хочет нас отравить, и мы стали рассматривать конфеты, чтобы посмотреть, не трогал ли их кто-нибудь.

— И что же?

— Ничего. Во всяком случае, мы не смогли ничего обнаружить.

— Но ваша подружка, мисс Эльвира, продолжала так думать?

— Возможно, — но ничего такого не говорила.

— Но вы считаете, что Эльвира чего-то опасалась?

— В то время я ничего не замечала. Это было уже здесь, позже.

— А что вы знаете о Гвидо?

Бриджет хихикнула:

— Ох, он жутко влюбился в Эльвиру!

— И вы с вашей подругой с ним встречались.

— Вам я могу сказать. Вы ведь полиция. Такого рода вещи вас не интересуют, и вы поймете. Графиня Мартинелли была жутко строгая или воображала, что строгая. Ну и, конечно, нам приходилось всячески крутиться. И мы все покрывали друг друга. Ну, вы понимаете!

— И приходилось обманывать, надо полагать?

— Приходилось, — признала Бриджет. — А что делать, когда тебя все

время подозревают?

— Итак, вы встречались с Гвидо. Он угрожал Эльвире?

— Да нет, не по-серьезному!

— Быть может, она еще с кем-то встречалась?

— Ну, этого я не знаю.

— Пожалуйста, мисс Бриджет, будьте откровенной. Это может оказаться очень важным!

— Да-да, понимаю. Там был один. Не знаю, кто он, но знаю, что он был небезразличен Эльвире. Она очень серьезно к нему относилась. Это было для нее крайне важно!

— Они встречались?

— Думаю, что да. Она говорила, что встречается с Гвидо, но это не..., всегда был Гвидо. Это был тот, другой.

— Вы имеете представление о том, кто он?

— Нет. — В голосе Бриджет послышалась неуверенность.

— Может быть, автогонщик Ладислав Малиновский?

Бриджет удивленно уставилась на Дэви:

— Так вы знаете?

— Значит, это так?

— Да, как будто. У нее была его фотография, вырезанная из газеты. Она прятала ее в комод под чулками.

— А может, он просто кумир?

— Может, и так, только я не думаю.

— А здесь, в Англии, она с ним встречалась?

— Не знаю. Я не очень-то в курсе того, что она делала, когда вернулась из Италии.

— Она приехала в Лондон к зубному врачу, — быстро подсказал Дэви. — Или так сказала. Вместо этого явилась к вам. Позвонила Мелфордам и что-то наплела о старой гувернантке.

Бриджет отозвалась тихим хихиканьем.

— Значит, это было не правдой? — улыбнулся старший инспектор. — Куда же она поехала на самом деле? После некоторого колебания Бриджет вымолвила:

— В Ирландию.

— В Ирландию? Зачем?

— Не сказала. Сказала лишь, что ей надо кое-что выяснить.

— Вы знаете, в какой именно город в Ирландии она ездила?

— В точности — нет. Но что-то вроде Балли., что-то... Баллигауан, кажется.

— Так. Вы уверены, что она ездила в Ирландию?

— Я сама ее провожала в Кенсингтонский аэропорт.

— А когда она вернулась?

— На следующий день.

— Тоже самолетом?

— Да.

— Вы уверены, что она вернулась самолетом?

— Ну, я так думаю.

— Она брала обратный билет?

— Нет, не брала. Я помню.

— Значит, не обязательно самолет? Не могла ли она, к примеру, вернуться ирландским экспрессом?

— Этого она мне не говорила.

— А говорила ли она вам, что прилетела?

— Нет. Но зачем ехать паромом и поездом, если можно самолетом?

— Ну, если она узнала то, что хотела, и ей нигде было остановиться, возможно, она решила, что ей лучше вернуться поездом.

— Что ж, возможно. Дэви чуть улыбнулся.

— Думаю, что нынешние леди не мыслят себе дороги без самолета.

— Думаю, это так, — согласилась Бриджет.

— Хорошо. Во всяком случае, она вернулась. А затем что произошло? Она пришла к вам или же позвонила? И в какое время дня?

— Позвонила. Это было утром. Что-то вроде одиннадцати или двенадцати утра... Позвонила и спросила, все ли в порядке.

— И все ли было в порядке?

— Ох, нет, не было, потому что, понимаете, позвонила миссис Мелфорд, и к телефону подошла мамочка, все жутко запуталось, и я не знала, что мне говорить. Поэтому Эльвира сказала, что она к нам не придет, а позвонит своей кузине Милдред и что-нибудь ей соврет.

— Это все, что вы знаете?

— Все, — ответила Бриджет, решив и кое-что утаить. Она думала о мистере Болларде и о браслете. Уж об этом-то она не собирается ставить в известность старшего инспектора!

Дед прекрасно понял, что от него что-то скрыли. Он лишь надеялся, что это не имеет существенного значения для дела. И снова спросил:

— Вы действительно считаете, что ваша подруга боялась кого-то или чего-то?

— Да, считаю.

— Она сама говорила вам об этом? Вы ее спрашивали?

— Да, я прямо спросила ее. Сначала она отрицала, а потом созналась, что боится. Так оно и было! Она чувствовала себя в опасности! Но я не знаю, что именно ей угрожало.

— Вы поняли, что ей что-то угрожает, в то утро, когда она вернулась из Ирландии?

— Да. В тот день я это поняла.

— Именно в тот день, когда она могла приехать в Лондон ирландским экспрессом?

— Нет, не думаю, что она ехала поездом. Почему вы ее об этом не спросите?

— Вероятно, спрошу. Но я не хочу пока привлекать к этому ее внимание. Для нее это может быть опасно. Глаза Бриджет расширились.

— Что вы имеете в виду?

— Вы, вероятно, забыли, мисс Бриджет, что именно в ту ночь или, вернее, в то утро было совершено нападение на ирландский экспресс.

— И вы думаете, Эльвира была там и ничего мне об этом не сказала?

— Согласен, что это несколько не правдоподобно. Однако мне сейчас пришло в голову, что она там могла что-то или кого-то увидеть или стать свидетелем инцидента, связанного с этим нападением. Ну, например, она увидела кого-то, кого знала, и это для нее опасно.

— Ах вот как! — сказала Бриджет. И добавила, подумав. — Вы имеете в виду, что какой-то ее знакомый участвовал в ограблении?

Старший инспектор Дэви поднялся со стула.

— Ну, полагаю, это все. Вы уверены, что вам нечего мне больше сказать? Куда, например, ваша подруга ходила в тот день? Или накануне?

Видение — мистер Боллард и Бонд-стрит — вновь промелькнуло перед глазами Бриджет.

— Нет, — ответила она.

— А мне кажется, вы что-то от меня скрываете!

Бриджет радостно ухватила за соломинку.

— Да-да, я забыла. Она ходила к каким-то адвокатам, своим опекунам. Она хотела что-то выяснить.

— Вот как. И вы знаете их фамилии?

— Эгертон... Эгертон, Форбс и еще кто-то. Там много фамилий.

— И что же она хотела выяснить?

— Она хотела узнать, сколько у нее денег.

— Чрезвычайно интересно, — сказал Дэви. — А почему ей самой это было неизвестно?

— Потому, что от нее вечно все скрывали. Почему-то они считают, что

ей лучше не знать, сколько у нее денег.

— А ей необходимо было это выяснить, так?

— Да, — ответила Бриджет. — Думаю, она считала, что это очень важно.

— Что ж, благодарю вас. Вы очень помогли мне.

Глава 23

Ричард Эгертон снова посмотрел на удостоверение, лежавшее перед ним, затем поднял взгляд на старшего инспектора Дэви.

— Отель «Бертрам», — сказал Эгертон. — Туман. Да, вчера ночью был плотный туман. В такой туман многое можно сотворить. Вырвать сумку, например?

— Все было не совсем так, — откликнулся Дед. — У мисс Блейк никто ничего не пытался отобрать.

— Откуда в нее стреляли?

— Из-за тумана у нас нет твердой уверенности. Она и сама как следует не знает. Но нам кажется, что стреляли из цветника у черного хода отеля.

— Вы говорите, что стреляли дважды?

— Да. Один раз промахнулись. Швейцар кинулся к ней и заслонил ее своим телом как раз во время второго выстрела.

— Храбрый малый!

— Да. Храбрый. Он бывший военный. У него превосходный послужной список. Ирландец. Звали его Майкл Горман.

— Майкл Горман, — нахмурился Эгертон. — Да нет. — И добавил:

— Мне вдруг показалось, что это имя мне знакомо.

— Распространенная фамилия. Так или иначе, он спас ей жизнь.

— А почему, собственно, вы пришли ко мне, инспектор?

— В надежде получить кое-какие сведения. Мы всегда стараемся получить как можно больше информации относительно лица, на жизнь которого покушались.

— Понятно, понятно. Но я лишь однажды видел Эльвиру с тех пор, как она стала взрослой.

— Она была у вас неделю назад?

— Именно так. Что, собственно, вы хотите знать? Если речь идет о ее характере, подругах, приятелях, любовных ссорах и прочих подобных вещах, обратитесь лучше к кому-нибудь из женщин, к миссис Карпентер, например, которая привезла ее из Италии, или к миссис Мелфорд, у которой она живет в Кенте.

— Миссис Мелфорд я видел. Толку никакого. И не характер девушки меня интересует, в конце концов, я и сам ее видел, сам слышал то, что она могла или, скорее, пожелала мне сообщить...

Быстрое движение бровей мистера Эгертона дало понять старшему

инспектору, что тот верно понял слово «пожелала».

— Мне сообщили, что она была обеспокоена, встревожена, чего-то боялась и была убеждена, что жизнь ее в опасности. Создалось ли у вас такое же впечатление?

— Нет, — медленно протянул Эгертон. — Нет, я этого не почувствовал, хотя кое-что мне показалось странным.

— А именно?

— Она хотела узнать, кто унаследует ее состояние в случае ее внезапной смерти.

— Вот как! Значит, она думала о том, что может внезапно погибнуть! Интересно!

— Она также хотела узнать, сколько у нее денег или сколько их будет, когда ей исполнится двадцать один год.

— Куча денег, надо думать?

— Это очень крупное состояние, инспектор.

— А почему ей хотелось это выяснить?

— Насчет денег?

— И насчет того, кто их унаследует.

— Не знаю, — ответил Эгертон. — Даже не представляю. Она также коснулась вопроса о браке...

— Не создается ли у вас впечатления, что тут замешан мужчина?

— Доказательств у меня, конечно, нет, но кажется, что — да. Я убежден, что у нее есть какой-то приятель на стороне. Обычно так и бывает! Ее опекун, полковник Лас-ком, ничего об этом не знал. Но доброму старому Дереку Ласкому вообще невдомек, что у девицы может быть дружок, и к тому же неподобающий.

— Он и есть неподобающий, — сказал Дэви.

— Вот как. Значит, вам известно, кто он?

— Я в этом почти уверен. Ладислав Малиновский.

— Автогонщик? В самом деле! Красивый черт! Нравится женщинам. Интересно, где он мог с ней познакомиться?

Разве что в Риме пару месяцев назад?

— Очень возможно. А быть может, их, познакомила ее мать?

— Бесс? Нет, это исключено. Дэви кашлянул.

— Говорят, что леди Седжвик и Малиновский — близкие друзья?

— Да-да. Я слышал. Может, это правда, а может, и нет. Они друзья, их жизненные пути часто пересекаются. У Бесс, конечно, немало романов, но она отнюдь не легкомысленная. Людям нравится всякое болтать, но относительно Бесс, не думаю, что это правда. Кроме того, насколько я

знаю, Бесс и ее дочь фактически не знакомы друг с другом.

— Да, леди Седжвик мне это говорила. А какие еще родственники есть у мисс Блейк?

— Собственно говоря, никаких. Два брата ее матери погибли на войне, а Эльвира — единственный ребенок старого Конистона. Хотя Эльвира зовет миссис Мелфорд кузиной, на деле она кузина полковника Ласкома. Ласком делал для девочки все что мог — на свой, старомодный лад, конечно — но это очень непросто.., для мужчины.

— Итак, вы сказали, что мисс Блейк затронула вопрос о браке. Вы не думаете, что она уже замужем?

— Она же несовершеннолетняя, тут нужно согласие опекунов...

— Юридически. Но молодые люди иногда обходятся и без этого.

— Знаю. И это очень печально.

— А если она замужем, — сказал Дед, — в этом случае, если она внезапно погибает, наследник — ее муж?

— Нет, этого не может быть! Об Эльвире прекрасно заботились, за ней смотрели...

Эгертон внезапно осекся, увидев циничную усмешку на лице старшего инспектора. Как бы за ней ни смотрели, она сумела-таки завязать знакомство с абсолютно неподходящим ей Малиновским...

И задумчиво произнес:

— Правда, ее мать в свое время сбежала...

— Мать сбежала, это так, это в ее духе, но мисс Блейк — иной характер. Она добивается своего с тем же упорством, но другими средствами.

— Уж не думаете ли вы?..

— Пока я ничего не думаю, — ответил старший инспектор Дэви.

Глава 24

Ладислав Малиновский взглянул сначала на одного полицейского, потом — на другого, откинул голову и захохотал.

— Чрезвычайно забавно! Вид у вас торжественный, будто у двух филинов! С чего это вам вдруг вздумалось меня вызывать? Никаких обвинений вы предъявить мне не можете. Никаких!

— Мы думаем, что вы нам поможете в наших расследованиях, мистер Малиновский, — ответил старший инспектор Дэви с официальной любезностью. — Вы владелец автомобиля «Мерседес-Отто» с номером FAN—2266?

— А есть причины, по которым мне нельзя иметь такой номер?

— Никаких причин, сэр. Но вот небольшое недоразумение с номерными знаками. Когда ваш автомобиль был на шоссе М—7, он имел иной номерной знак.

— Чепуха! Это был какой-то другой автомобиль.

— Автомобилей этой марки очень немного. Остальные мы уже проверили.

— Вы принимаете за чистую монету все, что ни наговорит дорожная полиция! Курам на смех! Где именно это было?

— Место, где вас остановили, чтобы проверить документы, было неподалеку от Бедхэмптона. В ночь разбойного нападения на ирландский экспресс.

— Право, вы меня забавляете, — сказал Малиновский.

— У вас есть револьвер?

— Конечно. И револьвер, и маленький самозарядный пистолет. И разрешения на них тоже имеются.

— Верно. И они оба у вас до сих пор?

— Разумеется!

— Так. Я вас уже предупреждал, мистер Малиновский.

— А-а, пресловутое полицейское предупреждение! Все сказанное вами может быть использовано против вас в суде.

— Не совсем точно, — мягко возразил Дед. — Да, использовано, только не против. Вы не изменили своего мнения на сей счет?

— Нет, не изменил.

— И вы не хотите пригласить своего адвоката?

— Терпеть не могу адвокатов!

— Что ж, есть люди, которые не любят адвокатов. Так где же ваше оружие?

— Полагаю, вы и сами прекрасно знаете! Пистолет — в бьюварном ящичке моего автомобиля, того самого «Мерседеса-Отто», номер FAN—2266. А револьвер — дома, в ящичке стола.

— Насчет второго вы правы. А вот что касается пистолета — его в вашем автомобиле нет.

— А я говорю — он там! Слева!

Дед покачал головой.

— Возможно, он там когда-то и был. Но сейчас его там нет. Это он, мистер Малиновский?

Он протянул через стол маленький пистолет. Ладислав Малиновский с изумлением взял его в руки.

— Да-да. Это он. Вы его взяли из автомобиля?

— Нет, мы его не брали. Мы нашли его в другом месте.

— Где?

— Мы нашли его на участке Понд-стрит, а эта улица, как вам известно, находится возле Парк-лейн. Его мог выронить идущий или бегущий по этой улице человек.

Ладислав Малиновский пожал плечами.

— Никакого отношения ко мне это не имеет! Я его не ронял. Он лежал в моем автомобиле. Во всяком случае, он был там пару дней назад. Никто же не проверяет каждую минуту, там ли положенная им вещь!

— Известно ли вам, что из этого пистолета стреляли в Майкла Гормана в ночь на двадцать шестое ноября?

— Майкл Горман? Не знаю я никакого Майкла Гормана.

— Швейцар в отеле «Бертрам».

— Ах, это тот, кого убили! Я читал об этом. И вы уверяете, что стреляли из моего пистолета? Чепуха!

— Это не чепуха. Это установлено баллистической экспертизой. Вы достаточно разбираетесь в огнестрельном оружии, чтобы знать — на эту экспертизу можно положиться.

— Шьете мне убийство, да? Знаем вас, полицейских!

— Видимо, вы хорошо знакомы с нашей полицией, мистер Малиновский?

— Вы что же, считаете, это я застрелил Гормана?

— Пока мы лишь ждем ваших показаний. Обвинение еще не предъявлено.

— Однако вы думаете, что я застрелил этого ряженого в военной

форме? С какой стати? Денег я у него не одалживал. Зла против него не имел!

— Убить хотели молодую леди. Горман заслонил ее собой и получил пулю в грудь. Речь идет о мисс Эльвире Блейк, Мне кажется, вы ее знаете.

— Вы хотите сказать, что кто-то намеревался убить Эльвиру из моего пистолета?

— Вы могли с ней поссориться.

— Вы думаете, что я поругался с Эльвирой и стрелял в нее? Какая дичь! С чего бы я стал стрелять в девушку, на которой собираюсь жениться?

— Вы заявляете это официально? Что собираетесь жениться на мисс Блейк?

Секунду-другую Малиновский колебался. Затем, пожав плечами, сказал:

— Она еще слишком молода. Окончательно это не решено.

— Может, она обещала выйти за вас, а потом раздумала? Она кого-то боялась, мистер Малиновский. Не вас ли?

— Зачем мне было желать ее смерти? Либо я влюблен в нее и хочу жениться, либо нет и делать этого не обязан. Все так просто! К чему же мне ее убивать?

— Слишком мал круг лиц, которых можно назвать ближайшими родственниками и которые могли бы желать ее смерти. — Дэви сделал маленькую паузу и затем добавил почти небрежно:

— Ну, есть, конечно, ее мать.

— Что? — Малиновский вскочил. — Бесс? Бесс убивает собственную дочь? Да вы с ума сошли! Зачем Бесс убивать Эльвиру?

— Она ее ближайшая родственница и, значит, наследница огромного состояния.

— Бесс? Бесс убивает ее из-за денег? Да у нее полно денег от ее американского мужа. Достаточно, во всяком случае.

— Достаточно — не то же самое, что огромное состояние! — заметил Дед. — Из-за таких денег люди, случается, убивают, матери детей, дети родителей.

— Я говорю вам, вы сошли с ума!

— Так вы говорили, что, быть может, женитесь на мисс Блейк? А вдруг вы уже на ней женаты? Тогда бы вам достались все ее деньги!

— Какой еще вздор придет вам в голову? Нет, я не женат на Эльвире. Она красивая девушка. Она мне нравится, и она в меня влюблена. Да, это я признаю. Мы с ней познакомились в Италии. Хорошо провели время. И

ничего больше — вы меня поняли?

— В самом деле? Но вы только что сказали, что собираетесь на ней жениться?

— Вроде того.

— Вроде чего?

— Сказал потому, что это звучит благопристойно. Ведь вы все такие ханжи в этой стране.

— Это объяснение не кажется мне удовлетворительным.

— Да вы ровно ничего не понимаете! Ее мать и я — мы любовники, я не хотел этого говорить, а потому сказал, что собираюсь жениться на дочери. Звучит вполне по-английски и вполне пристойно.

— Однако не совсем правдоподобно... Вы очень нуждаетесь в деньгах, мистер Малиновский?

— Дорогой мой инспектор, я всегда нуждаюсь в деньгах. Это очень печально.

— И все же, насколько я знаю, несколько месяцев назад вы буквально сорили деньгами.

— А, у меня была полоса удач. Я ведь игрок. Это я признаю.

— Ну. И что же это за полоса удач?

— Этого не скажу, на это можете не рассчитывать!

— А я и не рассчитываю.

— Еще есть ко мне вопросы?

— Пока нет. Вы признали, что пистолет ваш. Это очень важно.

— Не понимаю... Не возьму в толк... — Он не кончил фразы и протянул руку:

— Верните мне его, пожалуйста.

— Боюсь, его нам придется пока попридержать, я сейчас дам вам расписку.

Старший инспектор написал расписку и протянул ее Малиновскому. Тот вышел, хлопнув дверью.

— Темпераментный малый! — заметил Дед.

— Вы как-то деликатно с ним насчет фальшивого номера?

— Не хочу, чтобы он уж слишком дергался. Мы ему и, так дали достаточно причин для беспокойства. И он обеспокоен.

— Шеф желает видеть вас, сэр, как только вы освободитесь.

Дэви кивнул и отправился к сэру Рональду.

— А, Дед! Ну как подвигается дело?

— Неплохо, в сеть уже кое-что попало. Правда, пока мелкая рыбешка. Но подбираемся к более крупной. Все идет по плану...

— Молодец, Фред!

Глава 25

Мисс Марпл, выйдя из вагона на Паддингтонском вокзале, увидела плотную фигуру старшего инспектора Дэви, стоявшего на платформе.

— Очень мило с вашей стороны, мисс Марпл! — сказал он и, взяв ее под локоть, провел через вокзал к ожидавшей их машине.

— Куда вы меня везете, инспектор?

— В отель «Бертрам».

— Как, опять? Зачем?

— Если официально, то полиция считает, что вы можете ей помочь.

— Звучит знакомо, но как-то мрачновато. Обычно так говорят перед тем, как арестовать.

— Я не собираюсь арестовывать вас, мисс Марпл, — улыбнулся Дед. — У вас есть алиби.

Мисс Марпл молча переваривала эту информацию, потом ответила:

— Понимаю.

Всю дорогу оба хранили молчание. Когда они вошли в «Бертрам», мисс Гориндж подняла голову от стола, но Дед повел мисс Марпл мимо нее прямо к лифту.

Лифт остановился на втором этаже, и Дед отворил дверь номера восемнадцать.

— Ведь это та самая комната, в которой я останавливалась, когда жила в отеле!

— Именно, — сказал Дед. Мисс Марпл уселась в кресло.

— Очень удобная комната, — вздохнула она.

— Да, в удобствах они знают толк, — согласился Дед.

— А у вас усталый вид, инспектор!

— Пришлось побегать... Между прочим, я только что из Ирландии.

— В самом деле? Из Баллигауана?

— Но откуда, черт побери, вам известно о Баллигауане? Ох, ради Бога, извините! (Мисс Марпл улыбнулась, извиняя.) По-видимому, Майкл Горман сообщил вам, откуда он родом?

— Нет, не совсем.

— Тогда, каким же образом, — извините, что спрашиваю, — каким образом вы это узнали?

— О Господи, — сказала мисс Марпл, — как-то неловко признаться... Я., случайно услышала.

— Вот как!

— Нет, я не подслушивала. Это было в общественном месте. Признаться откровенно, я люблю вникать в то, о чем говорят другие. Это интересно. Особенно когда ты стар и мало куда выходишь. Я имею в виду: если рядом с вами говорят, то невольно слушаешь.

— Ну что ж, вполне естественно, — согласился Дед.

— До какой-то степени — да. Если говорящие не понижают голоса, значит, скрывать им нечего. Но, конечно, бывает и по-другому. Иной раз возникает такая ситуация, когда собеседники и не подозревают, что кто-то находится рядом. И тут постороннему надо решить, что делать. Либо обозначить свое присутствие, либо затаиться в надежде, что ваше присутствие не будет обнаружено. Положение — и в том и в другом случае — неловкое!

Инспектор Дэви взглянул на часы:

— Вот что. Я бы хотел узнать об этом подробнее... Но с минуты на минуту должен прийти каноник Пеннифазер. Я должен его встретить. Не возражаете?

Мисс Марпл не возражала, и инспектор вышел из номера.

Каноник Пеннифазер вошел через вращающуюся дверь в холл отеля «Бертрам». Он слегка нахмурился, стараясь сообразить, что именно переменилось в отеле. Быть может, тут был ремонт и стены окрашены иначе? Нет, дело не в этом. А в том, что на месте высокого голубоглазого и темноволосого швейцара стоял человек среднего роста, узкоплечий, веснушчатый, с прядью песочных волос, ниспадающей из-под фуражки. Но этого каноник не понял, он просто почувствовал: что-то тут изменилось.

— Каноник Пеннифазер, как я рада вас видеть! — приветствовала его мисс Гориндж. — Вы приехали за своими вещами? Если бы вы дали нам знать, мы бы отправили их по любому адресу!

— Спасибо. Большое спасибо, мисс Гориндж. Но мне все равно необходимо сегодня быть в Лондоне, и я решил, что уж заодно заберу вещи.

— Мы так о вас беспокоились! Вы же исчезли! Никто не мог вас разыскать. Попали под машину, я слышала?

— Да-да. Многие в наше время увлекаются быстрой ездой. Очень опасно! Впрочем, я ничего не помню. Доктор сказал, сотрясение мозга... Ну а как вы поживаете, мисс Гориндж?

— О, прекрасно!

В эту секунду каноник Пеннифазер увидел, что и мисс Гориндж

изменилась. Он уставился на нее, стараясь понять, в чем дело. Волосы? Нет, они были прежними. Даже еще более завитыми. Черное платье, медальон, брошка с камеей. Все как обычно. Но что-то изменилось. Похудела, быть может? Или же... Да-да, конечно, она чем-то встревожена. Не так уж часто каноник Пеннифазер замечал беспокойство или иные эмоции на лицах людей — наблюдательностью он не отличался, но встревоженность мисс Гориндж он заметил, видимо, потому, что в течение многих лет лицо ее, обращенное к постояльцам отеля, хранило одно и то же неизменно-любезное выражение.

— Надеюсь, вы не были больны? — заботливо осведомился он. — Мне кажется, вы похудели.

— У нас тут было много всяких волнений.

— В самом деле? Очень, очень жаль. Надеюсь, не из-за моего исчезновения?

— Нет-нет. Мы беспокоились, конечно, но, когда узнали, что вас нашли... Нет, тут дело в другом. Вы, вероятно, читали в газетах. Убили нашего швейцара Гормана.

— Ах да! Вспомнил. Я читал, что у вас тут случилось убийство.

Слово «убийство» заставило мисс Гориндж вздрогнуть.

— Ужасно, — сказала она, — ужасно! Такого в отеле «Бертрам» не случалось никогда! Это не тот отель, где могут быть убийства.

— Разумеется, разумеется, — поспешил согласиться каноник. — Мне и в голову не могло прийти, что такое может произойти здесь!

— Ну, конечно, это случилось не в помещении отеля, — сказала мисс Гориндж, немного воспрянув от мысли, что можно взглянуть на дело и с такой точки зрения, — это случилось на улице!

— Значит, к вам это отношения не имеет! — попытался утешить ее каноник.

Но, очевидно, и эти слова были не слишком уместны...

— Да нет, имеет! У нас тут полиция, всех опрашивают, — убили-то нашего швейцара!

— А-а, так у вас там стоит новый человек! То-то я заметил какую-то перемену. Теперь я припоминаю, — добавил каноник, стараясь соединить в единую картину смутно отложившиеся в памяти обрывки газетных статей, которые он читал неделю тому назад. — Но я-то не так понял, думал что убили девушку!

— Вы о дочери леди Седжвик? Ведь вы ее тут, вероятно, в свое время видели в обществе полковника Ласкома. Похоже, на нее кто-то напал воспользовавшись туманом. Думаю, хотели вырвать сумку. Во всяком

случае, в нее стреляли, а Горман, как истый солдат, кинулся к ней, заслонил ее и сам был убит, бедняга!

— Очень жаль, очень. — Каноник покачал головой. — Это так все осложнило, — посетовала мисс Гориндж. — Я хочу сказать, теперь в отеле полно полиции, ходят туда-сюда. Это и понятно, но нам-то каково, кому это может нравиться, хотя и старший инспектор Дэви, и сержант Уэдел очень достойные люди. Ходят в штатском, одеты прилично, не то что, знаете, эти в сапогах и макинтошах, которых видишь в кино... Ну а вы что, были в больнице?

— Нет, меня подобрали и выходили одни очень добрые люди, огородник и его жена. Так утешительно знать, что еще есть на свете человеческая доброта, вы не находите?

Мисс Гориндж тоже находила, что это очень утешительно.

— Особенно когда читаешь о росте преступности, — добавила она, — обо всех этих ужасных юношах и девушках, грабящих банки, нападающих на поезда... — Она не кончила фразы. — Вон инспектор Дэви спускается по лестнице. Мне кажется, он хочет с вами поговорить.

— Не понимаю, зачем я ему понадобился? — озадаченно произнес каноник. — Он уже говорил со мной, он был у меня в Чедминстере. И очень огорчился, что я ничего не смог ему сообщить!

— В самом деле?

— Не мог припомнить! — Каноник покачал головой. — Машина сбила меня около какого-то Бедхэмптона, а я понятия не имею, каким образом там очутился! Старший инспектор почему-то думает, что я ехал на автомобиле к себе домой из какого-то места около железнодорожной станции.

— Что ж, очень возможно, — сказала мисс Гориндж.

— Нет, это совершенно невозможно! С чего бы я вдруг оказался в местах, совершенно мне неизвестных?

Подошел старший инспектор Дэви.

— Вот и вы, каноник! Совсем поправились?

— Чувствую себя неплохо, но головные боли все еще не прекратились. Врачи говорят, чтобы я не переутомлялся. И ведь до сих пор ничего не могу вспомнить. Доктор говорит, что, быть может, никогда и не вспомню!

— Никогда не теряйте надежды! — Старший инспектор отвел каноника в сторону. — Мне необходимо проделать маленький эксперимент. Вы не откажетесь помочь?

Когда старший инспектор Дэви открыл дверь восемнадцатого номера,

мисс Марпл все еще сидела в кресле у окна.

— Оченьлюдно сегодня на улице, — заметила она. — Народу больше, чем обычно.

— А, это потому, что через Беркли-сквер^[51] идут на рынок Шеперд.

— Я не о прохожих! Тут много рабочих: чинят мостовую, вон стоит фургон, который посылают для ремонта телефонных аппаратов, и другой, в котором мясо возят, а кроме того, еще два легковых автомобиля...

— Позвольте узнать, к каким же выводам вы пришли?

— Разве я сказала, что пришла к каким-то выводам!

Дед глянул на нее, затем сказал:

— Я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Я ради этого тут и нахожусь. Что я должна сделать?

— Все то же, что и в ночь на девятнадцатое. Вы спали, затем проснулись, по-видимому разбуженная каким-то необычным шумом. Зажгли лампу, взглянули на часы, встали с постели, открыли дверь и выглянули в коридор. Можете вы все это повторить?

— Конечно, — сказала мисс Марпл. Она встала и направилась к кровати.

— Минуточку!

Инспектор Дэви постучал в стену соседнего номера.

— Стучите громче, — сказала мисс Марпл. — В этом доме добротные стены.

Старший инспектор постучал снова, сказав:

— Я просил каноника Пеннифазера сосчитать до десяти. Ну — отправляйтесь!

Мисс Марпл притронулась к выключателю, взглянула на воображаемые часы, пошла к двери и, открыв ее, выглянула в коридор. Справа от нее из соседнего номера вышел каноник Пеннифазер и направился к лестнице, по которой начал спускаться. Мисс Марпл, тихонько охнув, повернулась к Деду.

— Итак? — спросил тот.

— Человек, которого я видела в ту ночь, не мог быть каноником Пеннифазером. Если только этот действительно Пеннифазер... Да-да, я утверждала, что тогда из номера выходил каноник. Те же волосы, одежда... Но походка! Мне кажется, что тот был моложе. Простите, мне очень жаль, что я ввела вас в заблуждение!

— Но сейчас-то вы совершенно уверены, мисс Марпл?

— Да, совершенно. Еще раз простите!

— Вы оказались почти правы. Каноник Пеннифазер действительно

вернулся в ту ночь в отель. Никто не видел, как он вошел, но это и неудивительно — он вернулся после полуночи. Он поднялся по лестнице, открыл дверь своего номера и... Что он там увидел, что произошло дальше, мы не знаем, потому что он не может или.., не хочет об этом сказать! Как бы нам помочь ему вспомнить!

— Есть такое немецкое слово... — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Ах, Боже, забыла, но...

В дверь постучали. Вошел каноник Пеннифазер:

— Ну как ваш эксперимент? Удался?

— Вполне, — ответил Дед. — Вы знакомы с мисс Марпл?

— Да-да, — пробормотал каноник, не совсем, впрочем, уверенно.

— Я только что рассказывал мисс Марпл о том, как нам удалось установить, что вы делали в ту ночь. Вы вернулись в отель после полуночи. Поднялись наверх, открыли дверь своего номера и...

Дед замолчал.

— Вспомнила! — воскликнула мисс Марпл. — Вспомнила это немецкое слово. Doppelganger!^[52]

Тут вскрикнул каноник Пеннифазер:

— Ну конечно же, конечно! Как я мог забыть? Вы совершенно правы! После фильма «У стен иерихонских» я вернулся сюда, открыл дверь своего номера и увидел... Это поразительно, но увидел самого себя, сидевшего на стуле лицом к двери, Doppelganger, как вы правильно заметили, милая дама! Удивительно! А затем, дайте вспомнить...

Он поднял глаза к потолку, стараясь припомнить.

— А затем, — сказал Дед, — кто-то, насмерть перепугавшись, что вы здесь, в то время как должны были бы находиться в Люцерне, кто-то ударил вас по голове.

Глава 26

Каноник Пеннифазер был усажен в такси и отвезен в Британский музей. Старший инспектор проводил мисс Марпл в холл и попросил подождать минут десять, если она не возражает. Мисс Марпл не возражала. Ей самой хотелось спокойно посидеть, поглядеть и подумать.

Отель «Бертрам». Сколько воспоминаний! Прошлое смешивалось с настоящим. Сама собой пришла на ум французская поговорка: *Plus la change, plus s'est la meme chose*.^[53] И она тут же мысленно ее переделала: *Plus c'est la meme chose, plus la change*.^[54] Как все грустно: жаль и себя, и отель «Бертрам»... Чего, интересно знать, хочет от нее инспектор? Она чувствовала, что он вдохновлен близостью цели. Его планы вот-вот осуществятся.

А жизнь отеля текла своим чередом. Впрочем, нет, решила мисс Марпл, не совсем. Она, однако, не могла определить, в чем выражается это «не совсем». Быть может, в витающем повсюду беспокойстве?

Появился старший инспектор Дэви.

— А сейчас мы с вами посетим леди Седжвик.

— Она в отеле?

— Да. Вместе с дочерью.

Мисс Марпл поднялась, огляделась и пробормотала:

— Бедный «Бертрам»!

— Что хотите этим сказать?

— Мне кажется, вы меня поняли.

— Ну, если встать на вашу позицию, — наверное, понял.

— Всегда грустно видеть, как гибнет произведение искусства.

— Вы находите, что этот отель — произведение искусства?

— Несомненно. И вы тоже.

— Пожалуй, — согласился Дед.

— Это как если в живую изгородь попадет бузина. Уже ничего не поделаешь, надо брать заступ и выкорчевывать.

— В этом я мало смыслю. Но если сравнить с гнилью в дереве — то тут я с вами согласен.

Они поднялись на лифте и прошли в конец коридора, к двери углового номера из нескольких комнат. Старший инспектор Дэви, предварительно постучав и получив разрешение, вошел в комнату, за ним последовала мисс Марпл.

Бесс Седжвик сидела у окна на стуле с высокой спин-коп. На коленях у нее была книга, которую она не читала.

— Итак, это снова вы, инспектор! — Ее глаза остановились на мисс Марпл и выразили легкое удивление.

— Это мисс Марпл, — пояснил Дед. — Мисс Марпл — леди Седжвик.

— Я видела вас на днях, — сказала Бесс Седжвик, — вы были с Сединой Хейзи. Садитесь, пожалуйста. — Она повернулась к Деду:

— Какие у вас новости о человеке, стрелявшем в Эльвиру?

— Ну, новостями это, пожалуй, не назовешь.

— Сомневаюсь, что вам вообще удастся что-то узнать.

В такой туман хищники выходят на промысел и нападают на одиноких женщин...

— Именно. А как себя чувствует ваша дочь?

— Эльвира вполне оправилась.

— Она с вами?

— Да. Я позвонила ее опекуну полковнику Ласкому.

Он страшно обрадовался, что я решила взять на себя заботу об Эльвире, — Она внезапно рассмеялась. — Милый старик! Он давно мечтал, чтобы мать и дочь были вместе.

— Возможно, он прав, — сказал Дед.

— Ах, нет. Он не прав. В настоящий момент, да, согласна, это — самое лучшее. — Она отвернулась к окну и сказала изменившимся голосом:

— Я слышала, что вы арестовали моего друга Ладислава Малиновского. В чем его обвиняют?

— Он не арестован, — поправил ее Дэви. — Он просто помогает нам в нашем расследовании.

— Я послала ему моего адвоката.

— Вы сделали очень правильно, — одобрил Дед, — всем, у кого возникают недоразумения с полицией, следует иметь адвоката. Чтобы не навредить себе.

— Даже если он ни в чем не виновен?

— В этом случае адвокат, быть может, еще более необходим!

— А вы, я вижу, циник. Так что вы хотите от него узнать? Если я, конечно, вправе задать такой вопрос?

— Прежде всего, мы хотели выяснить, что он делал в тот вечер, когда убили Майкла Гормана.

Бесс Седжвик резко выпрямилась на стуле.

— Неужели вам взбрела в голову нелепая мысль, что Ладислав мог стрелять в Эльвиру? Они даже не знают друг друга!

— Мог. Его автомобиль стоял как раз за углом.

— Вздор!

— Скажите, леди Седжвик, как повлияли на вас события того вечера?

На лице ее выразилось легкое удивление.

— Естественно, я была расстроена — ведь мою дочь едва не убили. А чего, собственно, вы ожидали?

— Я не это имел в виду. Как повлияла на вас смерть Гормана?

— Мне было жаль его. Он храбрый человек.

— И это все?

— А что еще я должна, по-вашему, сказать?

— Ведь вы знали его, не так ли?

— Конечно. Он здесь работал.

— Не будем играть в прятки, леди Седжвик. Он был вашим мужем, ведь так?

Она немного помолчала, но не выказала ни волнения, ни удивления.

— А вы многое знаете, инспектор! — Она вздохнула и откинулась на спинку стула. — Я не видела его..., сколько же? Двадцать, нет, больше двадцати лет. И однажды выглянув из окна отеля, узнала его.

— А он узнал вас?

— Как ни удивительно, мы узнали друг друга. А вместе были всего лишь неделю. А потом нас нагнала моя семья, они дали ему денег и увезли меня домой. — Она вздохнула. — Я была совсем молоденькой, когда бежала с ним. Этакой дурочкой, с головой, набитой романтическими бреднями. Он казался мне героем, даже не знаю почему. Наверное, главным образом потому, что был прекрасным наездником. Он не знал, что такое страх. И был красив и забавен со своим ирландским юмором. Но это я надумала бежать с ним. Сомневаюсь, чтобы ему это могло прийти в голову! Я была сумасбродной, упрямой и к тому же страстно влюбленной. — Она покачала головой. — Но это продолжалось недолго. Одних суток хватило, чтобы я разочаровалась в нем. Он пил, был груб и необуздан. Когда примчались мои, и увезли меня, честное слово, я была рада. И с тех пор я не хотела ни видеть его, ни слышать о нем.

— Ваша семья знала, что вы с ним поженились?

— Нет.

— Вы это скрыли?

— Я не думала, что этот брак был настоящим.

— Как же это выяснилось?

— Мы поженились в Баллигауане, но, когда явилась моя семья, Микки

сказал мне.» что брак наш фиктивный. Он и его дружки якобы это состряпали. В то время я поверила. То ли он хотел потом тянуть деньги, то ли испугался, что нарушил закон, женившись на несовершеннолетней, — не знаю. Но так или иначе, я ему тогда поверила.

— А позже?

— Спустя много лет, когда я лучше стала понимать жизнь и разбираться в законах, мне внезапно пришло в голову, что на самом деле я до сих пор официально замужем за Микки Горманом!

— Значит, в брак с лордом Конистоном вы вступили при живом муже, нарушив закон?

— И еще раз нарушила, когда вышла за Джонни Седжвика, а потом, когда вышла за моего последнего мужа Риджуэя Беккера!

Тут, взглянув на старшего инспектора, она искренне расхохоталась:

— Вот какая я многоженица! Даже смешно!

— Вы не думали о том, чтобы развестись?

Она пожала плечами:

— Это казалось мне какой-то небывальщиной. Зачем все ворошить?.. Правда, Джонни я рассказала. — При упоминании этого имени голос ее смягчился.

— И как он к этому отнесся?

— А никак. Ни Джонни, ни я никогда не были особенно законопослушными!

— А ведь двоемужество карается законом, леди Седжвик!

Она взглянула на него и вновь рассмеялась.

— Кому какое дело до того, что произошло в Ирландии много лет тому назад? Микки взял деньги и исчез. Неужели вы не понимаете? Это был просто маленький несуразный инцидент, который я хотела забыть. Я предпочитаю не помнить того, что осложняет мне жизнь.

— Но затем, — сказал Дед спокойным голосом, — в один ноябрьский день Майкл Горман вновь возник на вашем пути и хотел вас шантажировать?

— Чепуха! Кто сказал, что он меня шантажировал?

Взгляд Деда медленно обратился в сторону старой дамы, прямо и спокойно сидевшей на стуле.

— Вы! — Бесс Седжвик уставилась на мисс Марпл. — Что вы об этом знаете?

Не упрек, а скорее любопытство слышалось в ее голосе.

— У кресел в этом отеле очень высокие спинки, — сказала мисс Марпл. — Я сидела в одном из них, в читальне. Вы пришли туда, чтобы

написать письмо. По-видимому, вы не знали, что в комнате есть кто-то еще. И таким образом, я услышала ваш разговор с мистером Горманом.

— Вы слушали?

— Естественно. Почему бы нет? Это было в читальне, открытой для всех. Когда вы высунулись в окно и окликнули человека, стоявшего на улице, я понятия не имела, что разговор ваш будет интимным.

Бесс секунду глядела на мисс Марпл, затем кивнула.

— Что ж, справедливо. Да, все ясно. Но все же вы не поняли того, что слышали. Микки не шантажировал меня. Он мог бы это сделать, но я его вовремя одернула! — На губах Бесс появилась та широкая, открытая улыбка, которая делала лицо ее столь привлекательным. — Я ему пригрозила!

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Пригрозили. Вы пригрозили, что убьете его. Но не я одна слышала этот разговор.

Брови Бесс Седжвик изумленно поползли вверх.

— Господи милосердный! Это что же, нас слушал весь отель?

— Другое кресло тоже было занято.

— Кем?

Мисс Марпл взглянула на старшего инспектора Дэви, и взгляд ее почти умолял: «Если так нужно, сделайте это сами, а я не могу!»

— В другом кресле сидела ваша дочь, — сказал Дэви.

— Ах, нет! — вскрикнула Бесс Седжвик. — Нет! Только не Эльвира! Да-да, я понимаю, да... Она могла всерьез подумать...

— Она восприняла услышанное настолько серьезно, что отправилась в Ирландию узнать истину. И узнать ее было нетрудно.

Бесс Седжвик вновь произнесла «Ах, нет!» тихим голосом и затем:

— Бедная девочка... И ведь даже теперь она ни о чем не спросила меня. Держит все в себе. А спроси она меня, я бы объяснила ей, что все это не имеет никакого значения!

— А она могла бы с вами не согласиться, — сказал Дэви. — Забавная, знаете ли, штука жизнь. — Сейчас старший инспектор заговорил, вроде бы, как приятельским тоном, словно припоминая что-то вслух. Он стал похож на старого фермера, который рассказывает о своей земле и скотине. — Забавная... Я столько ошибок совершил..., но вы знаете, что я понял..., если схема проста, доверять ей нельзя. Простенькие схемы, как правило, бывают слишком хороши, чтобы им доверять. Возьмем это убийство. Девушка утверждает, что в нее стреляли и промахнулись. Швейцар кинулся к ней и был убит вторым выстрелом. Что ж, возможно, так и было. Предположим, что так восприняла случившееся и сама девушка. Однако на деле все могло

оказаться иначе... Вот вы сейчас сказали, леди Седжвик, что у Малиновского не было причин покушаться на жизнь вашей дочери. Согласен. Такого рода люди, поссорившись с женщиной, скорее пырнут ее ножом. Вряд ли он стал прятаться в цветнике и хладнокровно ждать, когда она появится. А если он хотел убить кого-то другого? Крики, выстрелы, и в суматохе убит Майкл Горман! Но, может быть, именно это и планировалось? Малиновский тщательно подготовил убийство. Выбрал туманную ночь, спрятался за стеной отеля и ждал, когда на улице появится ваша дочь. А что она появится, он знал. Выстрел. Он вовсе не собирался убивать девушку. Он стреляет мимо, но ей-то кажется, что целились в нее. Она кричит. Швейцар, услышав выстрел и крик, кидается к ней, и тогда Малиновский убивает того, кого и хотел убить, — Майкла Гормана.

— Не верю ни единому слову! Зачем Ладиславу понадобилось убивать Микки Гормана?

— Быть может, шантаж? — предположил Дед.

— Вы хотите сказать, что Микки шантажировал Малиновского? По поводу чего?

— Возможно, — сказал Дед, — по поводу того, что происходит в» отеле «Бертрам». Майклу Горману многое удалось узнать.

— Что же происходит в этом отеле? Что вы имеете в виду?

— Криминальное предприятие, — сказал Дед, — прекрасно организованное, превосходно работающее. Но всему наступает конец. Мисс Марпл спросила меня на днях: что именно неладно с этим отелем? Сейчас я отвечаю на этот вопрос. Отель «Бертрам» является штабом одного из лучших и крупнейших в истории преступных синдикатов.

Глава 27

Пауза продолжалась минуты две. Ее нарушила мисс Марпл.

— Чрезвычайно интересно! — произнесла она светским тоном.

Бесс Седжвик обратилась к ней:

— Вы насколько не удивлены, мисс Марпл?

— Нет. Не удивлена. Здесь происходило множество странных вещей, трудно поддающихся объяснению. Все было слишком хорошо, чтобы быть настоящим. Вы понимаете, что я хочу сказать? В театральных кругах это называется прекрасно поставленным спектаклем. И это был именно спектакль. Ну и, кроме того, тут было очень легко обознаться. Вам кажется, что это ваш знакомый, а на самом деле оказывается, что вы ошиблись.

— Такое случается, — поддержал ее старший инспектор, — но здесь это случалось уж слишком часто, так ведь, мисс Марпл?

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Такие, как Седина Хейзи, часто попадали впросак. Но это случалось не только с ней — со многими. Трудно было этого не заметить.

— Она многое замечает! — сказал Дэви, обращаясь к Бесс таким тоном, будто мисс Марпл была его любимая дрессированная собачка.

— Что вы имели в виду, — резко спросила Бесс, — говоря, что тут штаб преступного синдиката? Я бы сказала, что отель «Бертрам» — самое респектабельное место на всем свете.

— Вот именно. Таким он и должен быть. Сколько ж было затрачено денег, времени и ума, чтобы сделать этот отель именно таким, каким он стал! Настоящее и поддельное здесь чрезвычайно тонко перемешаны. У вас тут великолепный режиссер — Генри. И еще этот малый весьма пристойного вида — Хамфрис. В Англии за ним ничего не числится, однако за границей он был замешан в весьма подозрительных аферах, связанных с отелями. Есть тут и очень неплохие актеры, исполняющие разные характерные роли. Признаться, я восхищен организацией! Однако она обошлась стране в миллионы фунтов! Работники Скотленд-Ярда и провинциальной полиции платили за нее бессонными ночами. Каждый раз, когда нам удавалось напасть на след, выяснялось, что он никуда не ведет, ни с чем не связан. Но мы продолжали работать... Что-то замечено тут, что-то — там... Гараж с запасом поддельных номерных знаков. Фирма, поставляющая любые фургоны — мясные, овощные и почтовые. Автогонщик, покрывающий на гоночном автомобиле неслыханные

расстояния в неслыханные сроки, и тут же старый священник, который трясется по дорогам на потрепанном «Моррис-Оксфорде». Коттедж, где проживает огородник, оказывающий, когда нужно, первую помощь и имеющий связь именно с тем врачом, какой требуется. Нет надобности все это перечислять, разветвления организации бесчисленны! Но это лишь половина дела. Другая половина — постояльцы отеля «Бертрам», иностранцы. Большинство приезжало сюда из Америки или из доминионов. Респектабельные богатые люди, вне всяких подозрений, они привозили с собой роскошные чемоданы и уезжали как будто с ними же, а они хоть и были похожи на привезенные, но на самом деле были другие! Состоятельные туристы из Франции, которых не слишком беспокоит таможня, ибо таможня снисходительна к туристам, когда те везут деньги в страну. Одни и те же туристы не ездят слишком часто — не следует кувшину часто по воду ходить... Не так все это просто доказать, связать, но мы своего добьемся. Мы уже начали. Вот, к примеру, супруги Кэбот...

— Что такое насчет Кэботов? — перебила Бесс.

— А, вы помните их? Премилые американцы! Они тут жили в прошлом году и недавно останавливались снова. В третий раз они бы уже не приехали. Так вот, мы их арестовали, когда они прибыли в Кале. Очень удобный у них кофр! В нем было триста тысяч фунтов, аккуратными пачками. Результат ограбления поезда в Бедхэмптоне. Разумеется, это лишь капля в море... Отель «Бертрам», повторяю, штаб организации. В ней работает половина служащих отеля. И ряд постояльцев. Некоторые из них являются теми, за кого себя выдают, другие — нет. Настоящие Кэботы, к примеру, находятся сейчас у себя в Штатах, в Юкатане. Ну а еще эти переодевания... Возьмем судью Ладгроува. Запоминающееся лицо — нос картошкой, бородавка. Нетрудно под него загримироваться. Каноник Пеннифазер. Тихий священник из провинции с копной седых волос, всем известно, какой он рассеянный. Его жесты, его манера глядеть поверх очков — все это нетрудно симитировать хорошему актеру.

— А смысл? — спросила Бесс.

— Это вы меня спрашиваете? Разве неясно? Судью Ладгроува видели рядом с только что ограбленным банком. Кто-то узнал его, сообщил нам. Мы начинаем разбираться. И оказывается, что произошла ошибка и он был в это время в суде. Нам не сразу удалось разгадать, что нас намеренно вводили в заблуждение. Около тех мест, где только что совершались ограбления, видели судью Высокого суда, архидьякона, адмирала, генерал-майора, наконец! А в результате — сплошная путаница. После нападения на экспресс, по крайней мере, четыре автомашины занимались доставкой

добычи в Лондон. В ней приняли участие гоночный автомобиль Малиновского, грузовик для перевозки металлолома, старомодный «даймлер» с адмиралом за рулем и, наконец, старенький «Моррис-Оксфорд», который вел священник с копной седых волос. Великолепно задуманная и проведенная операция! Но однажды это преступное сообщество постигла неудача. Этот старый путаник Пеннифазер, вместо того чтобы благополучно улететь в Люцерн, вернулся после полуночи в отель, открыл номер ключом, который забыл сдать, и ошеломился, увидев самого себя, сидящего на стуле лицом к двери. Двойник каноника как раз собирался отправиться в Бедхэмптон, а тут появляется сам оригинал! Бандиты растерялись, но один быстро нашелся. Подозреваю, что это был Хамфрис. Он стукнул старика по голове, и тот упал, потеряв сознание. Полагаю, что кто-то этим был чрезвычайно рассержен. Чрезвычайно! Однако, осмотрев упавшего, они поняли, что он жив, и продолжили свое дело. Двойник каноника вышел из номера, затем из отеля и отправился туда, где должен был играть назначенную ему роль. Что они сделали с настоящим каноником, не знаю. Могу лишь догадываться. Думаю, что позже, той же ночью его отвезли на автомобиле к домику огородника, который жил неподалеку от того места, где должно было совершиться нападение на поезд и где имелся поблизости врач. Следовательно, если бы прошел слух, что каноника видели в тех местах, это бы сыграло им на руку. Им, конечно, пришлось поволноваться, пока каноник не пришел в себя и не стало понятно, что, по крайней мере, три дня выпали из его памяти.

— А иначе они убили бы его? — спросила мисс Марпл.

— Нет, — ответил Дед. — Не думаю. Кое-кто не допустил бы этого. Давно уже стало ясно, что тот, кто возглавляет эти операции, не является сторонником убийств.

— Потрясающе! — сказала Бесс Седжвик. — Фантастика!

Но я не верю, что у вас есть хоть что-то доказывающее участие Ладислава Малиновского во всей этой белиберде!

— У меня немало свидетельств против Малиновского, — сказал Дед. — Он, знаете ли, неосторожен, вертелся вокруг отеля, чего не должен был делать. В первый раз он явился сюда, чтобы установить связь с вашей дочерью. Согласно разработанному ими коду.

— Чепуха! Она сама вам сказала, что незнакома с ним.

— Сказала, но это была ложь. Она в него влюблена. И хочет, чтобы он женился на ней.

— Не верю!

— Вам не положено было это знать. Малиновский не тот человек,

который готов распахнуть душу, а свою дочь вы вообще не знаете. Сами же говорили. Вы ведь очень рассердились на Малиновского, когда тот явился в «Бертрам», так ведь?

— Почему я должна была рассердиться?

— А потому что вы возглавляете это предприятие! Вы и Генри. Финансовой стороной дела занимаются братья Хоффман. Они держат связь с банками на континенте и все такое, но глава синдиката, мозг, который задумывает и проводит операции, это ваш мозг, леди Седжвик.

Бесс Седжвик взглянула на старшего инспектора и рассмеялась.

— В жизни не слышала ничего более курьезного!

— Что вы, это совсем не смешно! Вы женщина умная, смелая и отчаянная. Вы многое в жизни перепробовали и решили наконец заняться преступной деятельностью. Тут и волнение, и риск. Вас не деньги прельщали, вам нужна была сама игра, острые ощущения. Но вы не допускали ни убийств, ни избиений, лишь в случае острой необходимости соглашались на то, чтобы жертву оглушили — тихо и вполне профессионально. А знаете, вы интереснейшая женщина! И в самом деле мало найдется среди преступников столь замечательных личностей!

Несколько минут длилось молчание. Затем Бесс Седжвик поднялась с места.

— Я думаю, вы сошли с ума! — Она протянула руку к телефону.

— Хотите позвонить своему адвокату? Самое время, пока не сболтнули что-нибудь лишнее.

Резким жестом она швырнула трубку на место.

— Вообще-то я терпеть не могу адвокатов... Ладно. Будь по-вашему! Да, я стояла во главе этого дела. Вы правильно поняли, что для меня это была игра. До чего ж это интересно! До чего весело грабить банки, поезда и так называемые охраняемые фургоны! Какое упоение — все это обдумывать, смаковать, решать, и я рада, что испытала его! Не следует кувшину часто по воду ходить. Так вы, кажется, сказали? Видимо, это справедливо. А вот насчет того, что Малиновский убил Майкла Гормана, — тут вы ошиблись. Он этого не делал. Это сделала я! — Она засмеялась коротким, нервным смешком. — Не важно, угрожал он мне или... Я сказала ему, что убью его — мисс Марпл это слышала, — и убила. Сделала то, что, по вашему предположению, сделал Малиновский. Спряталась в цветнике. Увидев Эльвиру, выстрелила в воздух, а когда она закричала и к ней подбежал Микки, выстрелила вновь — уже в него. У меня, конечно, есть ключи от всех входных дверей отеля. Через черный ход я проскользнула в свой номер. Мне и в голову не пришло, что вы узнаете, кому принадлежит

пистолет и заподозрите Малиновского. Я взяла пистолет из его машины, о чем он и понятия не имел! И, уверяю вас, без всякого желания навлечь на него подозрение! — Она повернулась к мисс Марпл:

— Помните, вы, свидетельница, вы слышали мои слова. Я убила Гормана!

— А быть может, вы это говорите, потому что влюблены в Малиновского? — предположил Дед.

— Я в него не влюблена! — резко отозвалась она. — Он мне друг, и ничего больше. Ну да, мы с ним были любовниками, это так, между прочим, но влюблена в него я не была. За всю мою жизнь я любила лишь одного человека — Джона Седжвика! — И вновь, когда она произнесла это имя, голос ее смягчился. — Но Ладислав — мой друг. Не желаю, чтобы его хватали за то, чего он не делал. Я убила Майкла Гормана. Я уже сказала это, и мисс Марпл меня слышала. Ну а теперь, дорогой инспектор,.. — Бесс Седжвик повысила голос и захохотала. — А теперь — поймите меня, если сумеете!

Молниеносным движением она разбила окно тяжелым телефонным аппаратом и, прежде чем Дед успел встать на ноги, была уже снаружи, стремительно продвигаясь по узкому карнизу. С прытью, удивительной для его телосложения, Дед подбежал к другому окну и распахнул его. Одновременно он извлек из кармана свисток и громко засвистел.

Мисс Марпл, которой не удалось подняться со стула с той же легкостью, присоединилась к Деду через секунду-другую. Оба они смотрели на фасад «Бертрама».

— Но она упадет! Она карабкается по водосточной трубе! — воскликнула мисс Марпл. — Зачем наверх?

— На крышу. В этом ее единственный выход, и она это понимает. Боже мой, посмотрите на нее! Лазают как кошка! Она похожа сейчас на муху, ползущую по стене! Ничего не боится!

— Она упадет, — пробормотала мисс Марпл, прикрывая глаза от солнца. — Она не удержится...

Женщина, за которой они наблюдали, исчезла из их поля зрения. Дед отошел от окна. Мисс Марпл спросила его:

— Разве вы не собираетесь пойти и...

— Что я могу, с моим-то весом? — покачал головой Дед. — Там внизу мои люди, готовые ко всяким случайностям, вроде вот этой. Однако не удивлюсь, если ей удастся их провести! Таких, как она, встретишь нечасто! — Он вздохнул. — Сумасбродная, неуправляемая натура. Таких невозможно приручить, заставить жить в обществе, подчиняясь порядку и

закону. Они сами выбирают свой путь. Есть среди них и святые. Те идут ухаживать за прокаженными или принимают мученическую смерть за веру. Если же берет верх дурная природа, они становятся способны на поступки такой жестокости, что и говорить об этом не хочется. Но попадаются и просто отчаянные. Им бы родиться в ином веке, когда каждый отвечал за себя и сражался за свою жизнь. Случайности подстерегали их на каждом шагу, опасности — тоже. И сами они были опасны для других. Тот мир им был под стать. Этот — не подходит.

— А вы знали, что она задумала?

— Не очень-то. Никогда не знаешь, чего от нее ждать, это — один из ее талантов. Она все обдумала заранее. Знала, что ей предстоит. Сидела, глядела на нас, поддерживая разговор, и думала, смекала, соображала. Мне кажется... — Дед замолчал — с улицы донесся автомобильный выхлоп, свист шин и рычание могучего мотора гоночной машины. Он высунулся в окно. — Ей это удалось, она добралась до своей машины!

Взвыв еще раз, машина вылетела из-за угла на двух левых колесах, и вот уже элегантное белое чудище неслось по улице.

— Она убьет кого-нибудь! — воскликнул Дед. — Если только не себя... Великолепно водит машину, великолепно... Ох, она чуть не...

Они слышали отдаляющийся вой и гудение клаксона, а потом — крики, вопли, скрежет тормозов, гудки встречных машин и, наконец, скрежет шин, выхлоп и...

— Разбилась, — констатировал Дед.

Он терпеливо ожидал, и это спокойствие, эта несуетливость удивительно шли к его массивной фигуре. Мисс Марпл молча стояла рядом. И тут какое-то известие стало передаваться по улице из уст в уста, как эстафета. Человек, стоявший на тротуаре напротив отеля, взглянул на старшего инспектора и принялся быстро жестикулировать обеими руками.

— Добилась своего, — мрачно заметил Дед. — Мертва. Врезалась в ограду парка на скорости девяносто миль в час. Других жертв нет, только мелкие повреждения. Да, она бесподобно водила машину! Мертва. — Он повернулся к мисс Марпл:

— Вы слышали ее признание?

— Слышала. — Мисс Марпл помолчала и спокойно добавила:

— Это, разумеется, не правда.

— Вы что ж, ей не поверили?

— А вы?

— Нет, — сказал Дед. — Она солгала. Она все обдумала и решила, что мы поверим, но это — ложь. Не она убила Майкла Гормана. А кто его убил,

вы случайно не знаете?

— Разумеется, знаю. Ее дочь.

— А! И когда вы догадались?

— Я давно начала подозревать...

— Я тоже, — сказал Дед. — Уж больно она была перепугана в тот вечер. И лгала как-то неумело. Но сначала я никак не мог найти причину...

— Это и меня смущало, — откликнулась мисс Марпл. — Она узнала, что брак ее родителей был незаконным, но разве современная девушка станет убивать из-за этого? Тут, видимо, замешаны деньги?

— Да, деньги, — сказал старший инспектор. — Отец оставил ей колоссальное состояние. Когда она узнала, что ее мать была женой Майкла Гормана, она поняла, что второй брак Бесс незаконный. И решила, что раз так, то она незаконная дочь и не имеет права на наследство. А между тем она ошибалась! У нас было однажды дело, похожее на это. Все зависит от того, как составлено завещание. Конистон оставил свои деньги именно ей, назвав в завещании ее имя. Она бы получила наследство, но она этого не знала.

— А зачем ей так нужны деньги? — спросила мисс Марпл.

— Чтобы купить Ладислава Малиновского, — сурово отозвался старший инспектор. — Без этих денег он на ней не женится. Девчонка это прекрасно понимает, она же не дурочка. Но она хотела его получить на любых условиях. Она в него страстно влюблена.

— Знаю, — отозвалась мисс Марпл. — Я видела ее лицо в тот день в парке Бэттерси.

— Понимая, что потеряет Малиновского, если лишится наследства, она замыслила убийство. Она, конечно, и не думала прятаться в цветнике. Там никого не было. Она просто встала у ограды, выстрелила в воздух, закричала, а когда Майкл Горман к ней кинулся, выстрелила в него и продолжала кричать. Действовала она чрезвычайно хладнокровно. У нее и в мыслях не было бросить тень подозрения на Малиновского. Она похитила у него пистолет, ибо не имела другой возможности достать оружие, но ей в голову не приходило, что он в тот вечер был где-то рядом, и что его могут заподозрить в убийстве. Она думала, что все свалят на какого-нибудь грабителя, который решил воспользоваться туманом. Да, хладнокровия ей не занимать! Однако потом, позже, она была чрезвычайно перепугана. А мать боялась за нее...

— Ну а теперь что вы собираетесь делать? — Мисс Марпл взглянула на Дэви.

— Я знаю, что убила она, — сказал Дед, — но доказательств у меня

нет. Быть может, ей и удастся вывернуться. Опытный защитник может устроить на суде эдакий душещипательный спектакль: она так юна, ее не правильно воспитывали, к тому же она хороша собой, и так далее...

— Да, — сказала мисс Марпл. — Исчадия ада часто бывают красивы. И, как известно, они нередко процветают в этой жизни.

— Но даже до суда дело может не дойти. Нет свидетелей! Вот вас, например, пригласят, и вам придется повторить то, что вы слышали от ее матери, а ее мать призналась в убийстве.

— Знаю, — отозвалась мисс Марпл. — Она это повторила не один раз. Ведь так? Ценой жизни она заплатила за свободу дочери. И признание, свидетельницей которого я была, это ее последняя воля...

Дверь в соседнюю комнату открылась. Вошла Эльвира Блейк. На ней было простенькое платье бледно-голубого цвета. Светлые волосы обрамляли лицо. Она была похожа на одного из ангелов раннего итальянского Возрождения.

Она взглянула сначала на старшего инспектора, потом на мисс Марпл. Затем сказала:

— Я слышала шум автомобиля, какой-то грохот и крики... Авария?

— Должен с прискорбием сообщить вам, мисс Блейк, — официальным тоном произнес старший инспектор Дэви, — что ваша мать скончалась.

Эльвира тихо охнула:

— Ой, нет!

Это был слабый, неуверенный протест.

— Перед тем как сбежать, — продолжал Дэви, — ибо ей именно пришлось бежать, она созналась в убийстве Майкла Гормана.

— То есть она сказала, что это она?..

— Да, так, она сказала. Не хотите ли вы что-нибудь добавить?

Эльвира посмотрела на него долгим взглядом, потом слабо качнула головой.

— Нет, мне нечего добавить.

Она повернулась и вышла из комнаты.

— Ну и как? — произнесла мисс Марпл. — Неужели вы допустите, чтобы ей это сошло с рук?

Наступила пауза, потом Дед с силой грохнул кулаком по столу.

— Нет, — прорычал он. — Нет, видит Бог, не допущу!

Мисс Марпл медленно наклонила голову.

— Господи, смилуйся над ее душой, — произнесла она.

---

notes

1

Гайд-парк — самый известный лондонский парк, место политических митингов и демонстраций, излюбленное место отдыха лондонцев.

Война... — Имеется в виду Вторая мировая война 1939—1945 годов.

...времена короля Эдуарда. — Имеется в виду английский король Эдуард VII (1901—1910).

Диккенс Чарлз (1812—1870) — английский писатель и публицист.

Джеймс Генри (1843—1916) — американский писатель и эссеист, с 1876 года живший в Англии и принявший британское подданство.

Мизансцена — размещение на сцене актеров и декораций, планировка сцены.

Фаренгейт Генри Джон (1686—1736) — голландский физик и стеклодув, создатель первых точных термометров и других приборов. Его термометрическая шкала со 180 делениями (от 32 до 212 градусов) принята в Англии и США.

Корнфлекс — кукурузные хлопья.

Французское Сопротивление — название народно патриотического движения во Франции во время Второй мировой войны на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками.

Грум — работник, ухаживающий за лошадьми, конюх.

Нимфомания — болезненное усиление полового влечения у женщин, обусловленное эндокринным, нервным или психическим расстройством.

«Спектейтор» — еженедельный журнал консервативного направления, выходящий в Лондоне с 1828 года и освещающий вопросы политики и экономики, а также литературы и искусства.

Оранжед — напиток из апельсинового сока, воды и сахара.

Имбирный эль — Имеется в виду безалкогольный газированный напиток, имбирное сидро.

Иглу — зимнее жилище из снега у части канадских эскимосов.

Шале — крестьянский дом в Альпах.

Брайтон — модный приморский курорт в графстве Суссекс на юго-востоке Англии.

Яйцо-пашот — яйцо в «мешочке», с жидким желтком и свернувшимся белком.

Британский музей — один из крупнейших музеев мира, основанный в 1753 году и владеющий богатейшими коллекциями памятников первобытной и античной культуры и культуры Древнего Востока.

Бювар — папка или портфель для хранения письменных принадлежностей.

Офицерский универсальный магазин — лондонский магазин, который первоначально обслуживал преимущественно офицеров сухопутных войск и военно-морского флота.

Сохо — район в центральной части Лондона, средоточие сомнительных увеселительных заведений, а также преступности и наркомании.

Ковент-Гарден — Королевский оперный театр в Лондоне, современное здание которого было построено в 1858 году.

«Атенеум» — лондонский клуб преимущественно для ученых и писателей, основанный в 1824 году.

Свитки Мертвого моря — рукописи на древнесемитских языках, а также на древнегреческом и латыни, находимые с 1947 года в пещерах на западном побережье Мертвого моря и датируемые II веком до н.э. — II веком н.э.

Пэл-Мэл — улица в центральной части Лондона, где расположено несколько известных клубов.

Карри — острая индийская приправа из пряных веществ, а также мясное, рыбное или овощное блюдо, приправленное кэрри и подаваемое обычно с рисом.

...автор фильма следует Библии — Согласно Библии, во время завоевания Палестины евреями стены древнего палестинского города Иерихона пали от звука труб, с которыми жрецы и воины по велению Бога ходили вокруг его стен (Ветхий Завет, Книга Иисуса Навина, VI).

Клептомания — болезненное состояние, проявляющееся в непреодолимой тяге к воровству.

Честертон Герберт Кийт (1874—1966) — английский писатель и мыслитель, автор циклов рассказов о сыщике-священнике отце Брауне.

...фигур мадам Тюссо — Имеется в виду лондонский музей восковых фигур знаменитых людей, открытый в 1802 году и названный по имени основательницы мадам Тюссо.

Ричмонд — небольшой город в графстве Суррей на правом берегу Темзы недалеко от Лондона.

...пять футов восемь дюймов — Соответствует примерно ста семидесяти трем сантиметрам: фут — мера длины, равная 30,5 см, дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

Конфирмация — у протестантов обряд подтверждения крещения, совершаемый над подростками перед первым причастием.

Ариэль — персонаж трагикомедии Вильяма Шекспира «Буря» (1612—1613), веселый и ласковый сказочный дух.

...специалист по древнееврейскому — Один из древних семитских языков, на котором написаны некоторые части Ветхого Завета.

...арамейскому — Один из древних семитских языков, на котором написаны некоторые главы Библии и Талмуда.

...послеполуденного чаепития — Чай в английских семьях традиционно подается в пять (семнадцать) часов дня.

Файв-о-клок! Это очень по-английски, не так ли? (фр.)

Кофр — большой дорожный чемодан.

Добрый самаритянин — «человек, который жалеет других и бескорыстно им помогает». Выражение восходит к библейской притче о добром самаритянине (Евангелие от Луки, X, 30—37).

Битник — представитель анархического движения молодежи в США и Великобритании в 50—60-ые годы XX века, протестовавшего против существующего общества нарушением всех его норм и установлений (от англ «разбитое поколение»).

Эрцгерцог — титул членов бывшего австрийского императорского дома.

Иерихонские стены — Автор пьесы «Стены Иерихона» (1906) является Альфред Сутро (1863—1933), английский писатель, переводчик и удачливый предприниматель.

Капор — детский и женский головной убор с завязывающимися под подбородком лентами.

Мантлья — короткая накидка без рукавов в женском костюме XIX века.

Стеклярус — род крупного бисера — разноцветные короткие трубочки из стекла.

Треба — богослужебный обряд (крестины, венчание, панихида и т.п.), совершаемый по просьбе самих верующих.

Дактилоскопия — раздел криминалистики, изучающий строение кожных узоров.

Галерея Тэйт — богатое собрание произведений живописи и скульптуры английских и зарубежных мастеров Основана в 1897 году Г.Тейтом.

Беркли-сквер — живописная площадь в центральном аристократическом районе Лондона.

Двойник (нем.)

Чем оно больше меняется, тем больше остается собой (фр.)

Чем оно больше остается собой, тем больше меняется (*фр.*)